

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал **«Арктика и Север»**

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В.Ломоносова»

Редакция электронного научного журнала
«Арктика и Север»

Архангельск

DOI 10.17238/issn2221-2698.2017.27

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2017. № 27

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2017

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2017

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://narfu.ru/aan/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 03.00.00 Биология (в том числе экология; биологические ресурсы); 07.00.00 Исторические науки и археология; 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология; 24.00.00 Культурология; 25.00.00 Науки о Земле (в том числе климатология; география).

Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются. Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, включая РИНЦ, DOAJ и другие, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" ("Arktika i Sever") is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate El № FS77-42809, November 26, 2010; at the system of the Russian Science Citation Index (RSCI), license contract № 96-04/2011R, April 12, 2011; Scientific Electronic Library "Cyberleninka" (2016); In the catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016); MIAR, Spain (2016); OAJI (2017). The Journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief — Elena V. Kudryashova, D. Phil., Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://narfu.ru/en/research/journals/aan/requirements.php>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 03.00.00 Biology (including ecology; biological resources); 07.00.00 History and archaeology; 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science; 24.00.00 Culture; 25.00.00 Geoscience (including climatology; geography).

No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid. All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including RSCI, DOAJ and OAJI, that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at: <http://narfu.ru/en/research/journals/aan/>

We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

Содержание. Contents

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS, POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

- Синица А.Л.** Рождаемость на Европейском Севере России в 1990–2015 гг. 5
Arseniy A. Sinita Fertility in the European part of the Russian North in 1990–2015
- Сулейманова О.А.** Переезд на новое место жительства: к проблеме семантизации вещей в современной культуре (на материалах Кольского Заполярья) 30
Olesya A. Suleymanova Moving to a new place of residence: the item semantization in modern culture (on materials of the Kola Polar region)
- Цветков А.Ю.** Цели и стратегия развития территории (на примере Соловецкого архипелага) 52
Alexander Yu. Tsvetkov The objectives and strategy of the spatial development (using the Solovetsky archipelago as the example)

СААМЫ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СЕВЕРЕ THE SÁMI: SOME ASPECTS OF NORDIC RESEARCH

- Нюссонен Ю., Лехтола В.-П.** Введение. От расовых различий к возрождению народа: аспекты исследований саамов в Финляндии и Норвегии 59
Jukka Nyysönen, Veli-Pekka Lehtola Introduction. From depictions of race to revitalizing a people: aspects of research on the Sámi in Finland and Norway
- Килли Р.** Лопарей ценят за выносливость: исследования саамов в самом северном пасторате финской Лапландии 73
Ritva Kylli “The Lapps are used like camels in distant lands”: Sámi research in the northernmost parsonage of Finnish Lapland
- Лехтола В.-П.** Исчезающие саамы, прогресс в действии: финская лаппология и представления о саамах в обществе в начале XX в. 94
Veli-Pekka Lehtola Vanishing Lapps, progress in action. Finnish lappology and representations of the Sámi in publicity in the early 20th century
- Хансен Л.И.** О саамской историографии 117
Lars Ivar Hansen Perspectives on Sámi historiography
- Нюссонен Ю.** Вяйнё Таннер и дискурс о расовых различиях 143
Jukka Nyysönen Väinö Tanner and the discourse on racial difference
- Ландсем Л.И.** Исследование меньшинств: между наукой и политикой 165
Lena Ingilæ Landsem Research into minorities: between science and politics

ОБЗОРЫ. REVIEWS

- Каторин И.В.** Международный диалог о человеке в Арктике: тема развития человеческого капитала на Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога» 190
Igor V. Katorin International dialogue about people in the Arctic: the topic of development of the human capital at the International Arctic forum “Arctic: Territory of Dialogue”

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

Авторы, аннотации, ключевые слова / Authors, abstracts, keywords	200
Редакционный совет журнала «Арктика и Север» / Editorial board of “Arctic and North” journal	206
Выходные данные / Output data	208

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS, POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

УДК 314.38, 314.8

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.5

Рождаемость на Европейском Севере России в 1990–2015 гг.¹

© **Синица Арсений Леонидович**, кандидат экономических наук, научный сотрудник Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета. Телефон: 8 (495) 939-29-29, e-mail: sinitsa@econ.msu.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Аннотация. На основе данных Росстата в статье рассматривается динамика изменения системы показателей, характеризующих уровень рождаемости в регионах Европейского Севера России (в том числе, выделяя го-

родскую и сельскую местности). Для проведения анализа использовались общенаучные и специальные демографические методы. В ходе работы было выявлено, что к 1999 г. число рождений в регионах Европейского Севера России сильно снизилось, но к 2015 г. показатели рождаемости улучшились, хотя рождаемость постарела. При этом рождаемость в регионах Европейского Севера России в целом выше среднего по России уровня, но воспроизводство населения является суженным уже достаточно долго. Наконец, различия между городской и сельской местностями большие. В отношении последней можно предполагать существование определённых проблем, связанных со сбором информации.

Ключевые слова: *рождаемость, показатели рождаемости, Европейский Север России, дифференциация регионов*

Fertility in the European part of the Russian North in 1990–2015

© **Arseniy L. Sinitsa**, Cand. Sci. (Econ.), researcher of the Laboratory for the Population Studies and Demography, Faculty of Economics. Phone: +7 (495) 939-29-29, e-mail: sinitsa@econ.msu.ru
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Abstract. Based on the Federal State Statistics Service data, the article examines the dynamics of changes in the system of indicators characterizing the birth rate in the regions of the European North of Russia (including urban and rural areas). General and special demographic methods were used for the analysis. In the course of the work it was revealed that by 1999 the number of births in the regions of the European North of Russia had greatly decreased, but by 2015 fertility rates had improved, although the birth rate had worsened. At the same time, the birth rate in the regions of the European North of Russia in general is higher than the average for Russia, but the reproduction of the population has been narrowed for quite a long time already. Finally, the differences between the urban and rural areas are large. In relation to the latter, it is possible to assume the existence of certain problems related to the collection of information.

Keywords: *fertility, fertility indicators, European North of Russia, regional differentiation*

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 15-06-09027 «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения».

Введение

Социально-экономические трансформации 1980–1990-х гг. негативно повлияли на социально-экономическое развитие страны: они привели к значительному сокращению ВВП, снижению уровня жизни населения и уменьшению государственной поддержки. Наиболее важным из негативных итогов следует признать сокращение численности населения. Данная проблема является одной из ключевых для развития всей страны, но в условиях Севера она особенно актуальна.

Численность населения зависит от большого числа факторов (в том числе, уровня жизни), поэтому она является сложным интегральным показателем и отражает уровень развития территории, на которой данное население проживает. При этом численность населения влияет на безопасность страны, под которой подразумевается «состояние объекта в системе его связей с точки зрения способности к самовыживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз» [1, Сенчагов В.К., с. 35].

Демографическая безопасность — частный вид безопасности. Под ней понимается «состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства» [2, Рыбаковский Л.Л., с. 22].

Выделяют много угроз демографической безопасности, связанных с различными аспектами воспроизводства населения. Целью нашего исследования является изучение изменения показателей рождаемости, поскольку именно проблема оптимального уровня рождаемости является основой решения вопроса об оптимальных темпах воспроизводства населения в масштабе всей страны [3, Кваша А.Я., с. 85], хотя в северных регионах миграция тоже играет значительную роль, что связано с особенностями освоения данных территорий.

Методы исследования

В Указе Президента РФ от 02.05.2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» к ней отнесено меньше территорий по сравнению с традиционным выделением [4, Жуков М.А., с. 4–20; 5, Коновалов А.М., с. 51–64; 6, Тоскунина В.Э., с. 69–78]. Следовательно, рассматривать в качестве Арктики большую территорию по сравнению с современной АЗРФ — более правильно, так как при этом исследователь может комплексно взглянуть на проблемы развития этих территорий (в том числе и демографические) [7, Половинкин В.Н.]. Однако Арктическую зону РФ следует выделять отдельно, так как данные территории являются приоритетными для развития с точки зрения государственного

управления, поскольку «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г.» действуют именно в рамках данных территорий.

Тем не менее, на наш взгляд, рассматривая Европейский Север России, мы обязаны затрагивать и те территории, которые не относятся к Арктике. Во-первых, к Арктической зоне РФ относится лишь часть муниципальных образований, тогда как с демографической точки зрения остальные муниципальные образования, например, в Архангельской области, не имеют значимых отличий по уровню демографического развития от арктических. При этом собрать данные для построения длинных временных рядов для анализа изменения уровня рождаемости в муниципальных образованиях нельзя. Аналогичное рассуждение мы можем сделать и при проведении сравнительного анализа между регионами (например, Мурманской и Архангельской областями и Республикой Карелия). Во-вторых, хозяйственные связи между регионами Европейского Севера России тесные, что позволяет объединять их по географическому и экономическому признакам в единый макрорегион, хотя с демографической точки зрения он не столь однороден. В-третьих, приоритет отдаётся развитию Арктической зоны РФ, однако логика её освоения требует развития и соседних территорий, которые не вошли в неё, но климатические и экономические отличия в них минимальны.

В связи с этим объектом изучения является рождаемость населения регионов Европейского Севера России (Мурманской, Архангельской областей, Республик Карелия, Коми, Ненецкого АО) в 1990–2015 гг. Данные по России приводятся для сопоставления демографического развития страны в целом и рассматриваемых регионов.

В работе мы используем данные Росстата. К сожалению, в них Ненецкий АО зачастую не выделяется из Архангельской области, поэтому для унификации подачи материала данные по ней в статье приводятся вместе с Ненецким АО, но при этом он выделяется и как отдельный регион РФ.

Анализ рождаемости на любом уровне нельзя проводить на основании только одного или двух показателей, поскольку каждый показатель имеет свои достоинства и недостатки. В связи с этим в работе мы будем использовать абсолютное число рождений за год, общий коэффициент рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости по пятилетним возрастным группам, итоговое число детей, рождённых женщинами разных поколений, и суммарный коэффициент рождаемости.

Данная тема актуальна, но ей посвящено не так много работ. Можно отметить работы В.В. Фаузера [8–10], но в них в большей степени рассматривается весь Север, а не его Европейская часть. Кроме того, в работах [8–9] он делает акцент на демографическом потенциа-

ле, а не на рождаемости, а в работе [10, Фаузер В.В., с. 129–144] не рассматриваются возрастные коэффициенты рождаемости и суммарный коэффициент рождаемости. Вторым автором является Л.А. Попова, однако сферой её интересов является преимущественно Республика Коми, тогда как остальные регионы Европейского Севера России в её работах рассматриваются в гораздо меньшем объёме [11–14, Попова Л.А.]. Среди прочих можно выделить работы [15, Тоичкина В.П.; 16, Шелыгин К.В.; 17, Ревич Б.А., Харькова Т.Л., Кваша Е.А. и др.]. Также мы можем отметить ряд работ, в которых регионы Европейского Севера России сравниваются с другими северными регионами по уровню демографического развития и в которых рассматриваются меры государственной социальной и демографической политик, реализуемые в них [18, Синица А.Л.; 19, Попова Л.А.; 20, Шишкина М.А., Попова Л.А.]. Тем не менее, вопросы рождаемости в них рассмотрены недостаточно подробно.

Отличие нашей работы от них заключается в том, что мы рассматриваем рождаемость во всех регионах Европейского Севера России за длительный период времени, привлекая большое количество показателей и затрагивая различия между городской и сельской местностями.

К сожалению, при изучении различий рождаемости в городской и сельской местностях мы сталкиваемся с проблемой учёта происходящих демографических событий: крайне высокие показатели рождаемости в сельской местности в 2011–2014 гг., равно как и резкий спад рождаемости в 2015 г., могут быть связаны именно с проблемами в сфере сбора данных². Среди возможных причин мы можем выделить учёт рождаемости у военнослужащих, заключённых, мигрантов, а также малые размеры выборки в сельской местности (особенно для возрастных коэффициентов рождаемости) хотя мы не отрицаем влияния тайминговых сдвигов и мер демографической политики. В связи с этим выводы по городской и сельской местностям носят в некоторой степени условный характер, и для уточнения уровня рождаемости в них требуются дополнительные исследования.

Динамика изменения числа рождений в 1990–2015 гг.

Данный показатель важен, так как органы власти должны знать, сколько детей рождается. Это необходимо при планировании сумм на различные «детские» пособия (по рождению ребёнка, по уходу за ребёнком, для семей с различным числом детей и различным уровнем дохода и прочие), различную помощь семьям с детьми в натуральной форме и развитие «детской» инфраструктуры (больниц, поликлиник, детских садов, яслей, молочных ку-

² Снижение рождаемости в 2015 г. в сельской местности было столь значительным, что мы приводим данные за 2014 и 2015 гг.

хонь, магазинов, объектов культуры и прочих). Кроме того, число рождений является первичной информацией, на основе которой рассчитываются все остальные показатели.

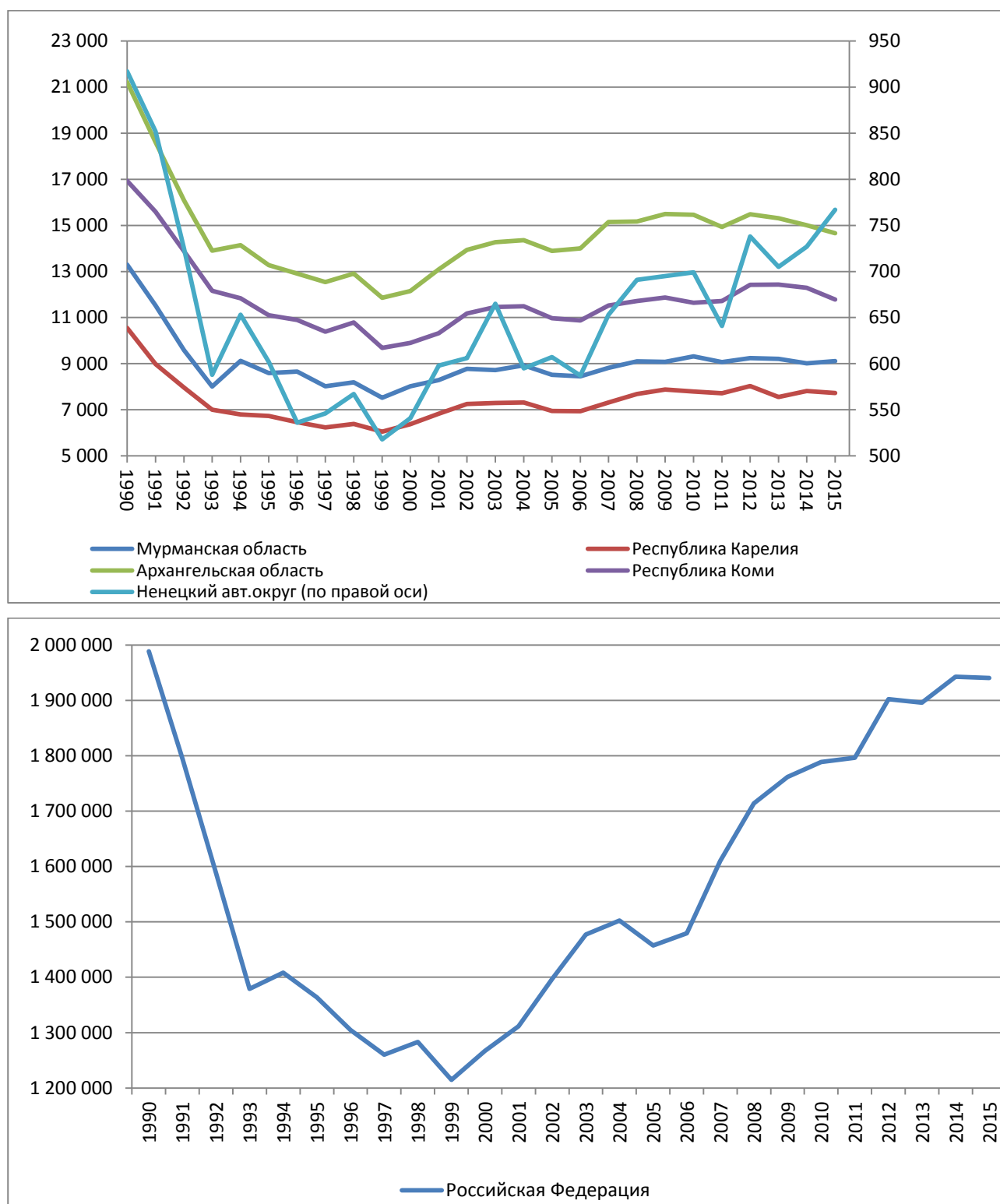

Рисунок 1. Изменение числа рождений в РФ и в регионах Европейского Севера России в 1990–2015 гг.³

На рис. 1 представлена динамика изменения числа рождений в РФ и на Европейском Севере России в 1990–2015 гг.⁴ Темпы снижения рождаемости в России были максимальны-

³ Число родившихся (без мертворождённых) за год. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения: 15.02.2017)

ми в 1991–1993 гг. В этот период годовое число рождений сократилось с 1989 тыс. до 1397 тыс. (на 30,7%). Это связано с резким изменением социально-экономической среды и с тем, что население не сразу приспособилось к изменившимся условиям.

По мере ухудшения экономической ситуации в стране рождаемость продолжала снижаться. В 1999 г. был зафиксирован абсолютный минимум числа рождений (1 215 тыс. рождений), а снижение составило 38,9% (см. таб. 1).

После начала процесса экономической стабилизации и вступления в репродуктивные возрасты многочисленных поколений, рождённых в 1980-е гг., абсолютное число рождений начало увеличиваться. Этому способствовала и активная государственная демографическая политика, которая стала проводиться начиная с 2007 г. В 2015 г. родилось 1941 тыс. детей, что составляет 97,6% от уровня 1990 г., то есть дореформенный уровень был практически достигнут.

Таблица 1

Число рождений и его процентное изменение в РФ и в регионах Европейского Севера России в 1990, 1999 и 2015 гг.⁵

Регион	Число рождений в 1990 г.	Число рождений в 1999 г.	Число рождений в 2015 г. ⁶	Процентное изменение (1999 г. к 1990 г.)	Процентное изменение (2015 г. к 1999 г.)	Процентное изменение (2015 г. к 1990 г.)
Мурманская область						
всё население	13 301	7 525	9 111 (9 017)	56,6	121,1	68,5
городское население	12 182	6 895	8 564 (8 322)	56,6	124,2	68,5
сельское население	1 119	630	547 (695)	56,3	86,8	70,3
Республика Карелия						
всё население	10 553	6 054	7 726 (7 816)	57,4	127,6	73,2
городское население	8 643	4 448	6 355 (5 971)	51,5	142,9	73,5
сельское население	1 910	1 606	1 371 (1 845)	84,1	85,4	71,8
Архангельская область						
всё население	21 216	11 855	14 662 (15 005)	55,9	123,7	69,1
городское население	14 768	8 701	11 480 (11 011)	58,9	131,9	77,7
сельское население	6 448	3 154	3 182 (3 994)	48,9	100,9	49,4
Ненецкий АО						
всё население	917	518	767	56,5	148,1	83,6

⁴ Поскольку на одном графике отобразить столь большие различия в абсолютных числах рождений нельзя, но необходимо, то Россия в целом была представлена отдельно.

⁵ Число родившихся (без мертворождённых) за год. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения: 15.02.2017)

⁶ В скобках представлено число рождений в 2014 г.

			(727)			
городское население	499	518	529 (472)	52,9	200,4	106,0
сельское население	418	264	238 (255)	60,8	93,7	56,9
Республика Коми						
всё население	16 930	9 680	11 789 (12 291)	57,2	121,8	69,6
городское население	12 608	7 216	8 853 (8 850)	57,2	122,7	70,2
сельское население	4 322	2 464	2 936 (3 441)	57,0	119,2	67,9
Российская Федерация						
всё население	1 988 858	1 214 689	1 940 579 (1 942 683)	61,1	159,8	97,6
городское население	1 386 247	842 640	1 455 283 (1 394 860)	60,8	172,7	105,0
сельское население	602 611	372 049	485 296 (547 823)	61,7	130,4	80,5

В регионах Европейского Севера России ситуация несколько отличалась. Точно так же минимум числа рождений был достигнут в 1999 г., но уже в период до 1993 г. снижение числа рождений было больше среднего по России во всех регионах, кроме Республики Коми. В 1990–1999 гг. снижение составило 43–44%, что несколько больше среднего по России уровня. Увеличение числа рождений за 1999–2015 гг. было гораздо меньше, что связано с миграционным оттоком населения в репродуктивных возрастах (особенно большим он был в Мурманской области). В Ненецком АО оно составило 48,1%, но даже это значение существенно ниже среднероссийского (59,8%). В остальных регионах число рождений увеличилось только на 21–28%.

В результате число рождений в данных регионах за 1990–2015 гг. значительно сократилось. В Ненецком АО сокращение составило 16,4%, а в прочих — 27–32%. Это означает, что в регионах Европейского Севера России реализуемых мер государственной политики (миграционной, демографической, социально-экономической и прочих), направленных на развитие демографического потенциала, недостаточно. Относительно небольшое снижение числа рождений в Ненецком АО можно объяснить более благоприятной экономической ситуацией в этом регионе, более молодой половозрастной структурой населения, а также наличием значительной доли коренных малочисленных народов Севера, которые находятся на более ранней стадии демографического перехода и имеют более высокую рождаемость.

Регионы Европейского Севера России — регионы с крайне высокой долей городского населения [21, Синица А.Л., с. 112–123; 22, Фаузер В.В. и др., с. 40–50]. При этом различия в рождаемости между городскими и сельскими поселениями велики.

За 1990–2015 гг. число рождений в РФ в целом в городской местности⁷ увеличилось на 5,0%, а в сельской — сократилось на 19,5%. Уровень рождаемости в сельской местности в большинстве регионов выше, поэтому неудивительно, что снижение рождаемости в ней было сильнее. Число рождений в городской местности увеличилось только в Ненецком АО (на 6,0%). В Архангельской области снижение составило 22,3%, в Мурманской области — 29,7%, в Республиках Карелия и Коми — соответственно 26,5% и 29,9%.

Снижение числа рождений в сельской местности было более значительным. Так, минимальные значения были отмечены в Республиках Карелия (28,2%) и Коми (32,1%). В Ненецком АО снижение составило 43,1%. Наибольшее снижение наблюдалось в Архангельской (50,7%) и Мурманской (51,1%) областях — регионах с самой высокой долей городского населения.

Важным фактором, влияющим на число рождений, является число случаев прерывания беременности. На рис. 2 представлена динамика изменения числа случаев прерывания беременности на 100 рождений в 1992–2014 гг.⁸

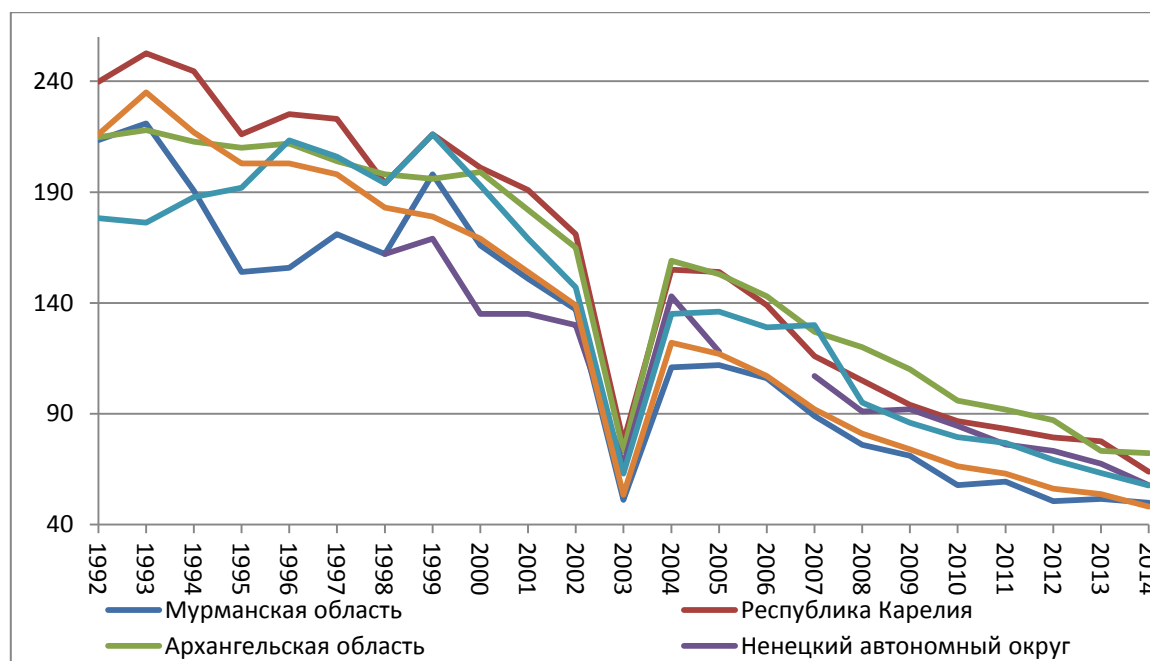

Рисунок 2. Число случаев прерывания беременности на 100 рождений в регионах Европейского Севера России в 1992–2014 гг.⁹

⁷ Если мать проживает в сельской местности, а рожать приехала в городскую, то это демографическое событие будет отражено в статистике последней, что ведёт к искажению показателей рождаемости.

⁸ Разрыв графика по Ненецкому АО связан с отсутствием данных за некоторые годы.

⁹ Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=7000088> (дата обращения: 15.02.2017), Прерывание беременности (аборт) по регионам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B01_34/lssWWW.exe/Stg/d010/i011120r.htm (дата обращения: 15.02.2017), Прерывание беременности (аборт). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_14/lssWWW.exe/Stg/d010/i011280r.htm (дата обращения: 15.02.2017), Регионы России. Статистический сборник. Том 2. М.: Госкомстат России. 2001. 807 с. С. 248–249.

Число аборт в России во времена СССР было большим: в 1990 г. было совершено 4 103,4 тыс. прерываний беременности¹⁰, а родилось всего 1 988,9 тыс. детей, то есть на одно рождение приходилось чуть более двух абортов. За время реформ число абортов в РФ на 100 рождений сократилось с 216,1 в 1992 г. до 48,1 в 2014 г. (в 1993 г. было зафиксировано максимальное значение — 235 абортов на 100 рождений). Снижение числа случаев прерывания беременности благоприятно повлияло на рождаемость в стране, но существующая норма детности, которая предполагает, что в семье должно быть не более двух детей, но один необходим для самореализации женщины [23, Синявская О.В. и др., с. 35], является слишком низкой.

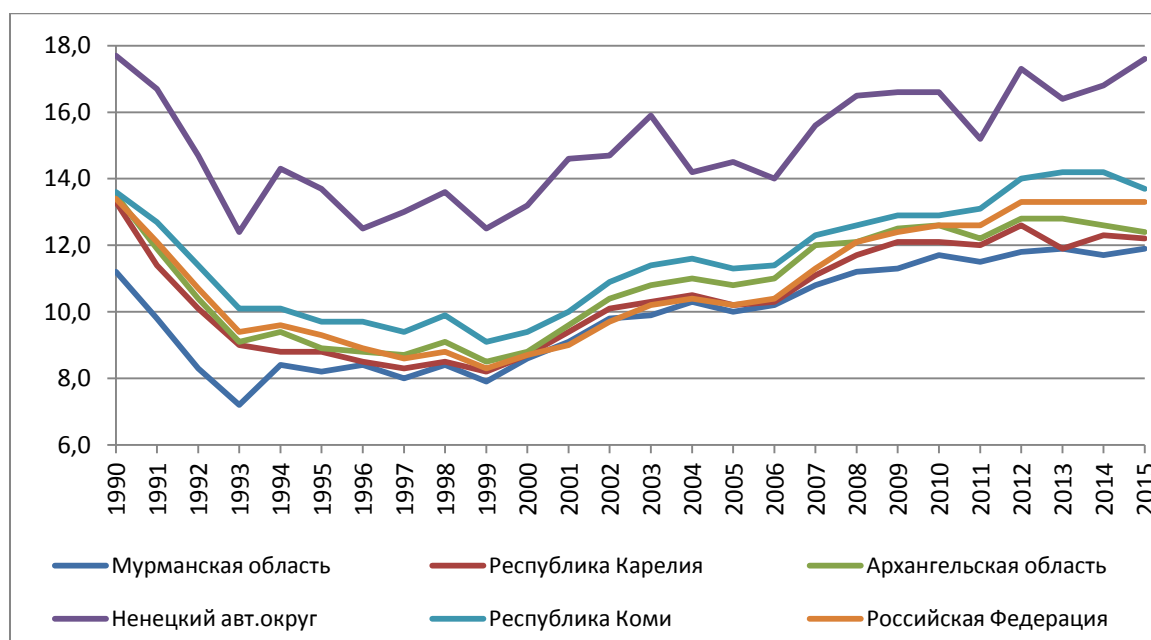
На протяжении всего рассматриваемого периода число абортов по отношению к числу рождений снижалось как в масштабе всей страны, так и в регионах Европейского Севера России. Однако если в начале 1990-х гг. в данных регионах число случаев прерывания беременности по отношению к числу рождений было ниже среднего по стране, то с середины 1990-х гг. в большинстве регионов данный показатель стал выше среднего по стране. Исключением является Мурманская область, в которой практически всё время он был ниже среднего по стране. Наиболее высокие значения показателя были в Архангельской области и Республике Карелия.

Динамика изменения общего коэффициента рождаемости

По приближённой шкале оценки, предложенной Б.Ц. Урланисом и В.А. Борисовым, значения общего коэффициента рождаемости (далее — ОКР), меньшие 16%, считаются низкими. Поэтому мы можем утверждать, что за рассматриваемый период рождаемость в России была низкой (см. рис. 3).

Динамика изменения ОКР по стране в целом повторяет динамику изменения общего числа рождений. Точно так же максимальное значение (13,4%) наблюдалось в 1990 г., а минимальное (8,3%) — в 1999 г. В 2015 г. значение ОКР было чуть ниже уровня 1990 г. — 13,3%.

¹⁰ Демографический ежегодник России. 2005: Стат. сб. М.: Росстат, 2005. С. 248.

Рисунок 3. ОКР в РФ и регионах Европейского Севера России в 1990–2015 гг.¹¹

Изменения ОКР в регионах Европейского Севера России были примерно такими же, как и в стране в целом, однако, в отличие от динамики общего числа рождений, ОКР в этих регионах к 2015 г. достиг уровня 1990 г. В Мурманской области его значение на протяжении почти всего периода были наиболее низкими как по сравнению с остальными регионами, так и по сравнению со страной в целом, а в республике Коми – выше. Отдельно следует выделить Ненецкий АО, в котором ОКР был гораздо выше, чем в остальных регионах. Более того, рождаемость в нём в 1990–1992, 2008–2010 и 2012–2015 гг. была больше 16,0%. Значительные колебания по Ненецкому АО связаны с тем, что из-за маленькой численности населения в нём рождается мало детей, поэтому даже небольшие изменения числа рождений сильно влияют на ОКР.

Таблица 2

ОКР в РФ и регионах Европейского Севера России в 1990, 1999 и 2015 гг.¹²

Регион	1990	1999	2015 ¹³	Регион	1990	1999	2015
Мурманская область				Ненецкий АО			
всё население	11,2	7,9	11,9 (11,7)	всё население	17,7	12,5	17,6 (16,8)
городское население	11,2	7,9	12,1 (11,7)	городское население	15,1	10,3	16,8 (15,3)
сельское население	11,1	8,5	9,9 (12,3)	сельское население	22,3	16,3	19,5 (20,6)
Республика Карелия				Республика Коми			
всё население	13,3	8,2	12,2	всё население	13,6	9,1	13,7

¹¹ Число зарегистрированных родившихся в расчёте на 1000 населения. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33536> (дата обращения: 15.02.2017).

¹² Число зарегистрированных родившихся в расчёте на 1000 населения. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33536> (дата обращения: 15.02.2017).

¹³ В скобках представлен ОКР в 2014 г.

			(12,3)				(14,2)
городское население	13,4	8,1	12,6 (11,9)	городское население	13,4	9,0	13,2 (13,1)
сельское население	13,2	8,4	10,7 (14,1)	сельское население	14,4	9,2	15,3 (17,7)
Архангельская область				Российская Федерация			
всё население	13,5	8,5	12,4 (12,6)	всё население	13,4	8,3	13,3 (13,3)
городское население	12,7	8,3	12,6 (12,1)	городское население	12,7	7,8	13,4 (12,9)
сельское население	15,6	8,9	11,8 (14,5)	сельское население	15,5	9,6	12,8 (14,2)

Как и во всей России, в сельской местности в регионах Европейского Севера России рождаемость была выше (см. таб. 2), хотя в некоторых из них в конце 1999-х и начале 2000-х гг. рождаемость в городской местности в отдельные гг. была выше.

Важным выводом является то, что меры демографической политики, которые начали реализовываться в 2007 г., для рассматриваемых регионов, вероятно, оказались менее эффективными. Если до 2008 г. ОКР по ним был выше среднего по России, то начиная с этого года он остался таким только в Республике Коми и Ненецком АО. Однако такая ситуация может быть связана и с изменением половозрастной структуры населения. В свою очередь подобные изменения связаны с провалами демографической политики прошлых лет (особенно в сфере миграции). Всё это ставит вопрос об эффективности её мер для данных территорий.

ОКР зависит от структуры населения, поэтому при прочих равных условиях в регионах с более молодым населением он будет выше, но данный показатель можно использовать для получения более полной картины, ведь он показывает динамику изменения рождаемости с учётом изменения численности населения. К сожалению, ОКР зависит не только от интенсивности процесса рождаемости, но и от половозрастной и брачной структур населения и даёт лишь общее представление об уровне рождаемости. Следовательно, нам необходимо рассмотреть дополнительные показатели.

Динамика изменения возрастных коэффициентов рождаемости

Росстат публикует данные о возрастных коэффициентах рождаемости по пятилетним возрастным группам, а не по однолетним, что даёт менее точный результат, но мы будем использовать именно эти сведения. Возрастные коэффициенты рождаемости рассчитываются и для возрастной группы 50–54 года, но в России в целом и в изучаемых регионах для данной группы он равен нулю, поэтому она была исключена из рассмотрения, и последней рассматриваемой группой являются женщины в возрасте 45–49 лет.

В 1990 г. сумма возрастных коэффициентов рождаемости для РФ и регионов Европейского Севера России была самой большой, что свидетельствует о том, что в этот год рождае-

мость была на самом высоком уровне. До 1999 г. рождаемость снижалась, что на рис. 4 отмечено как снижение пикового значения в возрастах 20–24 года. При этом рождаемость в других возрастах была ниже уровня 1990 г.

После начала роста рождаемости в 2000-х гг. мы видим увеличение рождаемости в возрастах 25–29 лет и 30–34 года, тогда как в возрастах 15–19 лет и 20–24 года она продолжала снижаться, то есть рождаемость стала стареть. Она особенно сильно выросла в возрастных группах старше 35 лет, однако число рождений в них невелико. Это связано с реализацией отложенных рождений, мерами демографической политики, которые направлены на стимулирование рождения детей второй и более высоких очередностей рождения, что обычно происходит в более поздних возрастах, повышением значимости карьеры и других ценностей по сравнению с такой ценностью, как наличие в семье нескольких детей [24, Архангельский В.Н., с. 45] и желанием одиноких женщин иметь ребёнка [25, Толокнова С.С., с. 111].

Наиболее низкие значения возрастных коэффициентов рождаемости за весь период наблюдались в Мурманской области, в которой они были ниже даже средних по России. В остальных регионах они были немного выше среднего уровня. Самые высокие значения за весь период наблюдались в Ненецком АО. Вероятно, в нём в 2015 г. они были выше даже уровня 1990 г., но точно сказать мы этого не можем из-за отсутствия данных за этот период.

Если мы посмотрим на возрастные коэффициенты рождаемости для городской и сельской местностей, то мы увидим, что за 25 лет рождаемость постарела в городах сильнее. В 1990 г. (для Ненецкого АО — 1993 г.) максимальные значения в России и регионах Европейского Севера России как в городской, так и в сельской местности были в возрастной группе 20–24 года. В 2015 г. в РФ в целом и в этих регионах в городской местности максимальное значение было зафиксировано в возрастной группе 25–29 лет. В сельской местности в РФ максимальная рождаемость приходилась на возрастную группу 20–29 лет, тогда как в регионах Европейского Севера России только в Республике Карелия рождаемость была максимальной в этой возрастной группе. В остальных регионах в сельской местности возрастной коэффициент был максимальным в возрастах 20–24 года (см. таб. 3).

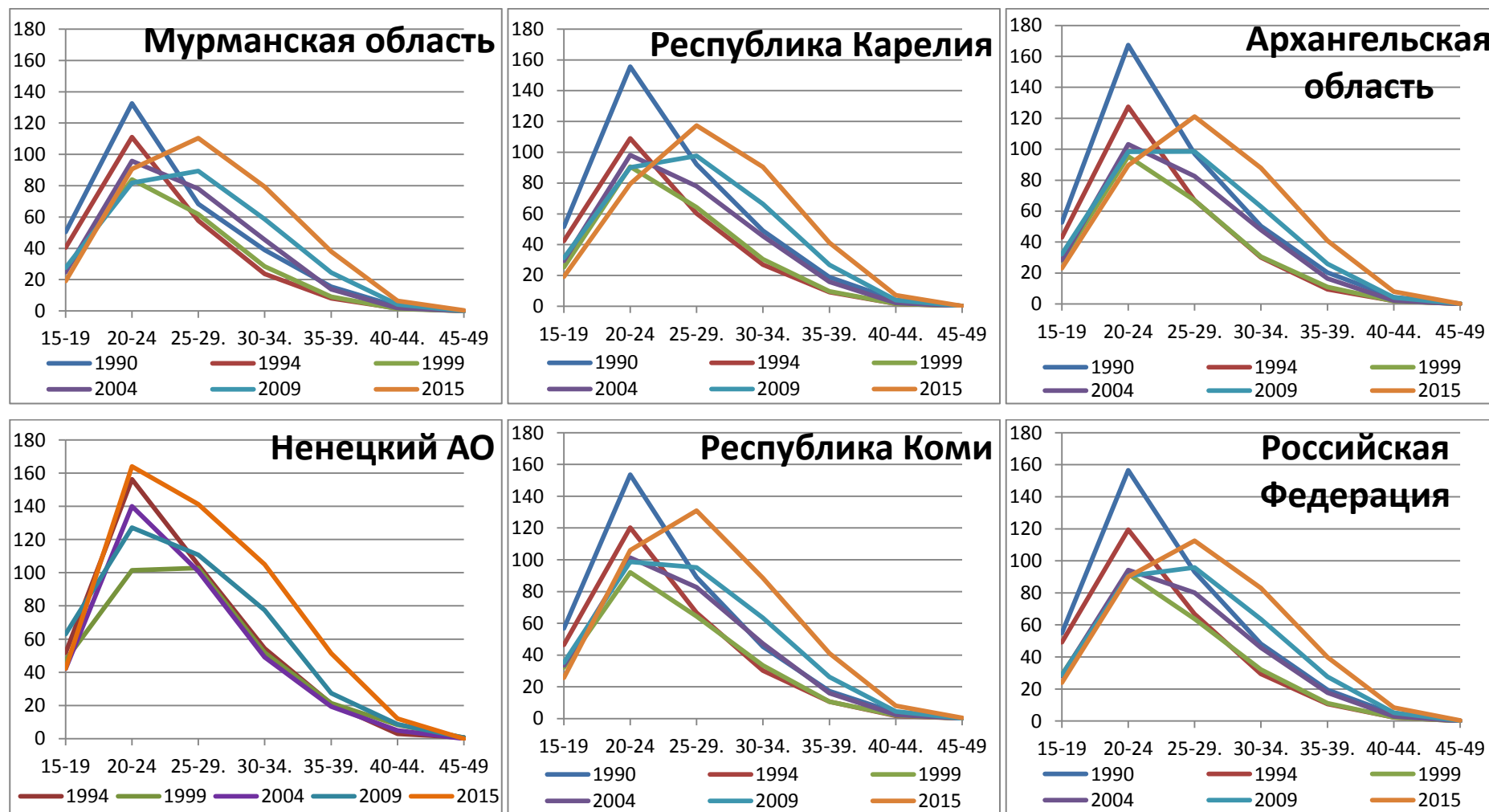
Рисунок 4. Динамика изменения возрастных коэффициентов рождаемости в РФ и регионах Европейского Севера России¹⁴¹⁴ Возрастные коэффициенты рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30973> (дата обращения: 15.02.2017).

Таблица 3

Максимальное значение возрастных коэффициентов рождаемости в РФ и регионах Европейского Севера России в городской и сельской местностях в 1990, 2014 и 2015 гг.¹⁵

Регион	Год	Возрастная группа	Значение	Регион	Год	Возрастная группа	Значение
Городская местность							
Мурманская область	1990	20–24	133,4	Ненецкий АО	1993	20–24	141,9
	2014	25–29	104,3		2014	25–29	116,9
	2015	25–29	112,1		2015	25–29	127,4
Республика Карелия	1990	20–24	149,5	Республика Коми	1990	20–24	144,7
	2014	25–29	98,1		2014	25–29	105,1
	2015	25–29	110,0		2015	25–29	116,4
Архангельская область	1990	20–24	151,7	Российская Федерация	1990	20–24	141,2
	2014	25–29	100,2		2014	25–29	103,9
	2015	25–29	108,3		2015	25–29	109,9
Сельская местность							
Мурманская область	1990	20–24	124,6	Ненецкий АО	1993	20–24	218,6
	2014	20–24	144,7		2014	20–24	551,4
	2015	20–24	116,5		2015	20–24	578,9
Республика Карелия	1990	20–24	189,0	Республика Коми	1990	20–24	185,9
	2014	20–24	301,0		2014	20–24	413,8
		25–29	195,7		2015	20–24	347,4
	2015	20–24	194,5	Российская Федерация	1990	20–24	207,1
		25–29	172,5		2014	20–24	156,9
Архангельская область	1990	20–24	217,7		2014	25–29	132,5
	2014	20–24	378,6	20–24		138,7	
	2015	20–24	319,4	2015	25–29	122,8	

В масштабе всей страны в городской местности во всех возрастных группах рождаемость была ниже или на уровне сельской местности. В регионах Европейского Севера России рождаемость в городской местности также была в среднем ниже, но в начале 2000-х гг. и начиная с 2009–2011 гг. уровень рождаемости в возрастах старше 35 лет в ней был на уровне сельской местности или превышал её. В первом случае мы можем связать это с реализацией отложенных рождений. Во втором случае мы можем связать это с мерами демографической поддержки, которые начали реализовываться в 2007 и 2011 гг. — материнским (семейным) капиталом (в том числе, региональным) и предоставлением земельных участков, что привело к рождению детей второй и более высоких очередностей рождений. Ещё одной причиной является миграционный отток из сельской местности населения в наиболее активных репродуктивных возрастах — 15–39 лет. Единственным исключением является Мурманская область, в которой динамика возрастных коэффициентов рождаемости является крайне противоречивой. В результате значительные периоды времени уровень рождаемости в ней в городской местности был выше или таким же, как в сельской местности. Так, в возрастах 15–19 лет он был ниже во все годы, в возрастах 20–29 лет он был ниже, начиная с 1993 г., а в

¹⁵ Возрастные коэффициенты рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30973> (дата обращения: 15.02.2017).

возрастах 30–34 года и 45–49 лет он был выше. Однако в этом регионе доля сельского населения крайне низкая.

***Динамика изменения среднего числа детей, рождённых одной женщиной,
и суммарного коэффициента рождаемости***

Органам власти необходимо оценивать последствия проводимой политики в настоящий момент, и суммарный коэффициент рождаемости (далее — СКР) даёт возможность сделать это. Но он не даёт ответа на вопрос, связано ли наблюдаемое повышение или понижение рождаемости с эффективностью проводимой политики, или мы имеем дело с изменением календаря рождений (тайминговым сдвигом). Для ответа на него необходимо рассматривать среднее число рождённых детей в реальных поколениях. Однако для этого необходимо ждать окончания репродуктивного периода или рассматривать поколения, которые ещё не завершили процесс рождаемости, что ведёт к занижению числа рождений, приходящихся на одну женщину, в более молодых репродуктивных возрастах.

Данные о среднем числе рождённых детей по пятилетним возрастным группам можно взять из материалов Всероссийской переписи населения¹⁶ (см. таб. 4).

Таблица 4

*Среднее число детей, рождённых одной женщиной до 1990 г. рождения,
в РФ и регионах Европейского Севера России¹⁷*

Регион	Год рождения	Среднее число рождённых детей	Регион	Год рождения	Среднее число рождённых детей
Всё население					
Мурманская область	1940 и старше	1,892	Ненецкий АО	1940 и старше	3,239
	1941–1945	1,726		1941–1945	2,662
	1946–1950	1,744		1946–1950	2,393
	1951–1955	1,799		1951–1955	2,272
	1956–1960	1,749		1956–1960	2,253
	1961–1965	1,627		1961–1965	2,048
	1966–1970	1,492		1966–1970	2,010
	1971–1975	1,411		1971–1975	1,809
	1976–1980	1,227		1976–1980	1,535
	1981–1985	0,839		1981–1985	1,141
	1986–1990	0,346		1986–1990	0,578
Республика Карелия	1940 и старше	2,193	Республика Коми	1940 и старше	2,528
	1941–1945	1,917		1941–1945	2,083
	1946–1950	1,837		1946–1950	2,007
	1951–1955	1,911		1951–1955	2,046
	1956–1960	1,885		1956–1960	1,967
	1961–1965	1,754		1961–1965	1,815
	1966–1970	1,591		1966–1970	1,661
	1971–1975	1,466		1971–1975	1,526

¹⁶ Этот показатель по однолетним возрастным группам и СКР, а также особенности их расчёта по всему Северо-Западному федеральному округу, в том числе по очерёдности рождения, подробно рассмотрены в работе В.Н. Архангельского [26].

¹⁷ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. М.: Статистика России, 2013. С. 6–7, 48–55, 62–63.

	1976–1980	1,263		1976–1980	1,300
	1981–1985	0,864		1981–1985	0,921
	1986–1990	0,367		1986–1990	0,433
Архангельская область	1940 и старше	2,310	Российская Федерация	1940 и старше	2,083
	1941–1945	1,999		1941–1945	1,881
	1946–1950	1,967		1946–1950	1,822
	1951–1955	2,038		1951–1955	1,879
	1956–1960	1,996		1956–1960	1,859
	1961–1965	1,832		1961–1965	1,761
	1966–1970	1,647		1966–1970	1,637
	1971–1975	1,513		1971–1975	1,508
	1976–1980	1,295		1976–1980	1,289
	1981–1985	0,905		1981–1985	0,886
	1986–1990	0,400		1986–1990	0,374

Приведённые данные свидетельствуют, что проблема низкой рождаемости встала не вчера и даже не позавчера. На уровне РФ замещение поколений обеспечивалось только женщинами в возрасте 70 лет и старше, поскольку рождаемость в более молодых возрастах обеспечивала лишь суженное воспроизводство населения.

Во всех регионах Европейского Севера России, кроме Мурманской области, рождаемость по реальным поколениям выше среднего по России уровня. Среди них можно выделить три группы. К первой относится Мурманская область, в которой рождаемость ни в одной возрастной группе не превысила даже 1,9 ребёнка на одну женщину. В ней даже меры поддержки семей 1980-х гг. не оказали значимого влияния на рождаемость. Ко второй группе относятся Республика Карелия и Архангельская область, в которых уровень рождаемости был несколько выше (на уровне среднего по России) и превышал 2,0 ребёнка на одну женщину для поколений старше 70 лет, а в Архангельской области и для женщин в возрасте 55–59 лет. Кроме того, мы можем предполагать и некоторое влияние на рождаемость мер демографической политики, реализованных в 1980-е гг. К третьей группе относятся Республика Коми и Ненецкий АО, в которых число детей превышало 2,0 вплоть до поколений, которым на момент проведения переписи было соответственно 50–54 года и 40–44 года.

В городской местности в РФ число детей не превышало 1,825 на одну женщину, что означает лишь суженное воспроизводство. В Мурманской области число детей не поднималось выше 1,869, а в Республике Карелия — выше 1,976. В Архангельской области и Республике Коми число детей превышало 2,0 (2,039 и 2,149, соответственно) лишь у женщин 1940 г. рождения и старше. Самая высокая рождаемость была в Ненецком АО. В нём число детей на одну женщину стало меньше 2,0 только у женщин в возрасте 50–54 года и моложе, тогда как на одну женщину старше 70 лет приходилось 2,653 ребёнка.

В сельской местности в РФ рождаемость заметно выше (2,703 для женщин в возрасте 70 лет и старше) — только у женщин в возрасте 35–39 лет число детей меньше двух. В Мур-

манской области и в сельской местности рождаемость была самой низкой: уже у поколений в возрасте 45–49 лет число детей было меньше 2,0, да и женщины в возрасте 70 лет и старше рожали в среднем всего 2,324 ребёнка. Снижение рождаемости до уровня меньше двух детей на одну женщину в Республиках Карелия и Коми произошло у женщин в возрастах 40–44 года, хотя в последней, возможно, уровень в 2,0 ребёнка будет преодолен. Снижение в Республике Коми было более значительным, так как у женщин в возрасте 70 лет и моложе число рождённых было 3,403, тогда как в Республике Карелия — только 2,766. В Архангельской области число рождённых детей стало меньше 2,0 только у женщин в возрасте 35–39 лет (у женщин в возрасте 70 лет и старше в среднем было 3,539 ребёнка), что позволяет предполагать превышение этого уровня уже в ближайшем будущем. В Ненецком АО рождаемость была самой высокой как для женщин в возрасте 70 лет и старше (4,199 ребёнка), так и в более молодых возрастах, поскольку число детей стало меньше 2,0 только у женщин в возрасте 30–34 года.

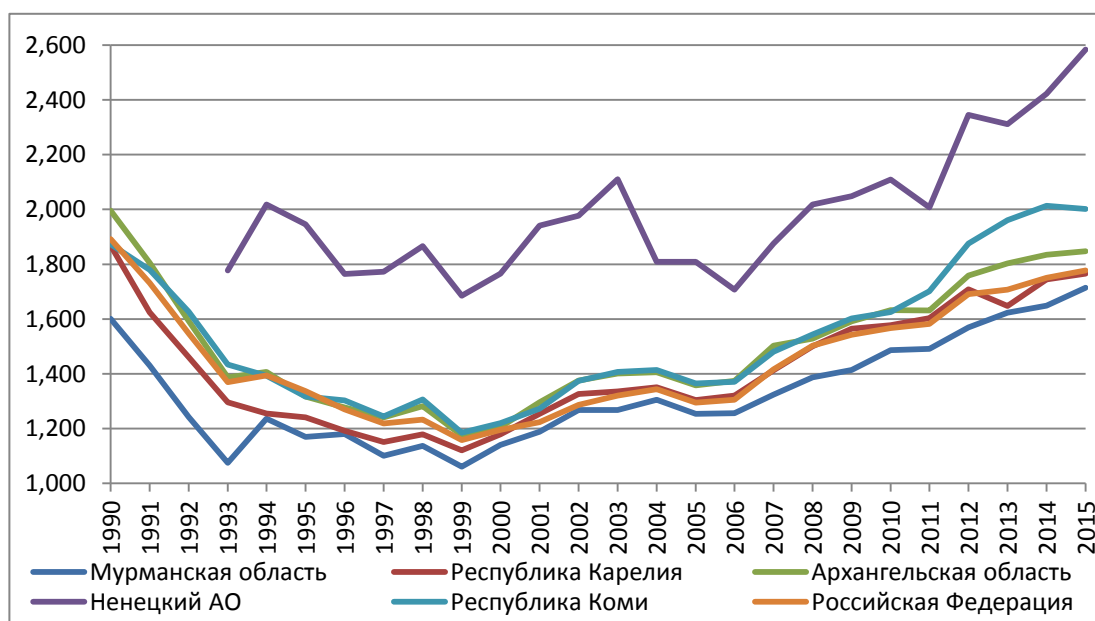

Рисунок 5. СКР в РФ и регионах Европейского Севера России в 1990–2015 гг.¹⁸

На рис. 5 представлена динамика изменения рождаемости в условных поколениях¹⁹. Уровень рождаемости в 1990-е гг. быстро снижался. В 1990 г. СКР составлял 1,892, что ниже уровня простого воспроизводства населения (2,100), но всё же достаточно высоко. В 1999 г. он составлял всего 1,157, что является крайне низким значением, и остро поставил вопрос о демографической безопасности страны.

¹⁸ Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 15.02.2017).

¹⁹ По Ненецкому АО данные за 1990–1992 гг. отсутствуют.

Начавшееся затем повышение рождаемости, связанное с улучшением экономической ситуации, реализацией отложенных рождений и проведением активной демографической политики, позволило повысить СКР в 2014 г. до 1,750, а в 2015 г. до 1,777, что превосходит уровень 1991 г. Тем не менее, в настоящее время уровень рождаемости является достаточно низким, необходимо его повышение.

Динамика изменения СКР по регионам Европейского Севера России в целом была такой же, как в стране. При этом рождаемость выше 2,0 детей на одну женщину была в Республике Коми в 2014–2015 гг. и в Ненецком АО в 1993, 2003 и 2008–2015 гг. Рождаемость в Мурманской области и Республике Карелия была ниже среднего по стране, а в Архангельской области и Республике Коми — выше среднего. Тем не менее, уровень рождаемости в регионах Европейского Севера России был низким и не обеспечивал даже простого воспроизводства населения (см. таб. 5).

Таблица 5

СКР в РФ и регионах Европейского Севера России части в 1990, 1999 и 2015 гг.²⁰

Регион	1990	1999	2015 ²¹	Регион	1990	1999	2015
Мурманская область				Ненецкий АО			
все население	1,601	1,061	1,714 (1,649)	всё население	н.д.	1,685	2,584 (2,423)
городское население	1,609	1,051	1,724 (1,625)	городское население	н.д.	1,253	2,057 (1,828)
сельское население	1,538	1,185	1,609 (2,005)	сельское население	н.д.	2,562	5,803 (6,094)
Республика Карелия				Республика Коми			
все население	1,868	1,120	1,766 (1,744)	всё население	1,873	1,184	2,002 (2,013)
городское население	1,798	1,043	1,644 (1,517)	городское население	1,755	1,096	1,720 (1,672)
сельское население	1,755	1,441	2,873 (3,712)	сельское население	2,394	1,583	4,239 (4,741)
Архангельская область				Российская Федерация			
всё население	1,996	1,175	1,847 (1,835)	всё население	1,892	1,157	1,777 (1,750)
городское население	1,797	1,074	1,636 (1,542)	городское население	1,698	1,45	1,678 (1,588)
сельское население	2,709	1,594	3,964 (4,265)	сельское население	2,600	1,534	2,111 (2,318)

В городских поселениях уровень рождаемости был ниже по сравнению с сельскими, причём настолько, что даже в Ненецком АО он превышал 2,0 ребёнка только в 2015 г. Следует отметить, что в Мурманской области рождаемость в городской местности была на

²⁰ Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 15.02.2017).

²¹ В скобках представлен СКР в 2014 г.

уровне других регионов или превышала его (более того, за годы реформ СКР в ней увеличился) с 1999 г., а разброс между регионами не превышал 0,1.

СКР в сельской местности был гораздо выше. В РФ он превышал 2,0 в 1990–1992 и 2011–2015 гг. и не опускался ниже уровня 1,5 ребёнка на одну женщину. В Мурманской области СКР был самым низким, так как лишь в 2014 г. он преодолел отметку в 2,0 ребёнка, тогда как в прочих регионах в начале 1990-х и начиная с 2007–2008 гг. он превышал этот уровень, а в Ненецком АО не опускался ниже 2,56.

Высокие возрастные коэффициенты рождаемости означают высокое значение СКР, поэтому неудивительно, что в Архангельской области, Республике Коми в сельской местности СКР в последние годы был близок или превышал 4,0, а в Ненецком АО был около 6,0, что не на много ниже СКР в Республике Тыва. Однако в ней существуют определённые проблемы с учётом рождений, поэтому мы не исключаем в регионах Европейского Севера России существование таких же проблем и необходимость корректировки показателя в сторону уменьшения.

Заключение и рекомендации

Проведённый анализ показал, что за рассматриваемый период число рождений в регионах Европейского Севера России значительно сократилось, и в настоящее время темпы воспроизводства населения в них являются неоптимальными, что негативно влияет на демографическую безопасность региона, который вносит заметный вклад в ВВП страны. Это можно связать с миграционным оттоком населения в репродуктивных возрастах, произошедшим на фоне негативных социально-экономических изменений. Он был вызван низким уровнем жизни в данных регионах и слабым развитием инфраструктуры. После 1999 г. число рождений начало медленно увеличиваться, но до восстановления уровня 1990 г. ещё далеко, даже несмотря на существенное снижения числа случаев прерывания беременности, поскольку численность населения в них значительно сократилась. При этом число рождений на 1000 человек в 2015 г. находилось почти на уровне 1990 г. или даже выше.

За прошедшие годы рождаемость постарела. Если в 1990 г. большинство рождений происходило в возрастной группе 20–24 года, то в 2015 г. во всех регионах, кроме Ненецкого АО, рождения стали происходить чаще всего в группе 25–29 лет. При этом пик возрастных профилей рождаемости стал менее выраженным, и в возрастных группах 20–24 и 30–34 года число рождений стало сопоставимым, а в последней группе иногда даже выше.

Уровень рождаемости по реальным поколениям для данных территорий обеспечивает суженное воспроизводство уже достаточно длительный период времени. В условных поколениях рождаемость тоже ниже уровня простого воспроизводства населения, но в боль-

шинстве регионов выше среднего по стране. Это означает, что для поддержания численности населения нужен миграционный приток, для чего правительство должно иметь широкий перечень таких стимулов, как материальных, так и нематериальных.

В связи с тем, что в репродуктивные возрасты в настоящее время вступают малочисленные поколения, в ближайшие годы мы можем ожидать сокращения абсолютного числа рождений. Это отражено как в прогнозе численности населения Росстата на период до 2030 г., так и в прогнозе численности населения до 2050 г., подготовленном сотрудниками Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством В.Н. Архангельского. В перспективе это приведёт к продолжению снижения численности населения в этом важном для страны регионе.

Для увеличения рождаемости необходимо повышение уровня жизни населения и изменение нормы детности. Первого можно достигнуть путем увеличения заработной платы, повышения размеров пособия на детей, чтобы они занимали более существенное место в бюджете семьи, и улучшения состояния и доступности инфраструктуры (особенно «детской» и жилищной). Важными мерами являются создание дополнительных рабочих мест (особенно в моногородах), повышение размера выплат на детей (до 1,5–2% от ВВП в масштабе всей страны и не менее 2% от ВРП для регионов Европейского Севера России) и введением более гибкого графика работы организаций, связанных с уходом за детьми и их воспитанием. Второго можно добиться путем создания в обществе (особенно среди работодателей²² и сотрудников организаций, связанных с обслуживанием интересов семей с детьми) атмосферы, благожелательной к семьям с детьми, в том числе дошкольного возраста, а также пропагандистскими мерами, для повышения эффективности которых необходима большая работа, направленная на улучшение ситуации. В частности, для женщин с детьми дошкольного возраста необходим гибкий рабочий график, который учитывает особенности их положения, и признание в общественном сознании ухода за детьми важным трудом, выполняя который люди не «сидят дома», а делают важное для общества дело.

Безусловно, связь между уровнем жизни и рождаемостью не является прямой. Об этом писал ещё А. Смит [28, с. 87–88]. Однако данное понятие является комплексным и в нём отражён целый спектр потребностей в сфере занятости, медицины, образования, проведения досуга и отдыха, ценовой политики, качества жилья, доступности транспорта и в

²² А.Я. Кваша обосновал тезис о необходимости комплексного воздействия демографической политики на жизнь работника. Наиболее значимым уровнем такого воздействия он считал уровень работодателя, поскольку даже самая проработанная демографическая политика не даст ожидаемого результата, если работодатели не будут способствовать продвижению её целей, ведь именно на этом уровне формируется основной объём репродуктивных и прочих демографических установок [27, с. 196].

других областях. Проводимая в настоящее время политика не позволяет населению регионов Европейского Севера России удовлетворять потребности населения, проживающего на территориях со сложными природно-климатическими условиями. В результате наблюдается рассогласование между социально-экономической и демографической политиками.

Демографическая политика пытается повлиять на репродуктивные установки и некоторые успехи в этом вопросе у неё есть. О важности потребности в детях и характере связи между нею и уровнем жизни сказано достаточно много (например, см. [29, Архангельский В.Н., с. 36–41; 30, Зверева Н.В., с. 156]). Специалистами отмечается, что «демографическая политика, направленная только на создание условий для реализации имеющейся потребности в детях, не приведёт к повышению рождаемости до уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения...» [30, с. 156] и необходимо повышать ценность наличия в семье нескольких детей [30, с. 162], поскольку изменение потребности в детях может дать долговременный результат и повысить рождаемость в большем объёме, чем только повышение уровня жизни [30, с. 163]. Тем не менее, ситуация, когда идеологическая составляющая данной политики не подкреплена необходимым объёмом материальных ресурсов, тоже неприемлема, так как воспитание детей начинается с их материального обеспечения и ухода за ними [31, Римашевская Н.М. и др., с. 54; 32, Харчев А.Г. и др., с. 36], что означает необходимость создания определенного уровня жизни как для детей, так и для родителей. Например, без развития услуг по уходу за детьми дошкольного возраста политика стимулирования рождаемости даст непродолжительный по времени эффект, поскольку молодые матери и женщины предпенсионного возраста будут испытывать сложности с вхождением на рынок труда [33, Гоша З.Ж., с. 69; 34, Синявская О.В. и др., с. 373].

Сказанное выше свидетельствует о необходимости совмещения повышения уровня жизни населения регионов Европейского Севера России с пропагандистскими мерами, направленными на изменение норм детности, повышения значимости семейного образа жизни и престижа труда по уходу за детьми [30, Зверева Н.В., с. 163; 35, Шишкина М.А. и др., с. 147–158]. Это нашло отражение в перечне предлагаемых нами мер, которые, как мы надеемся, помогут повысить демографическую безопасность регионов Европейского Севера России.

Литература

1. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.: Финстатинформ, 2002. 128 с.
2. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитический аспект // Народонаселение. 2004. № 1. С. 22–34.

3. Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М.: Статистика, 1974. 200 с.
4. Жуков М.А. Методологические и методические проблемы выделения Арктической зоны Российской Федерации // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (2). С. 4–20.
5. Коновалов А. М. Пространственное развитие Арктической зоны Российской Федерации на основе модернизации экономики России // Современные производительные силы. 2014. № 1. С. 51–64.
6. Тоскунина В.Э., Губина О.В., Проворова А.А. и др. Подходы к районированию и определению границ Арктической зоны Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 69–78.
7. Половинкин В.Н. Человеческие ресурсы — главная проблема развития Севера // Арктика: экология и экономика. 2013. № 4 (12). С. 26–31.
8. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и север. 2013. № 10. С. 19–47.
9. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России — фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. 2014. № 4 (40). С. 69–81.
10. Фаузер В.В. Демографические проблемы северных регионов России: сокращение численности населения и снижение рождаемости // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 1. С. 129–144.
11. Попова Л.А. Рождаемость в Республике Коми: тенденции и прогноз // Регион: экономика и социология. 2005. № 2. С. 124–135.
12. Попова Л.А. Эффективность просемейной демографической политики в Республике Коми // Демографические процессы на постсоветском пространстве сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2015. С. 328–334.
13. Попова Л.А., Шишкина М.А., Бутрим Н.А. Трансформация репродуктивного поведения населения Республики Коми: факторы и последствия // Регион: экономика и социология. 2015. № 3. С. 190–212.
14. Попова Л.А. Демографическое развитие территорий Печоро-Уральской Арктики // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера–2014: Матер. Четверт. Всеросс. науч. семин. (24–26 сентября 2014 г., Сыктывкар): в 2 ч. Ч. I. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2014. С. 97–104.
15. Тоичкина В.П. Тенденции рождаемости в регионах Европейского Севера // Современные организационно-экономические тенденции и проблемы развития Европейского Севера. Материалы международной научно-практической конференции. Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2015. С. 80–85.
16. Шелыгин К.В. Роль рождаемости и смертности в депопуляции Архангельской и Мурманской областей // Экология человека. 2010. № 8. С. 42–45.
17. Ревич Б.А., Харькова Т.Л., Кваша Е.А. и др. Демографические процессы, динамика трудовых ресурсов и риски здоровью населения Европейской части Арктической зоны России. М.: Лепан, 2016. 304 с.
18. Сеница А.Л. Демографическое развитие регионов Арктической зоны России в 2010–2014 гг. // Арктика: экология и экономика. 2016. № 1 (21). С. 18–27.
19. Попова Л.А. Демографическая политика в северных регионах России: особенности и приоритеты // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 136–153.
20. Шишкина М.А., Попова Л.А. Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 1 (49). С. 161–177.
21. Сеница А.Л. Демографическое развитие городов Арктической зоны Российской Федерации // Экономическая наука современной России. 2016. № 3. С. 112–123.
22. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2 (22). С. 40–50.

23. Синявская О.В., Тынди́к А.О., Головля́ница Е.Б. В каких семьях рождаются дети? Факторы репродуктивного поведения в России // *Семья в центре социально-демографической политики? Сборник аналитических статей*. М.: Независимый институт социальной политики, 2009. С. 19–46.
24. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.
25. Толокнова С.С. Семьи одиноких матерей: формирование отношений между поколениями // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2010. № 4 (20). С. 109–115.
26. Архангельский В.Н. Рождаемость в регионах Северо-Западного федерального округа // *Проблемы развития территории*. 2016. № 5. С. 38–56.
27. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с.
28. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. I. М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. 436 с.
29. Архангельский В.Н. Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение // *Уровень жизни населения регионов России*. 2011. № 8. С. 36–41.
30. Зверева Н.В., Архангельский В.Н. Система ценностей молодых людей и роль демографической политики в повышении рождаемости (по результатам общероссийского исследования молодежи) // *Федерализм*. 2007. № 2 (46). С. 155–172.
31. Римашевская Н.М., Герасимова И.А., Копнина В.Г. Семья, труд, доходы, потребление (Таганрогские исследования). М.: Наука, 1977. 291 с.
32. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и её проблемы (Социально-демографическое исследование). М.: Статистика, 1978. 223 с.
33. Гоша З.Ж. Генеративная деятельность женщин и обеспеченность детскими дошкольными учреждениями // *Воспроизводство населения и уровень жизни*. Рига: Латвийский государственный университет им. П. Стучки, 1980. С. 69–75.
34. Синявская О.В., Гладникова Е.В. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. М.: НИСП, 2007. С. 345–376.
35. Шишкина М.А., Попова Л.А. Исследование репродуктивных установок населения Республики Коми в контексте определения задач демографической политики // *Вопросы управления*. 2016. № 3 (21). С. 147–158.

References

1. Senchagov V.K. *Ekonomicheskaja bezopasnost': geopolitika, globalizacija, samosohranenie i razvitie* [Economic security: geopolitics, globalization, self-preservation and development], Moscow, Finstatinform, 2002, 128 p. [in Russian]
2. Rybakovskij L.L. Demograficheskaja bezopasnost': geopoliticheskij aspekt [Demographic security: the geopolitical aspect], *Narodonaselenie*, 2004, No. 1, pp. 22–34. [in Russian]
3. Kvascha A.Ya. *Problemy ekonomiko-demograficheskogo razvitija SSSR* [Problems of economic and demographic development of the USSR], Moscow, Statistika, 1974, 200 p.
4. Zhukov M.A. Metodologicheskie i metodicheskie problemy vydelenija Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [Methodological and methodical problems of allocation of the Arctic zone of the Russian Federation], *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 2014, No. 1 (2), pp. 4–20. [in Russian]
5. Konovalov A.M. Prostranstvennoe razvitie Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii na osnove modernizacii jekonomiki Rossii [Spatial development of the Arctic zone of the Russian Federation on the basis of modernization of the Russian economy], *Sovremennye proizvoditel'nye sily*, 2014, No. 1, pp. 51–64. [in Russian]
6. Toskunina V.Je., Gubina O.V., Provorova A.A. i dr. Podhody k rajonirovaniju i opredeleniju granic Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [Approaches to zoning and defining the boundaries of the Arctic zone of the Russian Federation], *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2013, No. 6 (30), pp. 69–78. [in Russian]
7. Polovinkin V.N. Chelovecheskie resursy — glavnaja problema razvitija Severa [Human resources — the main problem of the development of the North], *Arktika: ekologija i ekonomika*, 2013, No. 4 (12), pp. 26–31. [in Russian]

8. Fauzer V.V. Demograficheskij potencial severnyh regionov Rossii kak faktor ekonomicheskogo osvoenija Arktiki [The demographic potential of Russia's Northern regions as a factor of the economic development of the Arctic], *Arktika i Sever*, 2013, No. 10, pp. 19–47. [in Russian]
9. Fauzer V.V. Demograficheskij potencial severnyh regionov Rossii — faktor i uslovie ekonomicheskogo osvoenija Arktiki [Demographic potential of the northern regions of Russia — a factor and condition of economic development of the Arctic], *Ekonomika regiona*, 2014, No. 4 (40), pp. 69–81. [in Russian]
10. Fauzer V.V. Demograficheskie problemy severnyh regionov Rossii: sokrashhenie chislennosti naselenija i snizhenie rozhdaemosti [Demographic problems of the northern regions of Russia: population decline and fertility decline], *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravlenija i venchurnogo investirovanija Syktyvkerskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, No. 1, pp. 129–144. [in Russian]
11. Popova L.A. Rozhdaemost' v Respublike Komi: tendencii i prognoz [Fertility in the Komi Republic: Trends and Forecast], *Region: ekonomika i sociologija*, 2005, No. 2, pp. 124–135. [in Russian]
12. Popova L.A. Effektivnost' prosemejnoj demograficheskoy politiki v Respublike Komi [Efficiency of the family demographic policy in the Komi Republic], *Demograficheskie processy na postsovetskom prostranstve sbornik materialov VI Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem*, Ekaterinburg, Institut jekonomiki Ural'skogo otdelenija RAN, 2015, pp. 328–334. [in Russian]
13. Popova L.A., Shishkina M.A., Butrim N.A. Transformacija reproduktivnogo povedenija naselenija Respubliki Komi: faktory i posledstvija [Transformation of the reproductive behavior of the population of the Komi Republic: factors and consequences], *Region: ekonomika i sociologija*, 2015, No. 3, pp. 190–212. [in Russian]
14. Popova L.A. Demograficheskoe razvitie territorij Pechoro-Ural'skoj Arktiki [Demographic development of the territories of the Pechora-Urals Arctic], *Aktual'nye problemy, napravlenija i mehanizmy razvitija proizvoditel'nyh sil Severa—2014, Mater. Chetvert. Vseross. nauch. semin. (24–26 sentjabrja 2014 g., Syktyvkar): v 2 ch. Ch. I*. Syktyvkar, Komi respublikanskaja tipografija, 2014, pp. 97–104. [in Russian]
15. Toichkina V.P. Tendencii rozhdaemosti v regionah Evropejskogo Severa [Trends in the birth rate in the regions of the European North], *Sovremennye organizacionno-ekonomicheskie tendencii i problemy razvitija Evropejskogo Severa. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Murmansk, Murmanskij gosudarstvennyj tehnikeskij universitet, 2015, pp. 80–85. [in Russian]
16. Shelygin K.V. Rol' rozhdaemosti i smertnosti v depopuljacii Arhangel'skoj i Murmanskoj oblastej [The role of fertility and mortality in the depopulation of the Arkhangelsk and Murmansk regions], *Ekologija cheloveka*, 2010, No. 8, pp. 42–45. [in Russian]
17. Revich B.A., Har'kova T.L., Kvasha E.A. i dr. *Demograficheskie processy, dinamika trudovyh resursov i riski zdorov'ju naselenija Evropejskoj chasti Arkticheskoy zony Rossii* [Demographic processes, the dynamics of labor resources and health risks of the population of the European part of the Arctic zone of Russia], Moscow, Lenand, 2016, 304 p.
18. Sinitsa A.L. Demograficheskoe razvitie regionov Arkticheskoy zony Rossii v 2010–2014 gg [Demographic development of the regions of the Arctic zone of Russia in 2010–2014], *Arktika: ekologija i ekonomika*, 2016, No. 1 (21), pp. 18–27. [in Russian]
19. Popova L.A. Demograficheskaja politika v severnyh regionah Rossii: osobennosti i priority [Demographic policy in the northern regions of Russia: features and priorities], *Region: ekonomika i sociologija*, 2010, No. 3, pp. 136–153. [in Russian]
20. Shishkina M.A., Popova L.A. Vlijanie sovremennoj prosemejnoj demograficheskoy politiki na intensivnost' rozhdaemosti v severnyh regionah Rossii [Influence of modern pro-family demographic policy on the intensity of fertility in the northern regions of Russia], *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2017, No. 1 (49), pp. 161–177. [in Russian]
21. Sinitsa A.L. Demograficheskoe razvitie gorodov Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [Demographic development of the cities of the Arctic zone of the Russian Federation], *Ekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*, 2016, No. 3, pp. 112–123. [in Russian]

22. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Osobennosti rasselenija naselenija v Arkticheskoj zone Rossii [Features of population settlement in the Arctic zone of Russia], *Arktika: ekologija i ekonomika*, 2016, No. 2 (22), pp. 40–50. [in Russian]
23. Sinjavskaja O.V., Tyndik A.O., Golovljanicina E.B. V kakih sem'jah rozhdajutsja deti? Faktory reproduktivnogo povedenija v Rossii [In what families are children born? Factors of reproductive behavior in Russia], *Sem'ja v centre social'no-demograficheskoj politiki? Sbornik analiticheskikh statej*, M, Nezavisimyj institut social'noj politiki, 2009, pp. 19–46. [in Russian]
24. Arhangel'skij V.N. *Faktory rozhdaemosti* [Fertility factors], Moscow, TEIS, 2006, 399 p. [in Russian]
25. Toloknova S.S. Sem'i odinokih materej: formirovanie otnoshenij mezhdru pokolenijami [Families of single mothers: the formation of relations between generations], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki*, 2010, No. 4 (20), pp. 109–115. [in Russian]
26. Arhangel'skij V.N. Rozhdaemost' v regionah Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Fertility in the regions of the North-West Federal District], *Problemy razvitiya territorii*, 2016, No. 5, pp. 38–56. [in Russian]
27. Kvasha A.Ya. *Demograficheskaja politika v SSSR* [Demographic policy in the USSR], Moscow, Finansy i statistika, 1981, 200 p. [in Russian]
28. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Vol. I., Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1931, 436 p. [in Russian]
29. Arhangel'skij V.N. Vlijanie subektivnoj ocenki urovnja zhizni na reproduktivnoe povedenie [The influence of the subjective assessment of the standard of living on reproductive behavior], *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii*, 2011, No. 8, pp. 36–41. [in Russian]
30. Zvereva N.V., Arhangel'skij V.N. Sistema cennostej molodyh ljudej i rol' demograficheskoj politiki v povysenii rozhdaemosti (po rezul'tatam obshherossijskogo issledovanija molodezhi) [The system of values of young people and the role of demographic policy in increasing the birth rate (according to the results of the all-Russian study of youth)], *Federalizm*, 2007, No. 2 (46), pp. 155–172. [in Russian]
31. Rimashevskaja N.M., Gerasimova I.A., Kopnina V.G. *Sem'ja, trud, dohody, potreblenie (Taganrogskie issledovanija)* [Family, labor, income, consumption (Taganrog research)], Moscow, Nauka, 1977, 291 p. [in Russian]
32. Harchev A.G., Mackovskij M.S. *Sovremennaja sem'ja i ee problemy (Social'no-demograficheskoe issledovanie)* [Modern family and its problems (Socio-demographic research)], Moscow, Statistika, 1978, 223 p. [in Russian]
33. Gosha Z.Zh. Generativnaja dejatel'nost' zhenshhin i obespechennost' detskimi doskol'nymi uchrezhdenijami [Generative activity of women and provision of children's preschool institutions], *Vosпроизводство naselenija i uroven' zhizni*, Riga: Latvijskij gosudarstvennyj universitet im. P. Stuchki, 1980, pp. 69–75. [in Russian]
34. Sinjavskaja O.V., Gladnikova E.V. Potreblenie uslug po uhodu za det'mi rossijskimi domohozjajstvami [Consumption of childcare services by Russian households], *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshhestve*, Moscow, NISP, 2007, pp. 345–376. [in Russian]
35. Shishkina M.A., Popova L.A. Issledovanie reproduktivnyh ustanovok naselenija Respubliki Komi v kontekste opredelenija zadach demograficheskoj politiki [Research of reproductive attitudes of the population of the Republic of Komi in the context of defining the tasks of demographic policy], *Voprosy upravlenija*, 2016, No. 3 (21), pp. 147–158. [in Russian]

УДК 360.728:64.08(470.21)

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.30

Переезд на новое место жительства: к проблеме семантизации вещей в современной культуре (на материалах Кольского Заполярья)¹

© Сулейманова Олеся Анатольевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона. E-mail: sul-olesya@yandex.ru

Кольский научный центр Российской академии наук, г. Апатиты, Россия.

Аннотация. Статья посвящена изучению смыслов и функций семейных вещей в процессе переезда на новое место жительства современными горожанами Кольского Севера. Смена места жительства всегда сопряжена с прерыванием устоявшегося быта и привычного размещения вещей. Выявлено, что в процессе переезда предметная среда семьи реорганизуется и трансформируется пол-

ностью или частично, что приводит к ускоренному переозначиванию отдельных её элементов и изменению статуса вещей.

Ключевые слова: адаптация, быт, вещь, жилище, Кольский Север, память, переезд, семантика

Moving to a new place of residence: the item semantization in modern culture (on materials of the Kola Polar region)

© Olesya A. Suleymanova, Candidate Sci. (Hist.), junior researcher, Barents Center for Humanities. E-mail: sul-olesya@yandex.ru

The Kola Science Center of Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia.

Abstract. The article is devoted to the study of the meanings and functions of family things in the process of moving to a new place residence of modern citizens of the Kola North. The change of place of residence is always interfaced with the interruption of established life and the habitual placement of things. It is revealed that in the process of moving the subject environment of the family is reorganized and transformed completely or partially that leads to the accelerated change of meaning of its separate elements and change of the status of things.

Keywords: adaptation, way of life, thing, dwelling, the Kola North, memory, moving, semantics

Об исследовании

Интерес к проблеме перемещения вещей возник неслучайно и связан с историко-демографическими особенностями изучаемого этнокультурного ареала. В силу особенностей освоения территории Кольского Севера его население на протяжении XX в. было вовлечено в интенсивные миграционные процессы [1, Разумова И.А., с. 290–298]. Так, в период с 1926 по 1989 гг. население Мурманской области выросло в 36,3 раза, а с 1990 г. наблюдался резкий отток населения². Одновременно, в связи с особенностями региональной инфра-

¹ Статья выполнена по материалам диссертационного исследования: Сулейманова О.А. Семейные вещи в процессе переезда (на примере городских семей Кольского Севера): на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.07. ФБГУН Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2016. 197 с.

² Демоскоп Weekly. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том 9. С. 2–13; Том 17. С. 2–3. URL: http://wiki.laser.ru/index.php/Всесоюзная_перепись_населения_1926_г. (дата обращения: 17.03.2016); Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.:

структуры, жители достаточно активно перемещаются и в пределах самой области. Как следствие, почти каждая семья, проживающая в данном регионе, имеет в своей истории опыт переезда. Все эти процессы не могут не сказываться на быте северян. В связи с этим принято исследование, нацеленное на анализ динамических аспектов жизни вещей, их смысловых и функциональных изменений в процессе переезда.

Актуальность исследования вещевого поведения в процессе переезда обусловлена также тем, что общество постмодерна как социокультурный феномен требует нового понимания потребления [2, Douglas M., Isherwood B.; 3, Ракитных М.Б.], а семиотический анализ способствует изучению символических аспектов потребления, в том числе углублённому пониманию процессов семиозиса (наделения смыслами и переозначивания вещей). Процессы семиозиса особенно чётко прослеживаются в кризисных ситуациях, когда актуализируются многие смыслы вещей и осуществляемых с ними действий, происходит переоценка ценностей. К таким ситуациям относится переезд, он выявляет константы и особенности обращения с вещами и наделения их смыслами в культуре различных общностей, в том числе семейных и этнических.

Семьи в изучаемом нами регионе (на Кольском Севере) — по преимуществу городские. Малые города Мурманской области строились и осваивались их нынешними жителями в советский период. Приезжие не только «строили» города, но и формировали современную городскую культуру региона.

Мы обратились к биографическому опыту тех, кто в советский и постсоветский периоды переселялся на Кольский полуостров. Материалом послужили интервью с жителями городов Мурманской области (гг. Апатиты, Кировск, Кандалакша). Это тексты семейно-биографических интервью. Из числа опрошенных были как прибывшие на Кольский Север из других областей России, так и из стран бывшего СССР. Сбор сведений осуществлялся в 2009–2015 гг., всего был проинтервьюирован 51 человек. Кроме того, использовались полевые источники из личного архива И.А. Разумовой: письменные опросы, самозаписи, записи интервью и документы семейных архивов. Из 110 источников (каждый представляет запись одного информанта) за 2001–2004 и 2006 гг. отобраны в качестве основных тексты 19 информантов в возрасте от 1945 г.р. до 1988 г.р., проживающих в городах Полярные Зори, Снежногорск, Мончегорск, Кировск и имеющих опыт переезда (в пределах города, страны и т.п.).

Финансы и статистика, 1990. 45 с; Численность, размещение и возрастно-половой состав населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2012. Том 1. 75 с.

Теоретико-методологические основания представили труды ведущих отечественных исследователей в области семиотики вещей и пространства: П.Г. Богатырева, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, А.К. Байбурина, О.А. Седаковой [4–11] и других авторов, в которых акцентирован культурно-антропологический аспект вещей. Мы исходим из того, что глубинные аспекты функционирования вещей проявляются лишь при условии изучения их в единстве «вещности» и «знаковости», а «история вещей может быть представлена как движение по шкале семиотичности», причём «изменение семиотичности вещей на современном этапе прослеживается легче, чем в древности, благодаря большей гибкости информационной структуры общества» [8, Байбурин А.К., с. 9].

В данном исследовании семья рассматривается как коллективный носитель культуры и традиций определённого общества, в котором она существует и к которому принадлежит. Семья адаптирует, модифицирует, использует, создаёт и передаёт культурные ценности. Специфика семейной коммуникации заключается в том, что у участников есть общий опыт, общая память. Семейно-историческое знание помогает человеку самоопределиваться по целому ряду признаков: в сфере личных качеств, антропологических характеристик, этнической, социальной, локальной принадлежности и т.п. Семейная память передаётся как вербально, так и через семейные фотографии, памятные вещи, семейные реликвии и т.п. Для определения функций и смыслов отдельных категорий семейных вещей, их типологизации существенное значение имеют актуальные в настоящее время исследования по теории социальной памяти [12–15].

Функционирование и смыслы домашних вещей в пространстве жилища

Интерьер жилища — это сложное культурное явление, которое тесно связано с социальной средой и детерминировано различными факторами. Так или иначе, оформление быта, организация пространства жилища предопределены системой ценностей, которая лежит в основе мировосприятия. Здесь проявляются индивидуальные особенности людей и семей, детерминированные социокультурно и этнокультурно. Сколько бы ни представлялась гомогенной урбанистическая культура, современное городское жилище существует в многообразии этнокультурных вариантов подобно тому, как это наблюдается в традиционных культурах. Только в том и другом случаях вариативность является следствием действия разных факторов.

В восточнославянском жилище каждая вещь и предмет интерьера имели свою определённую функцию и располагались строго в соответствии с традицией. Изучение традиционного жилища разных народов и элементов его интерьера всегда составляло один из прио-

ритетов этнографии [8, Байбурин А.К., с. 16–26]. В традиционной культуре дом символически «нагружен», это не просто материальный объект. С понятием «дом» в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира.

Если традиционное сельское жилище изучено основательно, то более или менее систематические исследования городского жилища ведутся только с конца 1950-х – начала 1960-х гг. [27; 28, Крупянская В.Ю.; 29, Анохина Л.А.; 30, Уразманова Р.К.; 31, Фельдман М.А.]. Результаты посвящены описанию советского периода, в то время как вещевое поведение постсоветского времени, несмотря на известную активизацию интереса к теме, остается менее изученным.

В рамках данного исследования нас интересует наиболее распространённый, но всё-таки «частный» случай, когда группа, идентифицируемая как «семья», располагает совместным жилищем (или жилым комплексом). В этом случае можно говорить о наличии семейной культуры жилища или о семейной жилой среде. Независимо от его типа («дом», «квартира» и т.п.), такое жилище вместе с заполняющими его предметами, их структурными и функциональными взаимосвязями между собой и с жилищем в целом определяется понятиями «домашняя материальная среда», «домашний пространственно-предметный мир».

Изучать жилую среду можно в двух основных ракурсах. С одной стороны, у неё есть объективные свойства: способы организации домашнего пространства, характеристики предметов и т.п. С другой стороны, реальное использование пространства и предметов не только определяется совокупностью культурных контекстов, но в высшей степени субъективировано.

Под семейными вещами можно понимать весь материально-предметный мир, в который погружается семья. Он включает и мебель, и посуду, и даже разные безделушки, то есть все предметы, которые приобретались или изготавливались членами семейно-родственной группы и потребляются ею. Все остальные вещи можно условно обозначить как «производственные» (оборудование, техника в сфере производства), «общественные» (скамейки в парке, уличные фонари и т.п.), «историко-культурные» (памятники культуры, музейные экспонаты). Разумеется, эти обозначения условны и взаимозаменяемы. Так, памятники культуры являются общественным достоянием, и перед тем как стать таковыми, они были кем-то и зачем-то произведены.

Семейными можно считать вещи, которые: 1) существуют в семье и составляют её материально-предметную среду; 2) определённым образом характеризуют эту среду (например, являются показателем социально-экономического положения семьи); 3) воссоздают особенности быта семей различных этнических групп; 4) помогают через реконструирование

быта семьи воссоздать социальную среду (бытовой стиль эпохи); 5) символизируют и помогают сохранять семейную историю и память конкретных семей; 6) составляют семейную собственность в случае, когда к конкретной вещи причастны все члены семьи (например, мебель, посуда используются всеми членами семьи; если же в семье есть реликвия, которую все они признают таковой — это тоже семейная собственность); 7) находятся в личном пользовании отдельных представителей семьи или являются «значимыми» только для одного её представителя; 8) принадлежат членам семьи в пределах жилой среды (дома, квартиры).

По функциональному основанию все вещи, включённые в материально-предметный мир семьи (жилища), можно распределить на три условные группы: бытовые, декоративные и мемориальные. Предметы первой группы в пространстве семейного жилища исполняют роль помощников в быту (нож, стул, стол и т.п.), вторые служат его украшением (картина, ваза и т.п.), а третьи хранят память о каких-либо событиях истории семейно-родственного сообщества (альбом с фотографиями, сувениры, семейная реликвия и т.п.). Эта классификация достаточно условна, поскольку декоративные вещи одновременно могут и быть мемориальными, и входить в разряд бытовых вещей. Семейные вещи могут быть типологизированы по разным основаниям, но в соответствии с избранным подходом главным критерием является их позиция на шкале семиотичности (утилитарное/символическое значение). Бытовые и мемориальные вещи могут наделяться различными характеристиками, начиная от их стоимости и включая внешние характеристики. Вещь может быть дорогой/дешёвой, престижной/непрестижной, красивой/уродливой и т.п.

В каждой семье есть вещи, которые используются и воспринимаются как «чисто бытовые». Прагматичным чаще всего является отношение к предметам мебели, бытовой техники, утвари. Без них трудно представить семейный быт, но они, на первый взгляд, не играют никакой роли в семейной истории. Такие вещи актуальны в настоящем, сами по себе они могут символизировать время, его технологии и тому подобное, но с «внутрисемейной точки зрения» не обладают какими-либо символическими значениями. Утилитарные вещи являются объективным показателем социального, профессионального статуса, экономического положения, увлечений семьи или индивида, санитарно-гигиенических норм и привычек и т.д. Обозначение «бытовые» указывает на удовлетворение с помощью этих вещей прежде всего обыденных потребностей. Мир бытовых вещей бесконечно многообразен.

Особое место в предметном мире семьи занимает группа вещей, которые можно обозначить как «памятные» («мемориальные»). Основной их функцией является сохранение памяти о событиях, местах, людях и тому подобном.

Индивидуальная память зависит от степени и характера её вовлеченности в различные группы, начиная с семьи. Среди разных видов памяти особое место занимает предметная, воплощенная в вещах, выполняющих функцию «места памяти» [12, Нора П., с. 17–50; 14, Ассман Я., с. 20]. Личная вещь каждого члена семьи так или иначе включена в общий предметный мир родственной группы и при определенных обстоятельствах она оказывается частью общего фонда семейной памяти или переходит в разряд семейных реликвий. Памятные вещи бывают ценными в прямом, материальном смысле, они могут использоваться по целевому утилитарному назначению, а могут иметь только символическую ценность, которая определяется особым отношением к вещи, выступающей посредником в сохранении памяти о чём-то значимом в жизни индивида, семьи. В таком случае физические и функциональные характеристики предметов отступают на второй план.

В результате бесед, интервью, знакомства с предметным миром городских семей Мурманской области были выделены, помимо семейных реликвий, различные типы памятных вещей, которые мы обозначили как «индивидуальные памятные вещи»; «памятные вещи родственников»; «памятные вещи, связанные с «общественными» достижениями»; «вещи-память об этнической, национальной и религиозной принадлежности»; «вещи-память о территориальной, локальной принадлежности».

Вещи, функционирующие в современных семьях северян, можно также распределить по ряду темпоральных критериев. Оснований для классификации может быть несколько: по принадлежности к исторической эпохе или конкретному периоду («старинная», «советская», «довоенная», «современная» вещь), длительности использования («старая» / «новая» вещь); соответствия стилю времени («модная» / «немодная»). «Смысловое значение вещи не может быть понято без знания конкретно-исторических условий жизни людей, истории культуры (как материальной, так и духовной)» [32, Миролубова Л.Р., с. 59].

Вещи в процессе переезда (в пространстве «дороги»)

В процессе переезда происходит переорганизация предметного мира семьи. Вещи, находящиеся в пространстве «дороги», на определенное время теряют статус «домашних». «Дорога» — ритуально и сакрально значимый локус, имеющий многозначную семантику и функции. Дорожные обычаи и представления неоднократно оказывались в фокусе этнографических исследований [33, Агапкина Т.А.; 34, Топоров В.Н.; 35, Толстая С.М.; 36, Кляус В.Л.; 37, Цивьян Т.В.; 38, Щепанская Т.Б.].

Все вещи, находящиеся в пути, можно разделить на две основные группы: багаж и дорожные вещи. В ситуации переселения при сборах в дорогу весь предметный мир свора-

чивается в некий вещевой комплекс под названием «багаж» с неизбежной потерей его определённой части в результате отбора (часть вещей продаётся, раздаётся или выкидывается).

В толковом словаре В. Даля «багаж» определяется как «*поклажа, пожитки, вещи, скарб, имущество, кладь, особенно дорожная*» [39]. В толковых словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова даны сходные определения: багаж – это «*вещи, груз пассажиров, упакованные для отправки, перевозки. <...>. Ручной багаж (вещи пассажира, находящиеся при нем)*» [40; 41]. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой под багажом понимаются «*упакованные вещи, которые берёт с собою в дорогу пассажир*» [42]. В рамках данного исследования под багажом понимаются любые вещи, предметы быта, которые семья или индивид перевозит из прежнего места жительства в новый дом.

Определение понятия «дорожные вещи» удалось обнаружить лишь в толковом словаре русского языка под редакцией Д.В. Дмитриева: «*дорожным* называют предмет, который вы берёте с собой, когда едете куда-либо, путешествуете» [43]. Т.Б. Щепанская подразделяет дорожные вещи на две основные группы: снаряжение — средства жизнеобеспечения в дороге, и памятки-обереги — вещи, имевшие скорее символическую ценность [38, Щепанская Т.Б., с. 109]. Данные на память вещи должны были предотвратить полное отчуждение уходящего, сохраняя его незримую связь с родиной и домом. Эта связь только временно блокировалась, сворачивалась в символ (ту же памятную вещь). В настоящее время дорожные вещи-обереги продолжают существовать. Т.Б. Щепанская в специальном исследовании показала, как такого рода вещи функционируют в среде водителей [44]. Одни вещи выступают в качестве защиты от «непредвиденных ситуаций», среди них утилитарные (монтировка, бита и т.п.) и символические (например, образы святых); другие напоминают о доме (игрушки на лобовом стекле) и тому подобное. Кроме того, к дорожным необходимо отнести такие вещи, которые используются в дороге в качестве «тары» или средств упаковки и переноски грузов. Традиционным средствам передвижения и дорожному снаряжению посвящены отдельные этнографические исследования [45; 46; 47; 48, Васильев М.И.; 49, Лебедева А.А.]. В настоящее время в качестве дорожной утвари выступают сумки, чемоданы, иногда для удобства транспортировки используют коробки.

В каждой семье, которой приходится сталкиваться со сменой места жительства, практически всегда есть *ответственное за переезд лицо*. Как правило, это член семьи, который либо имел опыт переезда, либо, по собственному мнению или мнению других родственников, знает, как правильно организовать сам процесс. Чаще всего это старшая женщина в се-

мье (бабушка, мама, тётя). В некоторых случаях ответственных за переезд может быть двое, обычно муж и жена. Считается, что женщины более ответственные, и, по мнению мужчин, «у них это лучше получается». В процессе подготовки к переезду в семье происходит неформальное распределение обязанностей, которое особенно хорошо прослеживается на стадии транспортировки и сбора багажа, когда у каждого члена семьи определяется своя роль. Обычно женщины в семье отвечают за отбор нужных вещей и правильную упаковку. В случаях, когда упаковка требует значительных физических усилий, женщины, как правило, инструктируют и контролируют соответствующие действия мужчин. Мужчины помогают переносить вещи (разгружать, загружать), дети могут охранять багаж и выполнять разные мелкие поручения (например, принести из магазина коробки для упаковки вещей). Конечно, распределение ролей в разных семьях варьируется: *«Мы активно с братом таскали вещи. Понятно, что маленькие такие, небольшие, посильные. Собрать коробки — это мама делала без нас, насколько я помню, но вот таскали мы очень даже»* (1)³.

Упаковка вещей — важный этап переезда. От правильности упаковки зависит сохранность вещей в ходе транспортировки. У каждого индивида семьи есть свои приёмы и способы, как правильно упаковать вещи. Прибегают к разным источникам практических знаний: кто-то пользуется советами родителей, родственников, а представители современной молодёжи обращаются к Интернет-ресурсам.

На обращении с вещами сказываются такие факторы как возраст, материальное положение, состав переезжающих, мотивы переселения, установка на временное или постоянное проживание на территории прибытия, представления о жизни на новом месте и другие факторы. Естественно, когда на постоянное жительство переезжают люди семейные и с детьми, они основательнее подходят к сбору багажа. Представители молодёжи, как правило, почти ничего с собой не берут, кроме техники и лично значимых вещей. Молодёжь, по собственным и сторонним оценкам, *«стремится к минимализму»*, *«легко расстаётся с вещами»*, *«ориентируется на моду»*, *«не держится за вещи»*. Люди старшего поколения (особенно пожилые люди) стараются забрать с собой как можно больше, а по возможности — всё нажитое.

В процессе переезда поведение в отношении разных типов семейных вещей — мемориальных и сугубо быденных — варьируется. Различия очевидны на всех стадиях подготовки и осуществления переезда. Более бережным является отношение к мемориальным вещам. Различны критерии, по которым сортируются при отъезде вещи этих типов, неодинаков процесс их транспортировки. Исследование показало, что абсолютное большинство

³ Порядковый номер информанта.

переезжающих на Кольский Север, независимо от возраста и индивидуального отношения к вещам, стремилось сохранить при себе предметы, которые относились к семейным реликвиям. В особенности это касается фотографий и семейных альбомов. Такое поведение рассматривается как само собой разумеющееся, многие информанты подтверждали его лишь в ответ на уточняющий вопрос («конечно», «а как же», «в первую очередь», «обязательно»).

Бытовые вещи, как правило, отбираются на основе практических соображений: учитываются их стоимость, функциональность, удобство в использовании, степень сохранности. Значительная переорганизация предметного мира семьи при переезде связана, прежде всего, с избавлением от вещей определённых категорий. В большинстве случаев это предметы, которые признают ненужными и устаревшими: *«Когда готовились к переезду, то, конечно, в первую очередь избавлялись от всякого хлама. <...>. Это те старые вещи, которые давно было пора выкинуть, но как-то всё руки не доходили»* (2). Выбрасывались в первую очередь старые, не используемые вещи («барахло», «хлам»), которые хранились на чердаке, в сарае, кладовке, давно утратили функциональность, устарели, но их было жалко выбросить. Большинство переезжавших не хотели забирать их в «новую жизнь». В других случаях такое поведение мотивируется невозможностью перевезти все вещи в силу каких-то причин: отсутствия достаточного количества жилой площади на новом месте, трудностей транспортировки и т.п. Мемориальные семейные вещи меньше подвержены такой сортировке. Их стараются перевезти в целостности и сохранности, а о том, чтобы раздать или выбросить, и речи быть не может. Встречаются, конечно, исключения.

В процессе переезда наиболее ценные вещи принято держать «при себе» или «ближе к себе». На обращение с данными вещами почти не влияют экономические, социальные и прочие обстоятельства. Здесь большую роль играет личностный, психологический фактор. В первую очередь забирали семейные фотографии. Часто в рассказах переселенцев из деревень среди вещей, взятых на память, отмечаются иконы: *«Бабушка рассказывала, что дедушкина мать, перед тем как они уехали на север к деду, сняла с красного угла складень, завернула его в платок, на котором он стоял, положила в мешок и отдала со словами: "Передай сыну, а он пусть передаст Верке, когда вырастет"»* (3). Старшие родственники старались передать икону как семейную реликвию и оберег, чтобы та охраняла близких в дороге и на новом месте от разных бед. Кроме того, переселенцы забирали на память те предметы, с которыми были связаны эмоционально, поскольку те отождествлялись с оставленным домом и родными. Чаще всего это были вещи, сделанные руками близких (отца,

матери, бабушки): *«Моя мама хранит дома старые бабушкины платки, скатерти, ткани, которые бабушка со своими сестрами сделала своими руками»* (4).

Среди всех типов памятных вещей семейные реликвии занимают особое место. В представлениях людей понятия «реликвия» и «вещь-память» интерпретируются и соотносятся между собой по-разному. Для одних они являются синонимами, для других обозначают абсолютно разные категории предметов. В частности, разграничение между «реликвиями» и памятными вещами может проводиться по критерию коллективности / индивидуальности воплощённой в них памяти или собственности на них. С этой точки зрения, «реликвии» — всегда «семейные». Анализ словоупотребления показывает разнообразие вариаций при использовании данных терминов. Так или иначе, после уточняющих вопросов информанты сами начинали объяснять, что означает для них «семейная реликвия», а что — «памятная вещь». Статус «семейной реликвии» намного выше, чем у остальных видов «памятных вещей». Отсюда и более эмоциональное отношение к ним при переезде. Поскольку все семейные реликвии наделены высокой символической ценностью, а некоторые обладают и ценностью материальной, их при любых обстоятельствах стараются уберечь и сохранить [50, Разумова И.А., с. 3–76; 51, Разумова И.А.; 52, 53, Сулейманова О.А.].

Индивидуальные памятные вещи хранятся относительно непродолжительное время. Связано это с тем, что зачастую в качестве таковых выступают мелкие вещицы и безделушки (вплоть до билетов, оставшихся после посещения музея), и хранятся они до тех пор, пока вызывают определенные эмоции у их обладателя. Обычно индивидуальные памятные вещи теряют свой статус и актуальность со смертью владельца. Но возможна иная их судьба: памятные вещи близких и родственников становятся семейной реликвией и начинают передаваться по наследству. Для того чтобы стать реликвией, вещь должна быть «выделена» из множества других. Как правило, это только очень оригинальная по форме или ценная в материальном плане вещь. К таким относятся ювелирные украшения или эстетически высоко оцениваемые вещи. Тем интереснее случаи исключительной символизации предметов, не обладающих никакой товарной или эстетической ценностью, значимых только для узкого круга лиц и по единственному основанию — служить памятью. Например, в одной из семей северян в качестве реликвии хранится кусочек мыла.

Некоторые люди в течение жизни накапливают достаточно большое количество памятных вещей и могут периодически избавляться от них. Переезд способствует этому процессу. Переезжающие на новое место жительства стараются освободиться от всего «лишнего». Стремление «не захламлять» новую квартиру (дом), а также трудности транспортировки

способствуют избавлению даже от таких вещей, которые до этого считались «очень нужными». Чаще это вещи, которые имеют мемориальную ценность для индивида и при этом не имеют материальной ценности. Как правило, к ним относятся предметы, связанные с личной биографией, но не имеющие отношения к другим людям (друзьям, родственникам). Среди них, например, ученические тетради, напоминающие о собственном детстве и отрочестве, входные билеты — свидетельство посещения каких-то мест, коллекции, которые утратили актуальность в силу изменения сферы интересов и не имеют материальной ценности (собрания фантиков, бутылок и т.п.).

Свойство со временем терять актуальность отличает памятные вещи от семейных реликвий. Семейную реликвию никогда не выкинут из-за того, что её трудно транспортировать или в новом доме для неё не хватит места. В отношении семейных реликвий вообще не возникает таких вопросов, могут действовать только экстренные обстоятельства. Статус памятных вещей очень неустойчив. Они постоянно балансируют между возможностями стать семейной реликвией или оказаться на помойке. Так или иначе, в ситуации переезда в отношении этих вещей возникает сильная рефлексия. Реальные предметы, которые удалось спасти, представляют особый повод для гордости. Кроме того, выяснилось, что чем больше сложностей возникает в процессе транспортировки какой-либо вещи, тем более возрастает её символическая ценность: *«Сколько было сложностей перевести эти ковры из Краснодара в Апатиты! Они теперь лежат скрученные за стенкой, ждут своего часа. Вот сын женится, ему по наследству перейдут. Для меня они уже не просто обычные ковры, а с ними связано столько воспоминаний, как я их пёрла оттуда»* (5).

Таким образом, практики обращения с вещами в процессе переезда зависят не только от обстоятельств переезда, но и от ценности вещи для семьи и отдельных её членов. При селекции вещей и выборе способов транспортировки переселенцы ориентируются на мемориальную, материальную и символическую ценность предметов.

**«В новую квартиру со старыми вещами»:
вещь как средство адаптации на новом месте жительства**

За перемещением следует процесс освоения необжитого пространства. Знакомство с предметным миром горожан Мурманской области (гг. Апатиты, Кировск, Кандалакша) показало, что при создании интерьера жилища закономерно выявляется, формируется, меняется отношение новосёлов к отдельным вещам и их категориям (мебели, посуде, бытовой технике, интерьерным украшениям и т.п.).

На обустройство быта на новом месте влияют сам процесс переезда и связанные с ним аспекты вещевого поведения. Для того чтобы начать обустраиваться, надо сначала покинуть старое жилье, перевезти свои вещи, пережить связанные с этим трудности. В этнографической традиции концепт «дороги» противопоставлен концепту «дома». Дом ассоциируется со стабильностью, оседлостью, местом обжитым и «своим», дорога — это движение, нестабильность положения, «чужое» и неизвестное. В то же время дом и дорога связаны как разные полюса единой шкалы, сочетающей оседлость и подвижность. Как отмечает А.В. Головнев, «в антропологии движения динамика и статика противопоставляются лишь для показа их переменности и диапазона промежуточных состояний. Речь идёт не о замене статичных измерений динамичными, а о двухмерности» [54, Головнев А.В., с. 4–14].

Возможны различные варианты переездов в зависимости от изменений, которые претерпевает семья: 1) собственно переселение, когда переезжает вся семья; 2) разделение, если отселяется часть семьи, 3) отделение — уезжает один человек. В зависимости от типа переезда и состава переезжающих варьируется и вещевое поведение. Во всех случаях происходит полная или частичная трансформация предметного мира семьи.

Если переезжает вся семья, то, как правило, происходит просто перенос имущества из одного дома в другой. Естественно, что предметный мир так или иначе трансформируется. Часть вещей может пострадать во время переезда, что-то предпочтут выбросить сами хозяева и т.п. Однако в большинстве случаев не происходит кардинальных изменений. Исключение составляет ситуация вынужденного (экстренного) переселения.

Переезд из родительского дома одного из членов семьи отличается тем, что переорганизация происходит за счёт переноса части предметного фонда семьи на новое место жительства. Ритуальную параллель представляет перераспределение «доли» в обрядах жизненного цикла человека с целью стабилизации кризисной ситуации, обеспечения благополучного перехода [55, Седакова О., с. 54–63]. Выделяется имущественная доля из организованного и упорядоченного предметного мира. Покидающий родительский дом человек, как правило, забирает не только свои личные вещи, но и вещи общего пользования, поскольку он ещё не успел обзавестись своими собственными необходимыми в быту вещами. Таким образом происходит перераспределение предметного фонда семьи. «Доля», которую выделяют уезжающему, в каждом случае зависит как от материальных возможностей семьи, так и от индивидуальных предпочтений переезжающего: *«Студенту что надо, в принципе, — где поспать. Ну, мебель-то там была кое-какая. Ну и, в основном, это такая утварь, наподобие, там кастрюлю мама выделила, сковородку, утюг. Из вещей так-то вот,*

именно такое необходимое, плюс одежда» (6).

В процессе переезда некоторые вещи получают «вторую» жизнь. Например, то, что давно хранилось в гараже, сарае (даже были случаи, когда вещи приносили с помойки) отдаются отделившимся детям, ссылаясь на то, что за неимением иного и это сойдёт на первое время.

При переезде семейные вещи могут менять и часто меняют свой статус. Предметы быта, которые до этого использовались в чисто утилитарном назначении или выполняли декоративные функции, могут стать семейными реликвиями: *«Я из родительского дома забрала салфетки, связанные крючком. <...>. У родителей они просто пылились, а у меня они хранятся с трепетом.<...>. Забрала как память о маме, чтобы сохранить, так сказать» (7).* В частности, ряд предметов из статуса семейных (которыми пользовались все члены семьи) переходит в разряд вещей индивидуального пользования; у вещей появляются «вторая» жизнь и новая история.

Как отмечает И.А. Разумова, в настоящее время «основные ритуальные моменты при вселении соблюдаются не только сельскими, но и городскими жителями» [50, с. 131]. На сегодняшний день в культуре городских жителей Кольского Севера можно наблюдать соблюдение некоторых элементов традиционного обряда перехода в новый дом при переезде на новое место жительства. Некоторые из информантов рассказывали, что первой запускали в дом кошку или кота, и на том месте, где животное предпочтёт задержаться, решали ставить детскую кроватку или устроить спальное место. Встречались сообщения об использовании различных оберегов, например, подвешивании подковы над дверью. Конечно, такого рода ритуальные действия несколько модифицировались в современных условиях.

Переехавшие сталкиваются с трудностями, которые связаны с восприятием нового места как «необжитого» или «чужого». Приходится заново создавать свой дом и привыкать к нему. Если переезды случаются часто, такое восприятие либо становится дополнительным стрессовым фактором, либо, наоборот, притупляется и исчезает (формируется модель «дом там, где я в данный момент»): *«Я люблю, когда в доме порядок и всё лежит на своих местах.<...>. После переезда долгое время не могли ничего найти, забывали, где что лежит. Всё это меня просто настолько выбивало из колеи, что руки просто опускались, и ничего не хотелось делать» (8).* Как видно, перемена в расстановке вещей приводит к психологическому дискомфорту. Человек рассматривает предметное окружение не только как средство обеспечения функциональных процессов, но и как необходимую индивидуальную сферу, связанную с особенностями и своеобразием его личности.

Необжитое пространство воспринимается как «чужое», «холодное», «неуютное». Старые вещи помогают сделать пространство более привычным и освоенным. По этой причине многие переезжающие забирают с собой личные вещи, которые имеют символическую значимость: *«Забирали всякие безделушки, да, хотя муж ворчал, что не надо захламлять новую квартиру. Не знаю, как это объяснить, но мне было бы как-то не по себе, если бы пришлось жить среди всего нового и незнакомого»* (9). По мнению информантов, такого рода вещи, несмотря на всю их бесполезность, помогают меньше скучать по дому, оставленным друзьям, не чувствовать себя одиноким на новом месте — то есть они связывают с прежним местом жительства и выступают в функции коммуникантов.

Покидая родительский дом, дети часто забирают безделушки (статуэтки, игрушки и т.п.) родственников, «чтобы меньше скучать по дому и близким». Если до отъезда такого рода вещи служили для создания уюта или использовались в других целях, то теперь они приобретают дополнительный смысл. Обычно старые вещи или безделушки в родительском доме считаются «захламляющими» пространство, их периодически хотят выбросить, но по каким-либо причинам «жалеют». Когда отъезжающий перевозит их на новое место жительства, эти предметы начинают восприниматься иначе, служат для «связи» со старым домом и «одомашнивания» нового, создавая ощущение комфортности.

Как подтвердило исследование, молодёжь легче адаптируется на новом месте. Однако встречались случаи, когда молодые люди устраивали в своей квартире «музей» памятных вещей, храня разнообразные безделушки, а также вещи родственников. Закономерно, что люди среднего и пожилого возраста чаще воспринимают вещи как часть своей биографии. Наживание имущества — это важная линия прожитой жизни: история того, как зарабатывалось имущество, как оно «доставалось» и тому подобное. Вещи дают спокойствие, ощущение стабильности. Этот «механизм защиты вещами в повседневной практике пожилых людей» подробно проанализирован М.Э. Елютиной [56, Елютина М.Э., с. 101–109].

Как правило, символическая значимость вещи тем более возрастает при переезде, чем дальше расстояние или чётче граница, разделяющая родственников. Одно дело — переезд в пределах области, другое — эмиграция в дальнюю страну. Этнические мигранты, проживающие в городах Кольского Севера, отмечали, что привычные для них в быту вещи в новой, иноэтничной среде становились больше чем просто бытовыми предметами. Они напоминали о родине, прошлом образе жизни, о людях, приходивших в их дом, и о многом другом, то есть становились коммеморативными вещами.

Способ адаптации зависит от типа пространства. На съёмной квартире решающим фактором является нестабильное положение проживающего (в любой момент могут попросить освободить жильё). Переезд в собственную новую квартиру сопровождается стремлением новосёлов заменить старые вещи новыми, минимизировать присутствие старых вещей на новой квартире. В общежитие, напротив, забирают из дома то, что похуже. Переезд на новую квартиру нередко является поводом избавиться от старых и надоевших вещей. Для молодых респондентов характерна установка: «новая жизнь — новые вещи».

Переезд из «инонациональных» регионов представителей этнических культур — особый случай. К обязательным условиям успешной социальной адаптации этнических мигрантов относится постепенная трансформация материально-предметной среды жизни на новом месте. Для того чтобы переселенец чувствовал себя комфортно и мог вести привычный образ жизни, ему необходима соответствующая материально-бытовая среда. Её созданию способствуют привезённые «национальные» вещи (одежда, посуда): *«Мне приятно пить чай не из кружек там разных, а из пиал. <...>. Готовить на сковороде, например, мне не очень удобно. Хорошо, что есть у нас казаны — и маленький, и большой»* (10). Посуда для приготовления пищи относится к предметам первой необходимости, и её использование на новом месте можно считать элементом бытовой адаптации. Чем южнее регион выезда, тем большее значение для переселенцев имеют климатические различия, тем более экзотичным оказывается Север: *«Привезла с собой из Таджикистана всякие платья, сарафаны. Очень много у меня красивых летних вещей, а надеть их здесь, учитывая какое здесь короткое и холодное лето, думаю, так и не получится»* (11). Перемена места жительства заставляла расстаться с прежними привычками в обращении с вещами. Некоторые переселенцы не имели ясного представления о северном климате и попадали врасплох. В автобиографических рассказах очень устойчив мотив несоответствия взятых с собой предметов одежды и обуви северным условиям жизни. Некоторые вещи, привычные в прошлом быту, в иноэтнической среде перестают быть употребительными, их используют только по праздникам. Кроме того, этническим мигрантам нередко приходится полностью отказаться от национальной одежды. Одни не смогли привезти её в силу обстоятельств; другим жалко носить, так как предмет в одном экземпляре; кому-то стыдно (обычно молодым). Таким образом, национальные вещи могут переходить в разряд хранимых экспонатов.

Подводя итог, подчеркнём, что отдельные категории вещей могут выступать в функции культурно-психологического «стабилизатора», помогая привыкнуть к новым условиям и преодолеть разрыв с прежним местом и временем жизни.

Заключение

Проведённое исследование показало, что перемещение оказывает влияние на семантику и функции вещей. Любое пространственное перемещение может сказаться на статусе и назначении предмета, и, напротив, изменение статуса или функции вещи приводит к смене её местоположения. В процессе переезда предметная среда семьи переорганизуется и трансформируется полностью или частично, что приводит к ускоренному переозначиванию отдельных её элементов и изменению статуса вещей.

На всех стадиях подготовки и осуществления переезда различается поведение по отношению к вещам с различным статусом. Это касается и критериев их селекции, и процесса транспортировки. На подготовительном этапе осуществляются действия по «собираанию» и «отбору» (категоризации), связанные с избавлением от определённых категорий вещей. Менее всего подвержены сортировке мемориальные семейные вещи, они же подлежат наиболее бережной транспортировке.

В целом изучение трансфера вещей с учётом переменных обстоятельств переезда членов семьи позволяет проследить процессы семиозиса и коммеморации, глубже понять механизм функционирования семейной материальной культуры в различных исторических контекстах и прежде всего в современных условиях возрастающей территориальной мобильности населения.

Список информантов:

1 — Женщина, 1978 г.р. Уроженка г. Бобров Воронежской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах области и страны.

2 — Женщина, 1966 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

3 — Женщина, 1982 г.р. Уроженка Тверской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области. Полевые материалы из личного архива Разумовой И.А.

4 — Женщина, 1983 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

5 — Женщина, 1957 г.р. Уроженка Краснодарского края. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

6 — Женщина, 1981 г.р. Уроженка г. Мончегорска Мурманской области. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

7 — Женщина, 1988 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт пере-

езда в пределах Мурманской области.

8 — Женщина, 1958 г.р. Уроженка г. Кировск Мурманской области. С 1966 г. проживает в г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах города Апатиты Мурманской области.

9 — Женщина, 1968 г.р. Уроженка г. Апатиты Мурманской области. Имеет опыт переезда в пределах Мурманской области.

10 — Мужчина, 1977 г.р. Уроженец г. Душанбе (Таджикистан). С 2003 г. проживает в городе Апатиты Мурманской области.

11 — Женщина, 1982 г.р. Уроженка г. Душанбе (Таджикистан). С 2003 г. проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Литература

1. Разумова И.А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв.ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; Отд-ние ист-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН. 2010. С. 290–298.
2. Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. London: Allen Lane, 1979. 63 p.
3. Ракитных М.Б. Социокультурная природа феномена потребления в обществе постмодерна: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Томск, 2004. 23 с.
4. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. 342 с.
6. Топоров В.Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования. М., 1984. С. 164–185.
7. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Т. 10. Тарту, 1978. С. 65–85.
8. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград «Наука», 1983. 192 с.
9. Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: «Наука», 1989. С. 63–88.
10. Байбурин А.К. О жизни вещей в традиционной культуре // Живая старина. 1996. № 3. С. 2–3.
11. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. Москва: Индрик, 2004. 320 с.
12. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 1999. С. 17–50.
13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
14. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
15. Мегилл А. Историческая эпистемология / Перевод М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
16. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Т. 31. М., 1956. С. 3–458.

17. Валенцова М.М. Семантика и символика «верха» дома в обрядности славян // Живая старина. 2000. № 2. С. 11–13.
18. Пермиловская А.Б. Северный дом. Петрозаводск: ПетроПолис, 2000. 223 с.
19. Юхнева Е. Дом для «старых русских» // Родина. 2003. № 10. С. 26–29.
20. Сулейманова Д.Н. Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика: автореферат дисс. ... к.и.н: 07.00.07. Чебоксары, 2007. 22 с.
21. Криничная Н.А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 28–42.
22. Соколова А.В. Этнокультурная специфика еврейского дома в Подолии // Живая старина. 2000. № 2. С. 17–22.
23. Алексеева Е.К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (к. XIX – н. XX в.). Новосибирск: «Наука», 2003. 158 с.
24. Наровская А.Н. Общие и локальные особенности интерьера белорусского народного жилища (к. XIX – н. XX в.): автореф. дисс. ... к.и.н: 07.00.07. Минск, 1989. 22 с.
25. Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа.: Гилем, 2001. 181 с.
26. Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 35–78.
27. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М.: «Наука», 1971. 288 с.
28. Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М.: «Наука», 1974. 320 с.
29. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., «Наука», 1977. 359 с.
30. Уразманова Р.К. Особенности формирования и основные черты быта рабочих-нефтяников татар юго-востока Татарии // Этнографическое изучение быта рабочих в СССР. М.: «Наука», 1969. С. 96–118.
31. Фельдман М.А. Правдивая книга из начала 70-х гг. XX в.: непроизвольные загадки советской историографии. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18479/1/iurg-2009-63-41.pdf> (дата обращения: 27.04. 2015).
32. Миролюбова Л.Р. Вещная среда как феномен культуры / Под ред. доц. Н.А. Козловой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. 139 с.
33. Агапкина Т.А. Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла) // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 213–254.
34. Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 7–88.
35. Толстая С.М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 89–103.
36. Кляус В.Л. Движение людей/движение предметов в забайкальском святочном обряде заваливания ворот // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т.А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 271–283.
37. Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. М.: Индрик, 1999. 376 с.
38. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: «Индрик», 2003. 528 с.
39. Багаж. Толковый словарь Даля. URL: <http://enc-dic.com/dal/Bagazh-685.html> (дата обращения: 07.12.2016).

40. Багаж. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=1294> (дата обращения: 07.12.2016).
41. Багаж. Толковый словарь Ожегова. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Bagazh-930/> (дата обращения: 07.12.2016).
42. Багаж. Толковый словарь Ефремовой. URL: <http://enc-dic.com/efremova/Bagazh-2737.html> (дата обращения: 07.12.2016).
43. Дорожный. Толковый словарь Дмитриева. URL: <http://enc-dic.com/dmytriev/Dorozhn-115.html> (дата обращения 02.10.2014).
44. Щепанская Т.Б. Этнография техносферы: традиция и прогностика в фольклорном дискурсе водителей // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 162–183.
45. Васильев М.И. К вопросу о системе русских транспортных коммуникаций X–XX в. // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 64–74.
46. Васильев М.И. Русские лыжи: история развития // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 91–94.
47. Васильев М.И. Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X – начала XX веков: основные тенденции развития: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.07. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2009. 47 с.
48. Васильев М.И. Сани в русском погребальном обряде: история изучения и проблема интерпретации // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 151–164.
49. Лебедева А.А. Средства переноски тяжестей у восточных славян // Полевые исследования института этнографии / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1975. С. 19–28.
50. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
51. Разумова И.А. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / Сборник МАЭ, т. LVII. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. С. 63–70.
52. Сулейманова О.А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования / Ред. акад. В.Т. Калинин. Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2010. Вып.1. 2/2010 (2). С. 68–79.
53. Сулейманова О.А. Семейные реликвии как социальная собственность // Наука и бизнес на Мурмане: Науч.-практ. альм. Мурманск: Кн. изд-во, 1996: Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты. 2009. № 2 (67). С. 49–53.
54. Головнев А.В. Дорожная карта антропологии движения // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 4–14. URL: http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b19543 (дата обращения: 20.01.2016).
55. Седакова О. Тема «доли» в погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М., 1990. С. 54–63.
56. Елютина М.Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 101–109.

References

1. Razumova I.A. Migracionnyj opyt i formirovanie lokal'noj identichnosti zhitelej Kol'skogo Severa [Migration experience and the formation of local identity of the inhabitants of the Kola North], *Adaptacija narodov i kul'tur k izmenenijam prirodnoj sredy, social'nyh i tehnogennym transformacijam*, Otv.red. A.P. Derevjanko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov; Otd-nie ist-filol. nauk RAN, Moscow, ROSSPJeN, 2010, pp. 290–298. [in Russian]
2. Douglas M., Isherwood B. *The World of Goods*, London: Allen Lane, 1979, 63 p.
3. Rakitnyh M.B. *Sociokul'turnaja priroda fenomena potreblenija v obshhestve postmoderna* [Socio-

- cultural nature of the phenomenon of consumption in the society of postmodernity]: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13., Tomsk, 2004, 23 p. [in Russian]
4. Bogatyrev P.G. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Questions of the theory of folk art], Moscow, Iskusstvo, 1971, 511p. [in Russian]
 5. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey* [Studies in the field of Slavic antiquities], Moscow, 1974, 342 p. [in Russian]
 6. Toporov V.N. K simbolike okna v mifopojeticheskoy tradicii, *Baltoslavjanskije issledovaniya* [To the symbolism of the window in the mythopoetic tradition], Moscow, 1984, pp. 164–185. [in Russian]
 7. Civ'jan T.V. Dom v fol'klornoj modeli mira (na materiale balkanskih zagadok) [House in the folklore model of the world (on the material of the Balkan riddles)], *Trudy po znakovym sistemam*, V. 10. Tartu, 1978, pp. 65–85. [in Russian]
 8. Bajburin A.K. *Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavian* [Dwelling in rites and representations of the Eastern Slavs], Leningrad, Nauka, 1983, 192 p. [in Russian]
 9. Bajburin A.K. Semioticheskie aspekty funkcionirovaniya veshhej [Semiotic aspects of the functioning of things], *Etnograficheskoe izuchenie znakovyh sredstv kul'tury*, Leningrad, Nauka, 1989, pp. 63–88. [in Russian]
 10. Bajburin A.K. O zhizni veshhej v tradicionnoj kul'ture [On the life of things in traditional culture], *Zhivaja starina*, 1996, No. 3, pp. 2–3. [in Russian]
 11. Sedakova O.A. *Pojetika obrjada. Pogrebal'naja obrjadnost' vostochnyh i juzhnyh slavian* [Poetics of the rite. Funeral rites of the Eastern and Southern Slavs], Moscow, Indrik, 2004, 320 p. [in Russian]
 12. Nora P. Problematika mest pamjati [Problems of places of memory], *Francija – pamjat'*, Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 1999, pp. 17–50. [in Russian]
 13. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Collective and historical memory], *Neprikosnovennyj zapas*, 2005, No. 2–3, pp. 8–27. [in Russian]
 14. Assman Ja. *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity], Moscow, Yazyki slavjanskoj kul'tury, 2004, 368 p. [in Russian]
 15. Megill A. *Istoricheskaja epistemologija* [Historical Epistemology], Perevod M. Kukarcevoj, V. Kataeva, V. Timonina, Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitacija, 2007, 480 p. [in Russian]
 16. Blomkvist E.Je. Krest'janskije postrojki russkih, ukraincev i belorusov (poselenija, zhilishha i hozjajstvennye stroenija) [Peasant constructions of Russians, Ukrainians and Byelorussians (settlements, dwellings and economic buildings)], *Vostochnoslavjanskij jetnograficheskij sbornik. Ocherki narodnoj material'noj kul'tury russkih, ukraincev i belorusov v XIX — nachale XX v.*, Trudy In-ta jetnografii AN SSSR, V. 31, Moscow, 1956, pp. 3–458. [in Russian]
 17. Valencova M.M. Semantika i simbolika «verha» doma v obrjadnosti slavian [Semantics and symbols of the "top" of the house in the ritual of the Slavs], *Zhivaja starina*, 2000, No. 2, pp. 11–13. [in Russian]
 18. Permilovskaja A.B. *Severnij dom* [Northern house], Petrozavodsk, PetroPolis, 2000, 223 p. [in Russian]
 19. Juhneva E. Dom dlja «staryh russkih» [House for the "old Russian"], *Rodina*, 2003, No. 10, pp. 26–29. [in Russian]
 20. Sulejmanova D.N. *Inter'er zhilishha volgo-ural'skih tatar: razvitie i etnokul'turnaja specifika* [Interior of dwelling of the Volga-Ural Tatars: development and ethno-cultural specifics]: avtoreferat diss. ... k.i.n: 07.00.07, Cheboksary, 2007, 22 p. [in Russian]
 21. Krinichnaja N.A. Krasnyj ugol: ob istokah i semantike sakral'nogo lokusa (po severnorusskim materialam) [Red corner: the origins and semantics of the sacral locus (according to North Russian materials)], *Jetnograficheskoe obozrenie*, 2009, No. 2, pp. 28–42. [in Russian]
 22. Sokolova A.V. Etnokul'turnaja specifika evrejskogo doma v Podolii [Ethnocultural specificity of the Jewish house in Podolia], *Zhivaja starina*, 2000, No. 2, pp. 17–22. [in Russian]
 23. Alekseeva E.K. *Ocherki po material'noj kul'ture evenov Jakutii (k. XIX – n. XX v.)* [Essays about the material culture of the Evens of Yakutia (in the 19th – 20th century)], Novosibirsk, Nauka, 2003, 158 p. [in Russian]
 24. Narovskaja A.N. *Obshhie i lokal'nye osobennosti inter'era belorusskogo narodnogo zhilishha (k. XIX – n. XX v.)* [General and local features of the interior of the Belarusian folk dwelling (to the XIX – XX

- century)): avtoref. diss. ... k.i.n: 07.00.07, Minsk, 1989, 22 p. [in Russian]
25. Sadikov R.R. *Poselenija i zhilishha zakamskih udmurtov (material'nyj i duhovnyj aspekty)* [Settlements and dwellings of the Zakamsk Udmurts (material and spiritual aspects)], Ufa, Gilem, 2001, 181 p. [in Russian]
 26. Haruzin N.N. Ocherk istorii razvitiya zhilishha u finnov [An outline of the history of the development of the dwellings of the Finns], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1895, No. 1, pp. 35–78. [in Russian]
 27. Krupjanskaja V.Ju., Polishhuk N.S. *Kul'tura i byt rabochih gornozavodskogo Urala (konec XIX – nachalo XX v.)* [Culture and way of life of the workers of the mining Ural (late XIX – early XX century)], Moscow, Nauka, 1971, 288 p. [in Russian]
 28. Krupjanskaja V.Ju., Budina O.R., Polishhuk N.S., Juhneva N.V. *Kul'tura i byt gornjakov i metallurgov Nizhnego Tagila (1917–1970)* [Culture and life of miners and metallurgists in Nizhny Tagil (1917–1970)], Moscow, Nauka, 1974, 320 p. [in Russian]
 29. Anohina L.A., Shmeleva M.N. *Byt gorodskogo naselenija srednej polosy RSFSR v proshlom i nastojashhem* [Life of the urban population of the middle part of the RSFSR in the past and present], Moscow, Nauka, 1977, 359 p. [in Russian]
 30. Urazmanova R.K. Osobennosti formirovaniya i osnovnye cherty byta rabochih-neftjanikov tatar jugovostoka Tatarii [Features of the formation and the main features of the life of oil workers ta-tar southeast of Tatarstan], *Etnograficheskoe izuchenie byta rabochih v SSSR*, Moscow, Nauka, 1969, pp. 96–118. [in Russian]
 31. Fel'dman M.A. *Pravdivaja kniga iz nachala 70-h gg. XX v.: neproizvol'nye zagadki sovetskoj istoriografii* [A true book from the early 70's. XX century: the involuntary riddles of Soviet historiography]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18479/1/iurg-2009-63-41.pdf> (Accessed: 27.04. 2015). [in Russian]
 32. Miroljubova L.R. *Veshhnaja sreda kak fenomen kul'tury* [The material environment as a phenomenon of culture], Pod red. doc. N.A. Kozlovoj, Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1986, 139 p. [in Russian]
 33. Agapkina T.A. Koncept dvizhenija v obrjadovoj mifologii slavjan (na materiale vesennee kalendar-nogo cikla) [The concept of movement in the ritual mythology of the Slavs (based on the material of the spring calendar cycle)], *Koncept dvizhenija v yazyke i kul'ture*, Otv. red. T.A. Agapkina, Moscow, Izdatel'stvo Indrik, 1996, pp. 213–254. [in Russian]
 34. Toporov V.N. Ob odnom iz paradoksov dvizhenija. Neskol'ko zamechanij o sverh-jempiricheskom smysle glagola «stojat'», preimushhestvenno v specializirovannyh tekstah [About one of the paradoxes of movement. A few remarks about the super-empirical sense of the verb "to stand", mainly in specialized texts], *Koncept dvizhenija v jazyke i kul'ture*, Otv. red. T.A. Agapkina, Moscow, Izdatel'stvo Indrik, 1996, pp. 7–88. [in Russian]
 35. Tolstaja S.M. Akcional'nyj kod simbolicheskogo jazyka kul'tury: dvizhenie v ritual [The active code of the symbolic language of culture: movement in the ritual], *Koncept dvizhenija v jazyke i kul'ture*, Otv. red. T.A. Agapkina, Moscow, Izdatel'stvo Indrik, 1996, pp. 89–103. [in Russian]
 36. Kljaus V.L. Dvizhenie ljudej/dvizhenie predmetov v zabajkal'skom svjatochnom obrjade zavalivaniya vorot [The movement of people / movement of objects in the Transbaikalian sacred rite of collapsing the gate], *Koncept dvizhenija v jazyke i kul'ture*, Otv. red. T.A. Agapkina, Moscow, Izdatel'stvo Indrik, 1996, pp. 271–283. [in Russian]
 37. Civ'jan T.V. *Dvizhenie i put' v balkanskoj modeli mira* [Movement and path in the Balkan model of the world], M., Indrik, 1999, 376 p. [in Russian]
 38. Shhepanskaja T.B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [Culture of the road in the Russian mythological tradition of the 19th–20th centuries], Moscow, Indrik, 2003, 528 p. [in Russian]
 39. Bagazh [Baggage]. *Tolkovyj slovar' Dalja*. URL: <http://enc-dic.com/dal/Bagazh-685.html> (Accessed: 07.12.2016). [in Russian]
 40. Bagazh [Baggage]. *Tolkovyj slovar' Ushakova*. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=1294> (Accessed: 07.12.2016). [in Russian]
 41. Bagazh [Baggage]. *Tolkovyj slovar' Ozhegova*. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Bagazh-930/> (Accessed: 07.12.2016). [in Russian]
 42. Bagazh [Baggage]. *Tolkovyj slovar' Efremovoj*. URL: <http://enc-dic.com/efremova/Bagazh->

- 2737.html (Accessed: 07.12.2016). [in Russian]
43. Dorozhnyj [Road]. *Tolkovyj slovar' Dmitrieva*. URL: <http://enc-dic.com/dmytriev/Dorozhn-115.html> (Accessed: 02.10.2014). [in Russian]
 44. Shhepanskaja T.B. Etnografija tehnosfery: tradicija i prognostika v fol'klornom diskurse voditelej [Ethnography of the technosphere: tradition and prognostication in the folklore discourse of drivers], *Aspekty budushhego po etnograficheskim i fol'klornym materialam*: Sb. nauch. st., Otv. red. T.B. Shhepanskaja, Saint Petersburg, MAJe RAN, 2012, pp. 162–183. [in Russian]
 45. Vasil'ev M.I. K voprosu o sisteme russkih transportnyh kommunikacij X–XX v. [To the question of the system of Russian transport communications of the 10th–20th c], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, No. 5, pp. 64–74. [in Russian]
 46. Vasil'ev M.I. Russkie lyzhi: istorija razvitija [Russian skis: the history of development], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, No. 2, pp. 91–94. [in Russian]
 47. Vasil'ev M.I. *Russkie suhoputnye kommunikacii i skol'zjashhij transport X – nachala XX vekov: osnovnye tendencii razvitija* [Russian land communications and sliding transport X – the beginning of the XX-th centuries: the basic tendencies of development]: avtoref. dis. ... dokt. istor. nauk: 07.00.07, Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij gos. universitet, 2009, 47 p. [in Russian]
 48. Vasil'ev M.I. Sani v russkom pogrebal'nom obrjade: istorija izuchenija i problema interpretacii [o the question of the system of Russian transport communications of the 10th–20th c], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, No. 4, pp. 151–164. [in Russian]
 49. Lebedeva A.A. Sredstva perenoski tjazhestej u vostochnyh slavian [Means of carrying loads by the Eastern Slavs], *Polevye issledovanija instituta etnografii*, Akad. nauk SSSR, In-t jetnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja, Moscow, Nauka, 1975, pp. 19–28. [in Russian]
 50. Razumova I.A. *Potaennoe znanie sovremennoj russkoj sem'i. Byt. Fol'klor. Istorija* [A secret knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History], Moscow, Indrik, 2001, 376 p. [in Russian]
 51. Razumova I.A. Semejnye relikvii [Family relics], *Zhenshhina i veshhestvennyj mir kul'tury u narodov Rossii i Evropy*, Sbornik MAJe, t. LVII, Saint Petersburg, «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1999, pp. 63–70. [in Russian]
 52. Suleymanova O.A. «Semejnye veshhi»: k interpretacii ponjatija ["Family things": to the interpretation of the concept], *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija*, Red. akad. V.T. Kalinnikov, Apatity, izd-vo KNC RAN, 2010, Part.1. 2 / 2010 (2), pp. 68–79. [in Russian]
 53. Suleymanova O.A. Semejnye relikvii kak social'naja sobstvennost' [Family relics as social property], *Nauka i biznes na Murmane: Nauch.-prakt. al'm.*, Murmansk, Kn. izd-vo, 1996: Goroda Zapoljar'ja: social'no-antropologicheskie i social'no-ekonomicheskie aspekty, 2009, No. 2 (67), pp. 49–53. [in Russian]
 54. Golovnev A.V. Dorozhnaja karta antropologii dvizhenija [Road map of anthropology of movement], *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2012, No. 2 (35), pp. 4–14. URL: http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b19543 (Accessed: 20.01.2016). [in Russian]
 55. Sedakova O. Tema «doli» v pogrebal'nom obrjade [The theme of "share" in the funeral rite], *Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury: (Pogrebal'nyj obrjad)*, Moscow, 1990, pp. 54–63. [in Russian]
 56. Eljutina M.Je. Pozhilye ljudi i starye veshhi v povsednevnoj zhizni [Elderly people and old things in everyday life], *Sociologicheskie issledovanija*, 2009, No. 7, pp. 101–109. [in Russian]

УДК [332.14+338.2](985)

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.52

Цели и стратегия развития территории (на примере Соловецкого архипелага)

© **Цветков Александр Юрьевич**, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Высшей школы экономики, управления и права. Контактный телефон: +7 950 963-09-29. E-mail: narfu29@gmail.com
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

Аннотация. В данной статье изучены процессы целеполагания и разработки стратегии развития территории. Показано соотношение целей и стратегии, определена их роль в управлении территорией. На примере Соловецкого архипелага рассмотрен механизм проведения SWOT-анализа, выполнен анализ системы стратегических целей, представлена модель комплексной стратегии развития территории.

Использованы методы морфологического и сравнительного анализа, синтеза, моделирования. Выявлена необходимость более полного соответствия миссии, целей и стратегии, а также их соответствие факторам внутренней и внешней среды развития территории. Обоснована важность разработки комплексной стратегии территории, направленной на её устойчивое развитие.

Ключевые слова: цели, целеполагание, стратегия развития территории, стратегическое управление, разработка стратегии, Соловецкий архипелаг

The objectives and strategy of the spatial development (using the Solovetsky archipelago as the example)

© **Alexander Yu. Tsvetkov**, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Management Department, Higher School of Economics, Management and Law. Contact phone: +7 950 963 09 29. E-mail: narfu29@gmail.com
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.

Abstract. This article is devoted to the objectives and working out of the strategy of the spatial development. The correlation of goals and strategies is shown, their role in the management of the territory is determined. Using the example of the Solovetsky Archipelago, the mechanism of conducting the SWOT analysis was reviewed, the system of strategic goals was analyzed, and the model of the integrated spatial development strategy was presented. The methods of morphological and comparative analysis, synthesis, and modeling were used. The necessity of more complete correspondence of the mission, goals and strategy, as well as their correspondence to the factors of the internal and external environment of the development of the territory was identified. The importance of working out of comprehensive strategy of the territory aimed at its sustainable development is substantiated.

Keywords: objectives, goals setting, strategy of the spatial development, strategic management, working out of the strategy, the Solovetsky archipelago

Целеполагание и разработка стратегии развития выступают ключевым этапом процесса стратегического управления территорией. Правильно выбранные и сформулированные цели и стратегия задают правильное направление развития, обеспечивают достижение необходимых результатов, служат основой процессов планирования, организации и контроля в управлении территорией.

Основное отличие понятий «цель» и «стратегия» заключается в том, что цели определяют желаемые результаты развития территории, тогда как стратегия указывает путь движения к целям. В этом смысле можно говорить о том, что формулировка целей отвечает на вопрос: «Что мы хотим получить?», а стратегии — на вопрос: «Как этого добиться?». При этом стратегия выступает важнейшим инструментом достижения целей.

Как отмечает Федулов Д.В., «в настоящее время существуют различные интерпретации понятия «стратегия», общим во всех них является подход к определению стратегии как к набору правил и постулатов, лежащих в основе принятия стратегических решений, определяющих будущее компании» [1]. По нашему мнению, данный подход полностью применим и в отношении стратегии территории.

Стратегия развития территории — это долгосрочное, качественно определённое направление развития территории, касающееся её предназначения и целевых ориентиров, позволяющее достичь поставленных целей. Можно утверждать, что стратегия выступает ключевым звеном процесса стратегического управления территорией.

Для определения стратегии необходимо провести тщательный анализ факторов внутренней и внешней среды развития территории, определить её конкурентные преимущества, сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы внешней среды. Наиболее распространённым методом такого анализа является SWOT-анализ. Действительно, на практике он используется чаще всего в рамках экспертных процедур оценивания.

Рассмотрим реализацию процессов целеполагания и определения стратегии на примере территории Соловецкого архипелага — уникального объекта духовного, историко-культурного и природного наследия.

Распоряжением Правительства Архангельской области от 16 июля 2013 г. № 310-рп утверждена Стратегия развития Соловецкого архипелага (далее — Стратегия), в которой определена его миссия. Согласно данному документу, «миссия Соловецкого архипелага в современном мире заключается в том, что он обеспечивает возрождение, сохранение и адекватное восприятие традиционных ценностей в российском и мировом обществе, служит формированию высокообразованной, нравственно-ориентированной, творческой, социально ответственной личности. Наследие Соловков во всей своей уникальности и многокомпонентности помогает обрести современному человеку жизненные ориентиры и ценностные установки своих предков — народа, характеризующегося целостным мировоззрением, высокими духовными и нравственными качествами, необозримым творческим потенциалом,

колоссальной жизнестойкостью, высоким гражданским чувством и способностью к объединению»¹.

Миссия отражает глобальное предназначение территории, её особую роль в сохранении исторического, природного и культурного наследия России, показывает многоаспектность, целостность и уникальность территории. В стратегическом управлении значение миссии состоит в том, что она служит основой процессов целеполагания и разработки стратегии, способствует объединению территории, пониманию всеми субъектами управления единства предназначения территории, что обеспечивает выработку непротиворечивых согласованных целей. Подробный анализ миссии территории и её значения в стратегическом управлении (на примере Соловецкого архипелага) представлен в предыдущих работах автора, где отмечается, что «миссия территории должна быть определена на стыке трёх параметров: потребностей внешней по отношению к территории среды, возможностей территории и целей развития территории» [2, Цветков А.Ю., с. 52–58].

При проведении SWOT-анализа в рамках разработки Стратегии развития Соловецкого архипелага экспертной группой оценивались позитивные и негативные факторы, а также возможности и угрозы для развития по следующим направлениям²:

- 1) Водные биоресурсы (водоросли, рыба).
- 2) Природные ресурсы (лес).
- 3) Сельское хозяйство.
- 4) Демография.
- 5) Воздушный транспорт.
- 6) Энергетика.
- 7) Туризм.
- 8) Потребительский рынок.
- 9) Здравоохранение.
- 10) Образование.
- 11) Культура.
- 12) Наука.
- 13) Экология.
- 14) Финансы.
- 15) Русская православная церковь.

Как мы видим, был проведён всесторонний комплексный анализ по ключевым направлениям развития территории, что позволило сформулировать цели и стратегические задачи социально-экономического развития Соловецкого архипелага.

В Стратегии сформулирована генеральная цель — «сохранение Соловецкого архипелага — общенационального и мирового духовного, культурного и природного достояния,

¹ Стратегия развития Соловецкого архипелага. URL: http://solovki-monastyr.ru/media/attachments/Project_strategy.pdf (дата обращения 14.02.2017).

² Там же

духовного православного центра России, обеспечивающего формирование и восприятие традиционных ценностей, с развитой сферой гостеприимства, созданной на основе современной инфраструктуры, экологического равновесия и бережного отношения к историческому и культурному наследию населения, паломников и туристов».

Для достижения данной цели необходима реализация подцелей по следующим основным направлениям:

1. Эффективное сохранение духовного, культурного и природного наследия Соловецкого архипелага.
 - Создание благоприятных условий для православного монашества и роста православной общины.
 - Изучение, мемориализация, популяризация житий Соловецких преподобных и новомучеников для православного монашества и роста православной общины.
 - Создание эффективной системы охраны объектов культурного наследия.
 - Развитие традиционных промыслов и ремесел.
 - Создание благоприятных условий для развития высокой культуры хозяйствования и землепользования.
 - Создание эффективной системы охраны природного наследия.
2. Использование потенциала триединого Соловецкого наследия для духовно-нравственного и культурного влияния на российское и мировое сообщество.
 - Создание благоприятных условий для эффективной организации экскурсионного обслуживания.
 - Развитие паломническо-туристской инфраструктуры.
 - Формирование системы образования Соловецким наследием.
 - Позиционирование Соловецкого архипелага как выдающегося историко-культурного и природного комплекса на федеральном уровне.
 - Вовлечение местного населения в деятельность, связанную с сохранением наследия и его бережного использования.
3. Создание достойных условий для труда, быта и общественной жизни населения Соловецкого архипелага.
 - Удовлетворение потребности населения в современной жилищной и инженерной инфраструктуре.
 - Развитие транспортной инфраструктуры.
 - Соответствие материально-технической базы социальной сферы современным требованиям.
 - Обеспечение продовольственной и экологической безопасности.
 - Обеспечение защиты населения от чрезвычайных ситуаций и обеспечение пожарной безопасности.
 - Создание «безбарьерной» среды.
 - Содействие экономическому развитию Соловецкого архипелага.
 - Эффективное использование программно-целевого метода.

Таким образом, можно отметить, что в качестве приоритетных целей выделяются социальные цели, а также экономические и экологические цели. При этом особое внимание уделено духовно-нравственному компоненту, что в полной мере соответствует специфике

территории как уникального объекта духовного наследия, где действует и развивается Соловецкий монастырь.

Дальнейшая конкретизация стратегических целей происходит в процессе разработки конкретных программ и проектов по развитию отдельных жизненно важных направлений функционирования территории. По нашему мнению, особое внимание следует уделить экономическому аспекту планирования, повышению эффективности освоения средств финансирования, разработке инфраструктурных проектов, направленных на развитие транспортной доступности, повышение качества жизни местного населения и туристической привлекательности Соловецкого архипелага. При этом необходимо выделить культурный и научный компоненты как фундаментальное ядро стратегических преобразований: требуется проведение комплексных научных исследований в социальной, экономической, экологической, культурной, историко-архитектурной и других сферах, учитывая многообразие и многоаспектность среды Соловецкого архипелага.

Таким образом, оптимальная гармоничная стратегия развития Соловецкого архипелага может быть построена на стыке трёх основных параметров:

- социального,
- экономического,
- экологического.

Для формирования оптимальной стратегии развития территории может быть предложен метод «стратегического куба». Данный подход представлен в научных разработках О.С. Виханского [3] и в настоящей статье модифицирован применительно к управлению территориями.

Стратегии ООТ:

- А — экономическая;
- В — социальная;
- С — экологическая;
- Д — эколого-экономическая;
- Е — социально-экономическая;
- Ф — социально-экологическая;
- Г** — **комплексная** (устойчивое развитие территории);
- О — отсутствие стратегии.

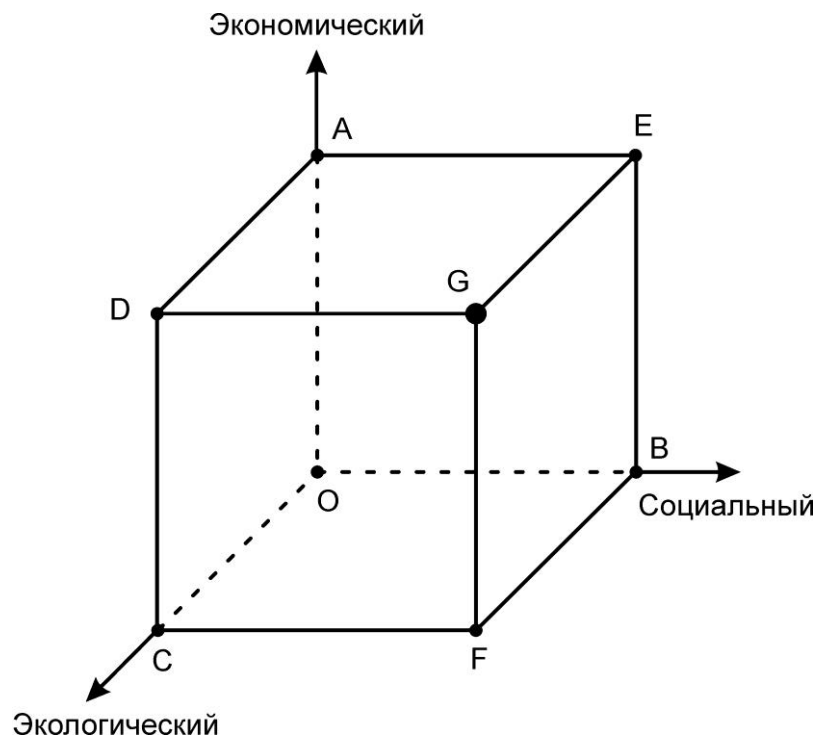

Рисунок 1. «Стратегический куб» территории

Комплексная стратегия территории (точка G на рис. 1) направлена на устойчивое (сбалансированное, долгосрочное) развитие территории, которое обеспечивает повышение эффективности её деятельности за счёт достижения синергетического эффекта. Реализация комплексной трёхмерной стратегии представляет пример оптимального стратегического управления территорией.

Конкретизация стратегии находит выражение в системе планов и программ развития территории. Так, в Стратегии развития Соловецкого архипелага приводится перечень мероприятий организационного и правового характера по реализации Стратегии, среди которых можно выделить следующие:

- 1) Включение портопункта «Соловки» (порт Онега) в реестр портов, открытых для захода иностранных пассажирских судов, и введение 72-часового безвизового режима для иностранных граждан, прибывающих на архипелаг на круизных судах и пассажирских паромах с туристскими целями.
- 2) Совершенствование нормативного правового обеспечения в сфере торговли в рамках реализации положений Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».
- 3) Содействие развитию внемагазинных форм торговли (дистанционная торговля, торговые автоматы).
- 4) Организация и проведение ярмарок, иных торговых мероприятий с привлечением товаропроизводителей Архангельской области.
- 5) Заключение договоров аренды земельных участков, занятых имущественным комплексом ОАО «Архангельский опытный водорослевый комбинат».
- 6) Проработать вопрос по технической модернизации карбасов для добычи морских водорослей, находящихся на балансе ОАО «Архангельский опытный водорослевый комбинат».
- 7) Профилактическая работа, направленная на мотивацию населения к здоровому образу жизни.

- 8) Организация волонтерской работы, направленной на сопровождение пожилых граждан и инвалидов, проживающих на Соловецком архипелаге и находящихся в трудной жизненной ситуации.
- 9) Придание статуса особо охраняемой природной территории.
- 10) Организация экологического мониторинга природной среды Соловецкого архипелага.

Реализация данных мероприятий является первоочередной задачей для осуществления стратегии развития данной территории.

Таким образом, при выработке стратегии развития территории необходимо в равной степени ориентироваться на экологический, социальный и экономический параметры её деятельности. Реализация концепции устойчивого развития способна обеспечить долгосрочное комплексное эффективное функционирование территории, направленное на повышение качества жизни населения, привлечение инвестиций, получение дохода от туристско-рекреационной деятельности, формирование конкурентоспособной инфраструктуры, а также улучшение имиджа территории и региона в целом.

Таким образом, эффективность стратегического управления территорией в целом определяется эффективностью процессов анализа факторов внутренней и внешней среды, целеполагания, разработки и реализации стратегии, что находит выражение в системе стратегического планирования и обеспечивает согласованность миссии, целей и стратегии развития территории.

Литература

1. Федулов Д.В. Выбор стратегии развития маркетинга территории // Экономика и управление. 2015. № 3 (124). С. 40–42.
2. Цветков А.Ю. Миссия в стратегическом управлении территорией (на примере Соловецкого архипелага) // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 52–58. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?SECTION_ID=9538 DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.23.52
3. Виханский О.С. Стратегическое управление. М.: Гардарики, 2015. 576 с.

References

1. Fedulov D.V. Vybora strategii razvitiya marketinga territorii [Choosing the strategy of management of spatial development], *Ekonomika i upravlenie*, 2015, No. 3 (124), pp. 40–42. [in Russian]
2. Tsvetkov A.Yu. Missiya v strategicheskom upravlenii territoriej (na primere Solovetskogo arhipelaga) [Mission in the strategic territory management (on the example of the Solovetsky Archipelago)], *Arktika i Sever*, 2016, No. 23, pp. 52–58. URL: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?section_id=9538 [in Russian]. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.23.52
3. Vihanskij O.S. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management], Moscow, Gardariki, 2015, 576 p. [in Russian]

СААМЫ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СЕВЕРЕ THE SÁMI: SOME ASPECTS OF NORDIC RESEARCH

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.59

Введение. От расовых различий к возрождению народа: аспекты исследований саамов в Финляндии и Норвегии

© **Нюссонен Юкка**, Dr. Artium, научный сотрудник факультета истории и религиоведения / факультета культурологии, Музей университета Тромсё. E-mail: jukka.kalervo@uit.no
Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.

© **Лехтола Вели-Пекка**, доктор философии, профессор, Институт Гиллагас. E-mail: veli-pekka.lehtola@oulu.fi
Университет Оулу, Финляндия.

Аннотация. В этом специальном разделе в журнале «Арктика и Север» известные и молодые учёные из Финляндии и Норвегии рассматривают тему народа саами начиная с эпохи «лаппологии» и до эпохи «исследований саамов». Статьи охватывают историю исследований, историографию и историю науки. Тематически статьи охватывают подробные обзоры исторической эволюции и трансформации «лаппологии» в их национальных условиях и более узконаправленные статьи отдельных учёных, а также статью о саамской историографии с методологической поддержкой. В двух статьях основное внимание уделяется генезису более чувствительных в культурном отношении исследований саамов.

Ключевые слова: саамы, исследование саамов, лопари, лаппология

Introduction. From depictions of race to revitalizing a people: aspects of research on the Sámi in Finland and Norway

© **Jukka Nyysönen**, Dr. Artium, researcher, Department of History and Religious Studies / Department of Cultural Sciences, Tromsø University Museum. E-mail: jukka.kalervo@uit.no
University of Tromsø — The Arctic University of Norway.

© **Veli-Pekka Lehtola**, PhD, Professor, Giellagas Institute. E-mail: veli-pekka.lehtola@oulu.fi
University of Oulu, Finland.

Abstract. In this special section of journal “Arctic and North” renowned and younger scholars from Finland and Norway take on the topic research on Sámi, from the era of “Lappology” to the era of “Sámi research”. The focus in the articles varies between research history, historiography and history of science. Thematically, the articles range from longer overviews of the historical evolution and transformation of “Lappology” in their national settings and more focused articles on single scholars, as well as an article on Sámi historiography with methodological grip. Two articles focus on the genesis of more culturally sensitive Sámi research.

Keywords: Sami, Sami research, Lapps, lappology

Статьи в рамках данного раздела открывают новую перспективу скандинавскому курсу по саамскому вопросу, предлагая критическое рассмотрение темы некоторых участников и исследовательских институтов. По этой теме существует очень мало исследований с международным участием — мы пока не занимаемся транснациональным или межнациональным исследованием, но, как таковые, опубликованные в настоящее время статьи дей-

ствительно дают основание для сравнения национальных особенностей изучения саамов. Жанр статей предполагает межнациональное изучение научных данных и «путешествие» по отдельным книгам и другим научным материалам: со временем и через границы, в цитатах, отзывах и критике [1, Dear P., с. 203; 2, Simon J., с. 251–252].

В этом разделе слово «лаппология» используется в качестве термина, относящегося к мультидисциплинарному предмету исследований саамской культуры и общества, характерного для периода между концом XIX в. и примерно 1950-ми гг., когда началась ранняя трансформация. Позднее термин вышел из употребления из-за устаревшего выбора этнонима и саамской критики колониального производства знаний. Мы осознаём его потенциально уничижительные коннотации по отношению к объекту исследования, но используем его как название исследовательского жанра, в котором термин использовался с нейтральным и беспристрастным значением, основываясь на научной практике своего времени (сравните с «эскимология»). В некотором роде политика, стоящая за термином, косвенно учитывается в большинстве статей, и мы действительно проливаем критический свет на жанр и его трансформации и окончательное исчезновение. Этот термин заменяется более «политически корректным» термином «исследование саамов». Лаппология ещё не была полностью изучена, и различные виды исследований иногда неоправданно включаются в эту категорию. Кроме того, в исследованиях в области лаппологии принято определять этот термин как свойственный для всех исследовательских сообществ северных стран, а затем сосредотачиваться на национальных вариантах лаппологии [см. 3, Seurujärvi-Kari I., с. 58–60].

В качестве поддисциплины, история науки заинтересована в социальных рамках, а также в культурных и профессиональных / академических факторах, которые влияют на то, как учёные объясняют свои наблюдения. Типичные области интересов включали, в частности, генезис новых направлений научного исследования; отличительные национальные особенности в теоретизировании; составление схемы резонанса и взаимодействия между наукой и популярными идеологиями в обществе, особенно национальными, националистическими и империалистическими проектами.

Другими словами, интерес представляет взаимодействие науки, общества и политики. Научный предмет эволюционировал от эмпирического, нетеоретического перечня научных находок («фактов») или повествований о триумфальном прогрессе открытий к «социологическому анализу» институциональных, социальных, культурных и общественно-политических условий создания науки или подходу, типичному для интеллектуальной истории/истории идей: интерес к связи между созданными теориями и их современным контек-

стом. Одна отправная точка состоит в том, что наука, современная или иная, отражает ценности (по отношению к природе, окружающей среде, группам людей и т. д.) обществ, в которых они практикуются. Чтобы понять эти рамки, необходимо наметить социальное, культурное и политическое «окружение», в котором были изобретены и сформулированы научные гипотезы [4, Bowler P.J., с. 11, 15, 17, 213, 228–235, 345; 5, Enebak V., с. 3; 6, Nordlund C., с. 25; 7, Rousseau and G.S., Porter R., с. 1–2, 5; 8, Shapin S., с. 176; 9, Shapin S.].

От этого социологического подхода к истории науки с интересом к социологии в пользу исторических подходов, заинтересованных в воздействии науки на общество, отказались совсем недавно — на рубеже этого века. Для исторического анализа необходимо рассматривать осуществление, воздействие науки в исторических условиях, которые являются одним из объясняющих факторов, особенно в области политики, вместо того, чтобы сосредоточиться на социально-политических рамках, которые влияют на производство научных знаний. Способы, с которыми сталкиваются, которыми представляются и управляются научные знания, попытки совмещения с ними национальных особенностей, реакции, размышления и ответы, стали центральной темой в истории науки. Фокус сместился на идеи и результаты науки, на науку как на совокупность понятий, практик, технологий, социальных и институциональных отношений, ценностей и идеологий, встроенных в общество [10, Gouyon J-B., с. 198; 11, Ryymin T., с. 37, 39; 11, с. 13–14; 12, Skålevåg S.A., с. 265–266, 272, 283].

Исследования саамов предлагают многочисленные возможности для более позднего подхода: уровень осуществления варьируется от государства к государству, от Норвегии, где исследование в области права регулярно и довольно успешно упоминается и применяется в обсуждении прав саамов, к Финляндии, где их права практически не соблюдались. В обоих случаях исследования саамов и их реализация стали объектом споров. В этом специальном выпуске строительство нации является одним из аспектов, охваченных недавней тенденцией.

Все статьи в этом выпуске явно или неявно указывают на то, что исследование в значительной степени упражняется в силе определения, как при построении «исследующего себя», так и объекта научной деятельности — саами. Исследование — это дискурсивная практика: наука опутана социальными и политическими отношениями, и вместо того, чтобы строго отражать реальную действительность, она включает идеологическое и дискурсивное построение объекта своего исследования. Эти отношения можно проследить исторически и изучить как контекстно-специфические по отношению к исследованиям. Во многих статьях этого выпуска авторы проявляют интерес к расовым исследованиям, где этот конструктивистский аспект является вопиющим и имеет практические социальные последствия: иссле-

дование активно разрабатывает свою тему, например, расовые различия между большинством и саамами. Полученное знание — это не просто факты, а новая собственность между по-разному позиционированными людьми, включая исследователя, которая может быть использована дискурсивно и проанализирована. Научный дискурс породил множество конкурирующих «истин» о разных расах, чтобы придать политизированные значения отличиям между разными частями мира, а также классифицировать и обозначить различия в колониальных популяциях [13, Gunaratnam Y., с. 7–9].

Что касается учёных, научное и неспециальное исследование расположило в иерархическом порядке, позиционировало и определило саамов как низших, а результаты этого исследования были распространены в обществе, создав приятные субъектные позиции для большинства членов общества. Исчезновение расы как объясняющего фактора в исследованиях саами после Второй мировой войны было не менее свободным от социальных дискурсов, равно как и его осуществление в исследованиях до Второй мировой войны. Хотя только статья Вели-Пекка Лехтола делает попытку пролить свет на весь диалектический цикл распространения знаний от его производства к распространению и восприятию, все статьи касаются исследования силы определений, используемых учёными.

От «лаппологии» к изучению народа саами

Экзотичность темы саамов привлекала многочисленных исследователей и авторов с самого начала, в результате чего появились работы о диких и примитивных саамах, могущественных колдунах севера. «Лаппония» (1675 г.) Йоханнеса Шефферуса была первой монографией о саамах и по подходу и своему качеству рассматривалась как научная работа. Основываясь не только на древних и повторяющихся средневековых источниках, но и на сообщениях современников-священнослужителей, Шефферус, например, впервые выступил с данными по истории саамов.

Поскольку сельскохозяйственное поселение Лаппмарк увеличилось в XVIII в., экспертный взгляд стал более строгим в отношении двух моментов: во-первых, сельское, южное крестьянское поселение использовалось в качестве контрастного по отношению к саамской культуре, считающейся неблагоприятной. Во-вторых, экономические интересы получили больший вес по мере укрепления государств [14, Lehtola V.-P., с. 16–17].

В XVIII в. ранним фактором интереса к знаниям о саамах для чиновников и учёных была необходимость введения и присутствия саамских деревень¹ в различных внутренних

¹ Деревни лопарей позднее стали называться более корректными словами: «деревни siidas», «саамские деревни».

районах и островах / прибрежных районах. Это создало возможность для налогообложения и установления отношений власти и суверенитета короны / государства.

В XVIII в. Питер Шнитлер дополнил сведения о саамах: он сосредоточился на подробных описаниях пастбищ и организации саамской деревни, а также обозначил облагаемые налогом земли (*skatteländ* или просто «земля»). Основное внимание уделялось внешним факторам, которые определяли то, что сейчас называется *siida* и были сопоставлены с «территорией» королевств, в пределах которой существовали налогооблагаемые земли. Структурирующий термин был «*bye*», или «*Lapp-bye*» (деревня), происходивший от шведских налоговых документов и административных потребностей чиновников. Знания о пространственной организации и местонахождении саамов, важные сведения из-за усиления конкуренции за землю и ресурсы пользовались большим спросом у короны, государственных чиновников [15, Wiklund K.B., с. 16–55].

Научный уровень этого жанра исследований варьировался от «правильных» академических исследований до многочисленных любительских начинаний. Лаппология обосновывалась с религиозной и политической точек зрения. Например, в XIX в. Великом Финском княжестве государственные чиновники всё больше интересовались ресурсами и производительностью северного региона.

При этом на север пришли многочисленные исследователи с более диверсифицированной дисциплинарной базой, с разнообразными интересами к знаниям. Например, этнографы были заинтересованы в получении всеобъемлющей информации, основанной на синтезе саамской культуры, в то время как это направление позднее превратилось в социально-эволюционное, в идеологию, затрагивающую многие статьи в данной подборке. В результате научная область стала более разнообразной в своих исследовательских интересах, начал появляться исследовательский жанр, позже названный «лаппология» [14, Lehtola V.-P., с. 16–17].

Когда профессор Олави Корхонен изучал шведские научные словари в начале 2000-х гг., он отметил, что в 1939 г. «лаппология» была известна как «разговорное слово, обозначающее исследование «языка лопарей, их обычаев и т. д.». Кроме того, лаппология не была включена в словарь научных терминов 1998 г. «Является ли «лаппология» мёртвым словом?», — спрашивал Корхонен и отвечал, что в качестве термина оно мертво, потому что в нём подразумевается отрицательное значение. Кроме того, исследования культуры саами настолько расширились, что одного термина недостаточно для описания этой сферы. Это, однако, не означает, что предмет «лаппологии», то есть накопление знаний о различных областях культуры саами, изменился». [16, Korhonen O., с. 15].

Согласно Шведскому академическому словарю (Svenska Akademiens Ordbok), термин *lappologi* на шведском языке был образован в 1929 г., когда Вайнё Таннер использовал его в своём исследовании на скольт-саамском.² Таннер использовал лаппологию в качестве термина с отчасти отрицательным значением: «Невзирая на географические аспекты, лаппология часто приводила к чрезмерным обобщениям, главным образом абстрактным, и поэтому существенные проблемы оставались на границах интуиции». По его мнению, одна из таких проблем — стереотипное представление о том, что кочевники являются ядром и элитой саамской культуры, а прибрежные и лесные саамы считаются деградировавшими выходцами из их культуры [17, Tanner V., с. 8]. Однако в Норвегии Кристиан Ниссен, друг Лапландии, использовал понятие лаппологии уже в 1928 г. В предисловии к юбилейному изданию тома Дж. К. Квигстада он упомянул, что дети Квигстада не переняли «особый интерес» отца, лаппологию [18, Nissen K., с. 11]. Ниссен также использовал соответствующий термин в своем письме Т.И. Иконену в 1928 г.³

На самом деле предыстория понятия лаппология начинается, по крайней мере, несколько десятилетий назад. К.Б. Виклунд в своей книге «*Lapparnas sång och poesi*» использовал слово *lappolog* (лапполог) уже в 1909 г. Он использовал его в кавычках, когда дал негативную оценку поэтического произведения саамского священника Андерса Фьельнера «*Beaivvabártnit*» («Сыны Солнца») и заявил, что даже «слегка искусный лапполог» может легко найти многочисленные ошибки в текстах Фьельнера [19, Wiklund K.B., с. 54].

Сверкер Сёрлин и Ларс-Гуннар Ларссон подчёркивали, что К.Б. Виклунд использовал этот термин, чтобы обозначить исследование саамов, которое охватывает историю саамов, язык и культуру. Оценивая более поздних исследователей, он считал, что сосредоточение Бьорна Коллиндера на одной области исследования было односторонним, в то время как он одобрял таких молодых исследователей, как Израиль Руонг, Нильс Эрик Хансегор и Олави Корхонен, как «настоящих» мультидисциплинарных лаппологов [20, Sörlin S., с. 96–97; 21, Larsson, с. 33–55]. В своём письме к Эрнсту Манкеру в 1933 г. Виклунд упоминал о лаппологии как об определённой страсти, даже о некой научной лапландской мании, которая захватила его: «когда Вы были в восторге от лаппологии, Вы больше не можете сидеть сложа руки и возиться со своими, может быть, совершенно бесполезными научными пустяками, но, напротив, Вам приходится иметь дело с важными социальными проблемами, хотим мы того

² Svenska Akademiens ordbok 1939, см. URL: http://www.saob.se/artikel/?seek=lappologi&pz=1#U_L225_71713. Спасибо Хокану Ридвингу за ссылку.

³ В предисловии к мемориальному тому Дж.К.Квигстада в 1928; см. также: K. Nissen to Itkonen, 2.1.1928. The Archive of T.I. Itkonen, National Archives of Finland.

или нет [...], где Вам действительно приходится работать с понятиями, щекочущими нервы» [22, Karlsson C., с. 29].

Термин «лаппология» в настоящее время несёт в себе коннотации культурного империализма и социального эволюционистского мышления, не говоря уже о бремени более зловещих достижений в сравнительной физической антропологии. Среди прочих, этнографы, фольклористы, историки и географы стремились внести свой вклад в процессы национального строительства своего времени посредством их научного вклада [23, Mathisen S.R., с. 104–105].

В синтезирующих, описательных и систематизирующих исследованиях материал, а в некоторых случаях также результаты исследований создавались с учётом потребностей и мировоззрения исследователя. Это происходило по причине внутреннего обоснования саамских обществ [24, Sergejeva J. с. 181]. В большинстве случаев считалось, что исследования саамов обладали более низкой культурной ценностью, не являлись сложными и были отделены от экономического и политического прогресса Большого общества. В Норвегии научные взгляды менялись от покровительственно-позитивных к снисходительным и негативным по отношению к саамам: с 1870-х гг., с диффузионистской и социально-эволюционистской идеологией, используемой как средство создания академической легитимности, Хальвдан Брин, Кристиан и Алетта Шрайнер использовали физическую антропологию в качестве методологического подхода в построении норвежской идентичности и превосходства [3, Seurujärvi-Kari I., с. 58–60; 25, Pentikäinen J., с. 9–10; 26, Eyþórsson E., с. 27–41].

По сравнению с исследованиями саамов, проведёнными в Норвегии, финская лаппология была экзотичной и проявляла интерес к филологии и саамской адаптации к суровым природным условиям, но, как показали Килли, Лехтола и Нюссонен, норвежцы не обладали монополией на социально-эволюционистские подходы.

Критика «лаппологических» подходов возникла примерно в то же время, что и в Норвегии, в 1950-х гг. По мнению критиков, лаппология обошла реальные саамские культурные сферы или языковые группы как центр исследования, в то время как национальным границам было позволено ограничить сферу и классификацию исследовательского материала.

Мнения о саамах и их перспективы находились в маргинальном положении: требование, чтобы саамские учёные принимали участие в исследованиях культуры саамов, стало обычным явлением к 1970-м гг. Это делалось с целью подтверждения, что саамские системы взглядов, отношения и т. д. будут определять анализ культуры саамов. Более глубокий сдвиг в сторону изучения саамов произошёл только в конце XX в., когда сами саамы начали брать исследования в свои руки, как объяснила Ириа Сеуруярви-Кари. Совсем недавно, как и в этом

специальном выпуске, лаппология в широком смысле слова превратилась в самостоятельный объект исследования [3, Seurujärvi-Kari I., с. 57–58; 24, Sergejeva J. с. 181–182], составляющий часть процесса усилий по пониманию истории и мышления большинства обществ.⁴

Преобразование тесно переплеталось с ростом этнополитической активности среди саамов. Одной из областей, в которых стали заметны сопротивление саамов и этнополитическая пропаганда, была Академия. Саамские вопросы вошли в учебники, учебные программы и материалы, на сайты, на которых очевидны были аспекты власти в стрессовых и блокирующих системах знаний. Частичная победа, на которую может обратить внимание саамское движение, привела к исследовательским проектам, рабочим местам, новой политике по набору персонала, новым темам исследований и новым способам проведения исследований. Это изменило и Северную Академию: три университета (в Умео, Оулу, Тромсё) имеют центр, посвящённый исследованиям саамов, один университетский колледж построил кампус, в котором говорят на саамском языке, в Каутокейно, также существуют и менее продолжительные исследовательские проекты в северных университетах по саамским вопросам, число которых слишком велико для перечисления в данной статье.

Но этот прорыв далёк от тотального. В особенности легитимность постколониальных и индигенизированных теорий, эпистемологий и целей исследования постоянно обозначается как партикуляризм, предвзятость и материализм [27, Junka-Aikio L.; 28, McGovern S., с. 20–22]. У многих есть затруднения с превращением Академии в площадку для высказывания мнений коренного народа с частичной опорой на старый дискурс «объективного», неполитического производства научных знаний. Это маргинальное влияние на постколониальное теоретизирование и другие подходы, направленные на пропаганду, могут быть, однако, подвергнуты критике за то, что они не менее политичны в отношении «эффекта молчания» и приоритетности «западных» эпистемологий и голосов.

Кратко об этом разделе

Университетский преподаватель Ритва Килли акцентирует своё внимание на Андерсе Анделине, малоизвестном финском священнике, который изучал саамов в Финляндии и работал в финской Лапландии во второй половине XIX в. Килли описывает, как новые идеи того времени нашли отражение в трудах Анделина, который был современником, например, Чарльза Дарвина (1809–1882). Финны считали саамов низшей, тёмной расой, и священники и

⁴По мнению Вели-Пекка Лехтола, важность изучения лаппологии заключается в том, чтобы глубже понять историю исследований саамов по отношению к большинству обществ, а также историю европейской культуры. Lehtola V.-P., Sámi kultuvra dutkamuša hástalusat, Kaltio 5 /2005. URL: <http://www.kaltio.fi/vanhat/index0699.html?762>.

чиновники хотели документально зафиксировать их культуру, потому что считали саами народом, неизбежно близким к вымиранию. Священник хотел предотвратить исчезновение саами, обучая их цивилизованному финскому образу жизни: по словам другого священника, Э.В. Борга, у саамов был потенциал для развития — до тех пор, пока это происходило под бдительным оком финских официальных лиц. Работы Анделина того времени также характеризуются попыткой изобразить саамов как стереотипных дикарей.

В качестве научных трудов тексты священников воспринимались как серьёзные исследования, частично из-за отсутствия более «серьёзных» исследований. Уже эти любительские работы оказали определяющее влияние не только на исследовательский объект, но и на самого исследователя. Священник превратился в советника по сельскому хозяйству, повторяя типичные для того времени экологически недостаточно информированные кампании сельскохозяйственной цивилизации. Диалектика в представлении означала, что каждое представление о саамах всегда было самопредставлением (желаемого идеала) более способных и более серьёзных финнов.

Килли также показывает, что образ саама не создавался в вакууме, но основывался на современных, даже глобальных дискурсах. Интересен также тот факт, что уже в XIX в. исследовательский объект, саамы, имел средства и каналы для осуждения тех образов, которые о нём создавались. Килли также демонстрирует, как восприятие научных текстов зависит от контекстов, в которых они читаются или слышатся.

Статья профессора Вели-Пекка Лехтола даёт углублённый обзор финских лаппологических исследований саамов в 1920-х и 1930-х гг. Основное внимание уделяется образу саамов в процессе изучения и распространения этой информации в финской общественной сфере. Основное внимание уделяется скольт-саамам, которые вызвали огромный научный интерес после присоединения Петсамо к Финляндии в 1920 г. Век был пронизан парадигмой расовых различий, и одна из тем, затронутых в статье, — распространение расовых идей в политической, административной и литературной сферах. Круговорот знаний был процессом перехода, упрощения и вульгаризации, что привело к агрессивному расовому восприятию саамов, которое также послужило делу строительства национальной самобытности Финляндии. Существовал также критический взгляд на лаппологические исследования и на их многообразие. Поэтому плохая репутация лаппологии отчасти незаслуженна, но всё же понятна в послевоенной Финляндии.

В отличие от других статей в этом разделе, в которых лаппология рассматривается как многопрофильная область, профессор Ларс Ивар Хансен сосредотачивает своё внимание на

истории саамов и исторических методах. Основное внимание уделяется также политике саамской истории и исследований. Хансен представляет некоторые основные результаты последних исследований по истории саамов, используя реляционный подход. Хансен поднимает вопрос, кому «разрешено» писать саамскую историю, кто может заниматься исследованиями саамов. В настоящее время демократизация и инструментализация исследований саамов на службе различных социально-культурных потребностей саамов являются основным течением в скандинавских исследованиях с высоким уровнем ожиданий относительно применимости или раскрытия древних обстоятельств, касающихся прав саамов на их территории. Это касается как стремления к тому, чтобы история саамов была написана в целом, так и решения более ограниченных задач по представлению информации о культурных традициях, традициях и опыте саамов в отношениях с другими людьми. Хансен представляет методологические соображения и рекомендации по истории саамов. Программа Хансена требует арсенала методологических компетенций и глубокого использования многочисленных категорий источников — то есть предпосылок качественного исследования.

Исследователь Юкка Нюссонен изучает расовое мышление профессора географии и одного из выдающихся «лаппологов» Вейнё Таннера (1880–1948). Статья посвящена одному произведению, монографии Таннера о скольт-саамах, «*Antropogeografiska studier inom Petsamo-området*» («Географические исследования человека в регионе Петсамо. 1 Скольт-саамы», 1929 г.), которая имеет репутацию классической работы в лаппологическом жанре исследований благодаря своей «дружеской по отношению к саамам» позиции. Глава о расе скольт-саамов и их жизнеспособности, однако, отличается от предыдущих исследований Таннера, так как она не соответствует положительному образу саамов, который он изображает. Чего добивался Таннер и что он на самом деле написал в той длинной главе? Таннера изучают на фоне расово-гигиенических дискурсов той эпохи: какой образ саамов он изображал и какую расовую позицию он оставил для скольт-саамов? Какими были влияющие и провоцирующие дискурсивные ресурсы, которые он воспроизводил и против которых возражал? Статья призвана способствовать пониманию того, как сложные социальные и биографические факторы могут повлиять на политику идентичности в работе исследователя. Помимо проблем, присущих исследованиям спекулятивной расовой гонки, рассматриваются и повседневные вопросы, такие как нехватка времени для редактирования, факторы, влияющие на размывание конечного результата.

Исследования саамов в большинстве случаев были частью программных национальных наук с определёнными целями построения нации. Отношения между наукой и национальным

государством, а также между национализмом, индустриализмом и империализмом иногда представляются как органические, где наука и учёные видят себя в служении растущим империям. Этот образ в какой-то степени верен и является хорошим описанием отдельных частей национальных наук Финляндии, но есть ещё одна большая вариация. Питер Боулер подчёркивал, что в период, когда эта связь считалась наиболее сильной (в XIX в.), мотивы исследователей сильно различались, чтобы учёный мог иметь возможность стать членом Академии, а иногда учёные открыто враждебно относились к империалистическому индустриализму, многие хотели быть полезными для целей служения или завоевания различных регионов для (Британской) империи [4, с. 189, 202]. Таннер является хорошим примером учёного, который занимался исследованиями под разными углами, а не просто националистическими, или смягчил национализм, который он счёл неприемлемым для пропаганды в своём исследовании; мотивы учёного могут исходить из его личных ценностей и включать моральные мотивы и программы, связанные как с государственным строительством, так и с более крупным, личным мировоззрением [29, Jalava M., Kinnunen T., Sulkunen I., с. 13].

Научный сотрудник Лена Ингиле Ландсем рассматривает, как исследования меньшинств саамов и квенов в период с 1979 и до середины 1980-х гг. в Университете Тромсё проводились на стыке науки и политики. Национальная ответственность за проведение исследований по саамским и, позднее, квенским вопросам была возложена на Университет, который был создан в 1972 г. с целью стать исследовательским институтом в интересах региона.

Выделяются три фактора, которые влияют на выбор тем, приоритетов и подходов к исследованиям меньшинств в Северной Норвегии. Во-первых, этот период был отмечен случаем строительства дамбы на реке Альта-Каутокейно в округе Финнмарк, после которого саамы боролись за свои права и политические изменения на центральном уровне в отношении саамского населения в Норвегии. Какие последствия имел этот политический процесс для исследований и для академической среды в Северной Норвегии? Второй фактор связан с академической политикой: учёные могли бы извлечь пользу из исследовательской программы меньшинств, проводимой Норвежским Общим Научным Исследовательским Советом (NAVF). Каковы были аргументы, которые легли в основу исследовательской программы, которая длилась девять лет? Какие, по мнению учёных, темы считались актуальными? Какими были главные области исследований меньшинств? В-третьих, в 1980-х гг. начались методологические и исследовательские политические дискуссии по эмическим и этическим вопросам, которые продемонстрировали различные подходы к исследованиям меньшинств.

Действительно ли сами саамы или исследователи, принадлежащие к большинству, имели право проводить исследования саамов?

Исходя из того, что представляет нам Ингиле Ландсем, можно утверждать, что исследование саамов, начатое в Университете Тромсё, было в основном научно и политически консервативным в своём осторожном акценте на этнических отношениях, что ослабило обсуждаемую «угрозу» исключительного эмиического подхода. Реляционный подход, который стал доминирующим (см. также статью Хансена), использовался большинством исследователей, так как он включал внутригосударственные отношения и расширил выбор акторов. Теперь даже исследователям большинства удалось занять оппозиционную позицию к государственным деятелям, «модное» положение в антиимпериалистической политической обстановке 1970-х и 1980-х гг., а также насладиться моральным превосходством низших исследований, на которые могли бы указать исследователи саамов. В разных странах характер исследования различен; исторические исследования в Финляндии остались более скромными, чем норвежские, возможно, отражая восприятие меньшей «колониальной» вины на финской стороне. И наоборот, исследователи, отрицательно реагирующие на «программные» исследования саамов, все ещё более многочисленны в финской, чем в норвежской академии. Здесь апологетическое отношение обычно принимается в связи с ошибками, совершёнными в рамках норвежской политики [30, Nyssönen J., с. 377].

Хотя Ингиле Лансем концентрируется на внутренних дискуссиях в северо-норвежской Академии, случай иллюстрирует изменения властных отношений, в которых исследовались саамское общество и культура. Потоки знаний ранее считались однонаправленными, от государства/имперского центра/столицы до колонизированных периферий. Утверждалось, что производство знаний больше не происходит из единого законного места или «базы знаний», которая делает государственную или колониальную власть действующей; потоки знаний или распространение знаний изменяют материальную культуру, культурные модели и идентичности также в принимающих государствах [31, Ballantyne T., с. 128–129; 32, Ballantyne T, с. 231–238].

В норвежском случае, возможно, не имеющем имперских масштабов, но не лишённого проблем периферии и отношений «большинство — коренное меньшинство», спрос на знания изменился: теперь саамские общества требовали научных знаний о том, как справляться с норвежским присутствием и строить своё общество с соответствующими правами. Уже нет необходимости в резком разделении между доминирующими и низшими системами знаний: в норвежском случае системы знаний о саамах в настоящее время, по крайней

мере, в какой-то степени, включены в программы исследований из-за изменений как в окружающем обществе, так и сдвиге в академических кругах и парадигматическом сдвиге относительно места, в котором находился предыдущий объект исследования.

Однако это изменение не является прямым: обе области, государства / общества и Академии, стали более фрагментированными и действуют в рамках отношений, которые уже не являются прямолинейным по отношению к власти и сопротивлению, а скорее включают в себя различные формы учреждений, взаимодействия, ассигнований для коренных народов, адаптивное производство знаний, создание местных систем знаний и их дублирование. С методологической точки зрения, графическое отображение этой взаимосвязи требует подробной текстовой и эмпирической работы, а также высококонтекстуализированного и ситуативного анализа власти, агентства и знаний [28, McGovern S., с. 14–19, 27]⁵. Мы надеемся, что с помощью данной подборки статей нам удалось сделать шаг в этом направлении.

Литература / References

1. Dear P. Historiography of Not-so-recent Science, *History of Science*, No. 1 (50), 2012, pp. 197–211.
2. Simon J. Cross-National Education and the Making of Science, Technology and Medicine, *History of Science*, No. 1 (50), 2012, pp. 251–256.
3. Seurujärvi-Kari I. *Ale jaskot eatnigiella, Alkuperäiskansaliikkeen ja saamen kielen merkitys saamelaiten identiteetille*, Academic dissertation, Faculty of Arts, Helsinki: University of Helsinki, 2012, 330 p.
4. Bowler P.J. *Ympäristötieteiden historia*, Helsinki, Art House, 1997, 590 p.
5. Enebakk V. *Vitenskapsstudier, Historie, teori, kritikk*, Oslo, Unipub, 2008, 299 p.
6. Nordlund C. *Det upphöjda landet, Vetenskapen, landhöjningsfrågan och kartläggningen av Sveriges förflutna, 1860–1930*, Umeå, Kungl. Skytteanska Samfundets handlingar 53, Skrifter från Forskningsprogrammet Landskapet som arena, No. 3, 2001, 425 p.
7. Rousseau G.S. and Porter R., Introduction, *The Ferment of Knowledge, Studies in the Historiography of Eighteenth-Century Science* / ed. Rousseau G.S. and Porter R., Cambridge, Cambridge University Press, 1980, 500 p.
8. Shapin S. History of Science and its Sociological Reconstructions, *History of Science*, No. 3 (20), 1982, pp. 157–211.
9. Shapin S. Social uses of science, *The Ferment of Knowledge, Studies in the Historiography of Eighteenth-Century Science* / ed. Rousseau G.S. and Porter R., Cambridge, Cambridge University Press, 1982, 500 p.
10. Gouyon J-B. Making science at home: visual displays of space science and nuclear physics at the Science Museum and on television in postwar Britain, *History and Technology*, No. 1–2 (30), 2014, pp. 37–60.
11. Ryymin T. *Smitte, språk og kultur, Tuberkulosearbeidet i Finnmark*, Oslo, Scandinavian Academic Press / Spartacus Forlag, 2009, 367 p.
12. Skålevåg S.A. Fortellinger om vitenskap, *Fortalt fortid, Norsk historieskriving etter 1970* / ed. Heiret J., Ryymin T. and Skålevåg S.A., Oslo, Pax forlag, 2013, pp. 264–291.
13. Gunaratnam Y. *Researching Race and Ethnicity, Methods, Knowledge and Power*, London, Sage Publications, 2003, 218 p.
14. Lehtola V.-P. *The Sámi People, Traditions in Transition*, Inari, Kustannus-Puntsi, 2002, 139 p.

⁵ Indra Sengupta and Daud Ali: Knowledge Production, Pedagogy, and Institutions in Colonial India. New York: Palgrave Macmillan; May 2011. URL: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doifinder/10.1057/9780230119000>

15. Wiklund K.B. *De svenska nomadlapparnas flyttningar till Norge i äldre och nyare tid*, Uppsala, Almqvist & Wicksells boktryckeri, 1908, 248 p.
16. Korhonen O. Är lappologin död? Föredrag i samband med mottagandet av pris år 2002 från Stiftelsen språk och kultur, *Oknytt*, No. 3–4 (29), 2008, pp. 6–17.
17. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skoltlapparna, *Fennia*, No. 4 (49). 1929, pp. 1–518.
18. Nissen K. Preface without heading, *Festskrift til rektor J. Qvigstad 1853 4. april 1928*, Tromsø, Tromsø Museums, skrifter 2, 1928.
19. Wiklund K.B. *Lapparnas sång och poesi*, Uppsala, W. Schultz, 1906, 60 p.
20. Sörlin S. Rituals and resources of national history. The North and the Arctic in Swedish Scientific Nationalism, *Narrating the Arctic: A cultural history of Nordic scientific practices* / ed. Bravo M. and Sörlin S., Canton, Science History Publications, 2002, 378 p.
21. Larsson L.-G. Karl Bernhard Wiklund, *Finsk-ugriska institutionen i Uppsala 1894–1994* / ed. Raag R. and Larsson L.-G., Uppsala, Finsk-ugriska institutionen, Uppsala universitet, 1996, 292 p.
22. Karlsson C. *Vetenskap som politik. K. B. Wiklund, staten och samerna under 1900-talets första hälft*, Umeå, Kulturgräns i norr — Umeå universitet, 2000, 111 p.
23. Mathisen S.R. Changing Narratives about Sami Folklore: A Review of Research on Sami Folklore in the Norwegian Area, *Sami Folkloristics* / ed. Pentikäinen J. et al., Turku, Nordic Network of Folklore, 2000, 284 p.
24. Sergejeva J. The Eastern Sámi: A short account of their history and identity, *Acta Borealia*, No. 2 (17), 2000, pp. 5–37.
25. Pentikäinen J. Preface. *Sami Folkloristics* / ed. Pentikäinen J. et al., Turku, Nordic Network of Folklore, 2000, 284 p.
26. Eypórsson E. *Sjøsamene og kampen om fjordressursene*, Karasjok, Čálliid Lágádus, 2008, 240 p.
27. Junka-Aikio L. Can the Sámi speak Now? *Cultural Studies*, No. 2 (30), 2014, pp. 205–233.
28. McGovern S. *Education, Modern Development, and Indigenous Knowledge, An Analysis of Academic Knowledge Production*, Routledge, New York and London, 1999, 231 p.
29. Jalava M., Kinnunen T. and Sulkunen I., Johdanto, Kansallinen historiakulttuuri — näkökulmia yksiäänisyyden purkamiseen, *Kirjoitettu kansakunta, Sukupuoli, uskonto ja kansallinen historia 1900-luvun alkupuolen suomalaisessa tietokirjallisuudessa* / ed. Jalava M., Kinnunen T. and Sulkunen I., Helsinki, SKS, 2013, 390 p.
30. Nyyssönen J. Det samiske politiske etablisementet og motmobiliseringen — Konflikter om etniske kategorier i Finland, *Samepolitikkens utvikling* / ed. Bjerkli B. and Selle P., Oslo, Gyldendal Akademisk, 2015, 434 p.
31. Ballantyne T. Empire, Knowledge and Culture: From Proto-Globalization to Modern Globalization, *Globalization in World history* / ed. Hopkins A.G. London, Pimlico, 2002, 280 p.
32. Ballantyne T. Knowledge, Empire, Globalization, *The New Imperial Histories Reader* / ed. Howe S., London and New York, Routledge, 2010, 470 p.

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.73

Лопарей ценят за выносливость: исследования саамов в самом северном пасторате финской Лапландии

© Килли Ритва, Ph.D, доцент, преподаватель арктической и северной истории, кафедра истории. E-mail: ritva.kylli@oulu.fi
Университет Оулу, Финляндия.

Аннотация. Андерс Анделин был финским священником, который занимался саамскими исследованиями в самом северном пасторате Финляндии в 1850-х гг. Его работы не были исключительными, так как жители европейских сельских пасторатов XIX в. также проводили множество исследований по этой теме. Сам Анделин был этнографом-любителем, историком, археологом, метеорологом, географом, естествоиспытателем, лингвистом и топонимистом.

Как исследователь саамов он занимал промежуточное положение между старыми и новыми научными традициями: середина XIX в. считается поворотным моментом в истории академических исследований в Финляндии. До этого времени исследователи собирали фольклор, исторические источники, растения и данные метеорологических наблюдений. В 1850-х гг. акцент сместился от сбора и систематизации материала к более аналитическим и экспериментальным исследованиям. Анделин публиковал свои труды в научных журналах, собирал много подробной информации о саамском народе, поскольку саамы считались примитивным народом, близким к вымиранию. Представители духовенства, приезжающие в Лапландию, рассматривали саамские земли через призму необходимости их культивирования. Их интересовали статистические данные для обоснования необходимости развития сельского хозяйства в Лапландии.

Ключевые слова: 1800-е гг., Андерс Анделин, финская Лапландия, исследования саамов, саамы

“The Lapps are used like camels in distant lands”: Sámi research in the northernmost parsonage of Finnish Lapland

© Ritva Kylli, Ph.D., Docent, University lecturer on Arctic and Northern History, Department of History. E-mail: ritva.kylli@oulu.fi
University of Oulu, Finland.

Abstract. Anders Andelin was a Finnish clergyman who engaged in Sámi research in the northernmost parsonage of Finland in the 1850s. His efforts were not exceptional, as the residents of 19th century European rural parsonages practiced a lot of research. Andelin himself was an amateur ethnographer, historian, archaeologist, meteorologist, geographer, natural scientist, linguist, and toponymist. He was, as a Sámi researcher, between old and new scientific traditions: The middle of the nineteenth century has been regarded as a turning point in the history of academic research in Finland. Until then, researchers collected folklore, historical sources, plants, and meteorological observations. Around the 1850s the focus shifted from collecting and listing towards more analytical and experimental research. Andelin published his writings in scientific journals but also compiled a lot of detailed information related to the Sámi people, as the Sámi were thought to be a primitive people heading towards extinction. The clergymen who came to Lapland also viewed the Sámi lands through the lens of cultivation. They gathered statistics, which could be used to justify the need for the efforts of agriculture in Lapland.

Keywords: 1800s, Anders Andelin, Finnish Lapland, Sámi research, Sámi

Введение

В 1772 г. первая газета Финляндии «Tidningar Utgifne Afet Sällskapi Åbo» опубликовала

описание лапландской деревни Утсйоки, выполненное священником Андерсом Хелландером (Kort underrättelse om Utsjoki By i Torneå Lappmark, samt dess Inbyggare lefnadssätt, tillstånd, wilkor, m.m.). Поскольку район, о котором сообщалось, был очень отдалённым и неизвестным местом, было принято решение опубликовать текст Хелландера без сокращений. В статье Хелландер описывает природу и источники существования в Утсйоки (Ohcejohka), который был полностью населен саамами (или лопарями).¹

В XVIII в. Утсйоки (с населением около 300 саамов) был самым северным регионом шведской Лапландии, расположенным недалеко от северо-запада России рядом с Норвегией. Многие финские пасторы считали Утсйоки исключительно неблагополучным приходом, потому что на всей этой территории почти не было финнов, кроме священника и начальника сельской полиции. Прихожане были отчасти так называемыми горными саамами, занимающимися оленеводством и частично рыбаками-саамами, которые жили рядом с рекой Тено, занимались рыболовством и скотоводством. Образ жизни горных саамов предполагал постоянные перемещения. Семьи рыбаков-саамов могли передвигаться два раза в г., осенью и весной, а это означало, что они имели отдельные жилища и на зиму, и на лето. Горные саамы Утсйоки жили в передвижных хижинах, в то время как рыбаки-саамы строили свои жилища главным образом из торфа [1, Kylli R., с. 20–49].

Андерс Хелландер, переехавший в Лапландию в 1740-х гг., был первым пастором прихода Утсйоки. Его статья была частью усилий по сбору знаний о периферии королевства Швеции. Информация о северных землях была востребована в XVIII в., потому что шведское царство нуждалось в новых ресурсах. Недавно оно потеряло Ливонию, одно из основных зернохранилищ королевства, передав её России согласно Ништадтскому мирному договору в 1721 г. [2, Jutikkala E., с. 333]. Следовательно, ресурсы должны были направляться на оставшиеся территории и развитие на них сельского хозяйства. В переписях, проведённых в середине XVIII в., численность населения королевства оказалось удивительно небольшой, и более эффективное сельскохозяйственное производство рассматривалось как способ её увеличения. В финской истории этот период называется веком полезности [3, Vainio-Korhonen K., с. 15–16; 4, Niemelä J., там же].

Стремление к полезности, а также сбор и классификация новой информации были заметны в публикациях Шведской королевской академии наук XVIII в., основанной в 1739 г. В том же году, когда текст Андерса Хелландера был напечатан в первой финской газете, Ко-

¹ And Hellander, Kort underrättelse om Utsjoki By i Torneå Lappmark. Tidningar Utgifne Af et Sällskap i Åbo, 19 March 1772.

ролевская академия наук опубликовала статью с подробной информацией о пограничной зоне, включая данные о районе проживания саамов между Швецией и Норвегией. Исследователи в этом вопросе особенно интересовались тем, какие районы Лапландии плодородны и подходят для строительства новых населенных пунктов.² Карл фон Линней (1707–1778), прославившийся классификационной системой растений, также совершил свою знаменитую экспедицию в Лапландию в 1730-х гг. Он исследовал окружающую среду Лапландии с точки зрения сельского хозяйства [5, Linnaeus, с. 97].

В 1749 г. духовенством шведской и финской Лапландии было издано официальное постановление о научных и экономических наблюдениях. Оно регулировало проведение метеорологических наблюдений, поиски руды, необходимость архивации старых записей и документов и составление статистических данных о населении Лапландии.³ Тот факт, что священнослужителей, работающих в Лапландии XVIII в., попросили обратить внимание на такие вопросы, как потенциальные месторождения руды, показывает, что были предприняты попытки использовать духовенство для обеспечения экономического роста королевства — в соответствии с утилитарной идеологией того времени.

В начале XIX в. Финляндия стала частью Российской империи. Если в XVIII в. в записях священнослужителей в основном описывались обстоятельства и условия жизни в Лапландии, то в XIX в. они стали фокусироваться на особенностях жизнедеятельности саамов. Описания Лапландии, присущие эпохе полезности, написанные в XVIII в., ушли в прошлое, и новые идеи и идеологии побудили священнослужителей (по крайней мере — частично) увидеть саамов в ином свете. Одним из чиновников, изучавших саамов в Финляндии в XIX в., был Джейкоб Феллман, пастор Утсйоки в 1820-х гг., и увлечённый учёный-любитель различных дисциплин. Среди прочего, он изучал растения и насекомых Лапландии. В списке учебных предметов Имперского Александровского университета Финляндии (Университет Хельсинки, единственный университет в Финляндии) ботаника не значилась до 1850-х гг. До того времени изучение растений в Финляндии было в руках врачей и других энтузиастов-любителей. Кроме ботаники, Феллман интересовался энтомологией, изучением насекомых.

²Slutet om Land- och Fjäll-rygggarne, samt Gränsen imellan Sverige och Norrige. Kongl. Vetenskaps Academiens Handlingarförår 1772, Vol. XXXIII, <http://www.biodiversitylibrary.org/item/181815#page/77/mode/1up> (дата обращения: 02.02.2017).

³Direktionens över Lappmarkens ecklesiastikverk arkiv: Lappmarksbeskrivning av Johan Elers (Instruction 12 April 1749, 1262–1272). Riksarkivet (RA).

Он переписывался с учёными европейских университетов по этим вопросам. Он также был членом различных ассоциаций по естествознанию.⁴

Помимо насекомых и растений, Феллман был очень заинтересован в исследовании народа саами. Он хотел задокументировать как можно больше данных об их культуре, потому что считал, что они обречены на вымирание. Феллман встречал многих саамов и в своих путешествиях за пределами Финляндии (саамы жили в северных районах Финляндии, Норвегии, Швеции и на Кольском полуострове в России), и он знал, что саамы — это люди, разделённые разными землями и королевствами. Он понимал, что иностранное влияние разделило их язык на региональные диалекты, и теперь они не могли с лёгкостью понимать друг друга. Феллман считал это главной причиной надвигающегося вымирания саамов: «Уныла судьба жителей Лапландии. Какую роль эти люди, в своё время возможно столь многочисленные, играли в развитии человеческой расы, остается тайной для нас. Но мы можем быть уверены, что эти времена остались в прошлом, и что эти люди никогда не займут какое-либо значимое положение; вместо этого сейчас, в течение уже долгого времени, здесь царит упадок. Время, когда они будут жить только в наших воспоминаниях, не за горами, особенно в масштабе исторических эпох.» [6, Fellman J., с. 626–627].

Современник Джейкоба Феллмана, Ларс Леви Лестадиус, родился в 1800 г., с 1826 г. работал на севере шведской Лапландии (приход Каресуандо). Лестадиус был также страстным ботаником. Он классифицировал растения Лапландии всё ещё в духе XVIII в.: его коллекция растений, по мнению Линне, была своеобразной попыткой составления карты растений и систематизации всей информации. На более позднем этапе Лестадиус также изучал саамскую религию и попытался организовать её в систематическую мифологию. Лестадиус, который с конца 1840-х гг. стал известен как основатель нового движения лютеранского возрождения лестадинизм, считал растения творениями Бога, однако сбор растений приносил дополнительный доход для поддержания его большой семьи. Лестадиус также проводил метеорологические измерения в Лапландии, за которые умеренно хорошо платили [7, Pentikäinen J., Pulkkinen R., с. 41–51].

Священнослужители, такие как Лестадиус и Феллман, невольно стали единственными специалистами по всем вопросам, связанным с саамами в Швеции и Финляндии XIX в. Их опыт был очень востребован как церковью, так и светскими лицами, принимающими решения. Священнослужители, которые были отправлены в Лапландию, представляли собой не-

⁴Membership books of scientific societies. Fellman family collection 11. The National Library of Finland; Jacob Fellman's letters to C.G. Mannerheim. C.G. Mannerheim's letters Coll 141.4. The National Library of Finland.

большую группу людей, которые жили в землях саамов и владели важным инструментом власти: письменностью.⁵

Были также некоторые менее известные официальные лица, тем не менее достигшие экспертного статуса по вопросам саамов во время работы в Лапландии. Эта статья посвящена относительно малоизвестному священнику, изучавшему саамов в финской Лапландии: Андерсу Анделину, который работал пастором в Утсйоки во второй половине XIX в. Автор исследует традиции ранних веков: утилитарную идеологию, высокое внимание к сельскому хозяйству, исследовательские обязанности, возложенные на духовенство, а также новаторские идеи того времени, отражённые в трудах Анделина, который, например, был современником английского естествоиспытателя Чарльза Дарвина (1809–1882). Интересно, делал ли Анделин какие-либо расовые различия в своих текстах? В качестве исходного материала автор использует популярные и научные статьи Анделина о саамах.

В середине XIX в. Лапландия всё ещё оставалась далекой территорией, отделённой от остальной Финляндии. Дорог там не было, и почтовая служба доходила до самой северной Лапландии только изредка. Священнослужители, работавшие в Лапландии, должны были делать свою работу наилучшим образом; иначе они подвергались риску просто быть забытыми на крайнем севере до конца своих дней. Большинство из них надеялось провести всего несколько лет на далеком севере, среди саамов, а затем переехать на юг Финляндии и занять более приятную должность, проживая среди своих соотечественников-финнов. Другими словами, накопленный в Лапландии опыт работы мог трансформироваться в безопасное будущее в теплых и уютных пасторатах на юге — это награда, ради которой стоило изучать саамский язык, а также образ жизни саамов посредством любительских этнографических исследований [1].

Андерс Анделин (1809–1882)

Андерс Анделин родился в Хяме, южной провинции Финляндии, в 1809 г. в городе Куста. Глава семьи был деревенским портным. Он умер, когда Андерс был ещё молод. Несмотря на ограниченные возможности, сыну удалось окончить школу: он изучал богословие в Имперском Александровском университете в Финляндии и окончил его в качестве священника в 1835 г. После университета Анделин был нанят помощником священника и проповедником в деревне Хонкайоки на юго-западе Финляндии. Позднее он был священником в

⁵ В определённый момент саамы учились писать в школе в Утсйоки в 1740-х гг., но вскоре это было завершено приказом: «В определенных конъюнктурах в приграничных поселениях, и особенно среди простых людей, вряд ли это будет политически здоровым или полезным»: ' Utsjoki visitationprotocol 14 February 1748 § 6. Turku Cathedral Chapter to Dir., 23 April 1748. Direktions öfver Lappmarkens ecklesiastikverk arkiv, Ink. skriv. 1748. RA.

Утсйоки с 1853 по 1859 гг., а в начале 1860 г. занимал должность священника в Палтамо (в регионе Кайнуу, Финляндия), где работал до своей смерти в 1882 г.⁶

В конце 1852 г. Андерс Анделин обратился с просьбой предоставить ему должность пастора в Утсйоки. До этого времени свои 43 года жизни он провёл в сельских деревнях и городах южной Финляндии. По сравнению с Хонкайоки, субарктический Утсйоки был другим миром. Практически все жители Утсйоки говорили на своем родном саамском языке, что означало, что финские священнослужители не могли легко общаться со своей паствой без изучения их языка. Кроме того, сам приезд в Лапландию часто был шокирующим опытом для финских священнослужителей. Один священник, переехавший в Лапландию в 1837 г., был настолько потрясён своими первыми встречами с местными саамами, что он был вынужден на некоторое время сбежать в близлежащий лес, прежде чем снова бросить вызов «грязным гнёздам саамов» [8, Castrén M., с. 37–38]. Священник находился в состоянии культурного шока, который часто возникает во время адаптации к новой культуре. Новая ситуация является стрессовой и вызывает стремление к старой, более предсказуемой и более понятной среде. Чем неохотнее происходит приспособление к новой ситуации, тем сильнее будет культурный шок [9, Raiskio T.].

В своём новом приходе Анделин обнаружил много проблем. Он не испытывал романтического миссионерского настроения, так как уже в первые месяцы жизни в Утсйоки думал о переезде в более южный приход. Вероятно, он уже обращался с просьбой о предоставлении ему должности пастора в Утсйоки, потому что его нынешняя должность помощника священника уже не соответствовала его возрасту. В мае 1817 г. императорский сенат решил, что священникам будет дано право продвигаться на более привлекательные должности после определённого количества успешных лет службы в Лапландии. Чтобы заработать продвижение, священнослужители должны были провести восемь лет в Утсйоки. Когда ему ранее удалось получить должность в южном приходе, Анделин ещё не провел все восемь лет в Утсйоки. Он страдал в Лапландии от ревматической боли, точно так же, как Джейкоб Феллман и многие другие пасторы Утсйоки XIX в. [1, там же].

В апреле 1854 г. Анделин женился на Джемине Кантинкоски, дочери фермера из Хонкайоки. У них было в общей сложности восемь детей, трое из которых родились в Утсйоки. Во время пребывания в Утсйоки, Анделин изучал язык саамов и переводил основные христианские тексты на саамский вместе со своим инструктором, саамским учителем Аслаком Лайти (1836–1895). Помимо лингвистической практики, Анделин активно изучал Лапландию и са-

⁶Anders Andelin's resume. Oulu Cathedral Chapter Archives Bb:1. National Archives (NA).

амов. Он написал ряд статей о своих наблюдениях и расширенный отчёт об Утсйоки и его обитателях, который был использован в качестве основного источника информации об Утсйоки XIX в. В своей пасторской работе Анделин сосредоточился на развитии образования простых людей, продвижении и развитии сельского хозяйства [1, там же].

Анделин писал для многих финских изданий, в том числе для старейшей газеты на севере Финляндии на финском языке “Oulun Wiikko-Sanomia”, основанной в городе Оулу в 1829 г. Газета была создана одновременно с Экономическим обществом провинции Оулу, целью которого было продвижение сельского хозяйства на севере Финляндии. Газета “Oulun Wiikko-Sanomia” также была сосредоточена на финском сельскохозяйственном образовании. Редакторы были заинтересованы в публикациях естественнонаучных статей, так как считали, что такая информация повышает уровень осведомлённости общественности. В течение 1830-х гг. газета была практически естественнонаучным изданием [10, Tommila P., с. 10–39].⁷

Анделин также публиковал свои работы в научных журналах. Наиболее примечательной из них была статья, опубликованная в «Suomi-journal» финского литературного общества. Общество было основано в 1831 г. с целью пропаганды финской культуры, подкреплённой автономным статусом Финляндии в Российской империи. Некоторые из основателей общества были также заинтересованы в изучении языков этнических меньшинств. Финское литературное общество публиковало много книг, предназначенных, например, для нужд школ в XIX в., но, как писал «Suomi», «Tidskrift I Fosterländska ämnen считался основным научным изданием финского общества» [11, Sulkunen I., с. 17, 104]. Доклад Анделина о приходе Утсйоки был принят к публикации в этой научной серии в 1858 г.

Проводить научные исследования в Лапландии было достаточно непросто. Учёные самой южной части Швеции и Финляндии не доверяли научному уровню изолированных приходов Лапландии. Например, Лестадиуса критиковали за то, что у него не было приличной библиотеки, поэтому результаты его исследований стали (в некоторой степени) довольно односторонними [7, с. 57–58]. В пасторате Утсйоки была небольшая библиотека, но в основном в ней были христианские, медицинские и лингвистические издания⁸. Пасторы обычно привозили свои собственные библиотеки в Лапландию. Предшественник Анделина, умерший в Утсйоки в 1852 г., владел (согласно его инвентарной книге), например, следующими книгами: Opetuskirjamaanviljelemisestää (учебник по сельскому хозяйству), этнографическое издание Anteckningarom Kemi Lappmarkaf Sjögren (Noteson Kemi Lappmarkof Sjögren),

⁷ До конца 19 века издания на саамском языке не публиковались. Например, Nuorttanaste, христианский журнал, который стал популярным в Утсйоки, начал свою деятельность в 1898 г.

⁸ Inventory lists 1858–1950. Utsjoki parish archives IIIWI:1. NA.

книга по ботанике: *Botanologioch Skandinaviens Floraaf Haartman*.⁹ Сам Анделин умер, как упоминалось, в 1882 г. Его книжная собственность не была подробно упомянута в его инвентарных документах. Однако он владел при жизни термометрами, барометрами, картами и другими необходимыми научными инструментами.¹⁰

Через призму культивирования земель

Фредерик Купер [12, с. 164] упоминает в своей книге «Колониализм: теория, знание, история», что во время завоевания Америк, например, миссия состояла не только в обращении в иную веру, но и в приобретении сельскохозяйственных колоний. Так было и в пасторатах саамского региона. Исследования, проведённые в Лапландии, во многом были связаны с сельскохозяйственным мышлением. Сельскохозяйственная революция (интенсификация сельского хозяйства с применением механизации и разведение растений и животных) началась в Англии в XVII в., тогда как огородничество одновременно стало более популярным в северной Европе. Новое отношение к обработке земли и выращиванию зерновых культур привело к появлению нового отношения к окружающей среде, которая была сформулирована на языке «культивирования».

Это также нашло отражение во взаимодействии с коренными народами. Европейцы с семенами и сельскохозяйственными орудиями колонизировали земли коренных народов и в целом относились к землям посредством терминологии их родных ландшафтов. Духовенство, приехавшее в Лапландию, также рассматривало саамские земли через призму культивирования — несмотря на то, что выращивание зерновых культур в промерзающих землях обычно было делом чрезвычайно сложным [13, Thrush C., с. 1–35].

Ларс Леви Лестадиус, изучавший саамов в шведской Лапландии, также интересовался возможностью развития сельского хозяйства в Лапландии. В своей первой публикации «Om möjligheten och fördelen af allmänna uppodlingar i Lappmarken» «О возможности и пользе всеобщего культивирования в Лапландии» (1824) он размышлял о том, как сельскохозяйственные культуры и люди приспосабливаются к суровым условиям северных районов¹¹. В этой статье Лестадиус выразил положительное отношение к возможностям культивирования земель в шведской Лапландии. Его выводы основывались на статистических данных и таблицах — он проводил наблюдения и измерения (например, сравнение температур почвы в

⁹ Fredrik Wilhelm Stjerncreutz's estate inventory deed 1852. Lapland Judicial District, Court District of Muonio etc. parishes Ecl:2. NA.

¹⁰ Anders Andelin's estate inventory deed 1882. Kajaani Judicial District EclV:8. NA.

¹¹ Lars Levi Læstadius, Om möjligheten och fördelen af allmänna uppodlingar i Lappmarken. Stockholm 1824, <http://runeberg.org/omlappmark/0003.html> (дата обращения: 22.01.2017).

разных районах) при посещении Лапландии во время одного из его ранних научных исследований [7, с. 52–53].

Евангелическая лютеранская церковь Финляндии возлагала большие надежды на труд Анделина в качестве священника. На своей предыдущей должности в Хонкайоки, Анделин упорно трудился, способствуя продвижению сельского хозяйства, в том числе возглавлял государственную компанию по строительству подземных водостоков, за что ему были присуждены имперские почести. Непосредственный начальник, декан (старший после епископа) Лапландии Якоб Фредрик Лильеблад (1809–1862), надеялся, что саамы смогут перенять финский образ жизни. Он очень доверял навыкам Анделина в популяризации сельского хозяйства: по его словам, человек, который был назначен на должность в Утсйоки, был «известным фермером из Хонкайоки» [14, Raittila P., с. 114].

Анделин не терял времени. Помимо продвижения идеи сельского хозяйства, он упорно трудился, прививая цивилизацию саамам всеми возможными способами, подчёркивая важность чистоты, воздержания от алкоголя и необходимости упорного труда. Анделин также считал необходимым улучшить состояние животноводства в Лапландии. Согласно одной из его статей, саамы обычно держали своих коров в тёмных торфяных хижинах, напоминавших пещеры. Кормление зимой было минимальным, а летние пастбища были немногим лучше. Путешествуя по реке Тено, пограничной реке между Норвегией и Финляндией, Анделин также наблюдал за жизнью в Финнмарке, Северная Норвегия. По его словам, жителям Финнмарка удалось добиться ещё большего успеха в животноводстве, чем саамам Утсйоки. Например, они не удаляли навоз из коровника, используя лопату, но делали это голыми руками, после чего начинали доить коров, одновременно пили молоко, не помыв свои грязные руки. Коровье вымя становилось чистым во время доения, а затем молоко также обрабатывалось вручную. Анделин полагал, что жители Финнмарка хотели улучшить свою жизнь, но, как саамы финской Лапландии, были склонны цепляться за старые привычки очень упорно, фактически блокируя все попытки их цивилизовать.¹²

Весной 1856 г. по просьбе Анделина Экономическое общество провинции Оулу отравило 12 мотыг и лопат в Утсйоки и Инари, соседний с Утсйоки саамский приход. Анделин предполагал раздать эти инструменты бесплатно тем, кто пообещал заняться земледелием. Ассоциация также отправила в Утсйоки семена широко распространённых культур. В целях содействия выращиванию картофеля, ассоциация организовала отправку семенного картофеля в Утсйоки в течение следующих нескольких лет. Семена были посеяны летом 1856 г.

¹²А. А., Utsjoelta 19 p. kesäk. Oulun Wiikko-Sanomia, 7 August 1858.

Однако урожай стал разочарованием, так как некоторые из зерновых культур не смогли прорасти, а всходы вскоре погибли. Турнепс, посаженный после летнего солнцестояния, начал расти благодаря периоду дождей, но вместе с ним начали расти сорняки, и саамы, не привыкшие к сельскохозяйственным работам, считали очистку поля от сорняков слишком утомительной задачей. Июньские морозы в конечном счёте уничтожили даже турнепс.¹³ Анделин [15, с. 176] писал о перспективах развития сельского хозяйства в своем докладе об Утсйоки в 1858 г.: он пытался, например, найти плодородную почву в Утсйоки. Там были несколько островов, которые, хотя были очень каменистыми, могли быть использованы в качестве полей. Кроме того, рядом с рекой Тено находились несколько участков земли, подходящих для использования в качестве ферм или пастбищ. Почва, однако, была песчаной, но её можно было удобрять с помощью глины и навоза.

Когда люди встречают иностранцев, они обычно пытаются определить, чем представители других культур отличаются от них самих. Чем больше отличий, тем труднее воспринимать и оценивать представителя иной культуры. В этом случае наблюдатели часто опираются на стереотипы, которые являются одним из способов сделать мир вокруг менее сложным и более понятным [16, Löytty O., с. 11]. Стереотипное мышление, однако, легко подменяет факты и приводит к тому, что качества и характеристики чужой культуры отвергаются и высмеиваются [17, Berry J., с. 299]. Например, кочевой образ жизни горных саамов был полной противоположностью ценностям Анделина и других финских священнослужителей. Их неприятие традиционного образа жизни саамов часто приводило к перегибам, когда священнослужители стремились изменить жизнь саамского сообщества за одну ночь до чего-то совершенно другого. Одним из таких перегибов была попытка заставить саамов стать фермерами и отказаться от оленеводства, их источника средств к существованию, очень хорошо подходящего для арктических условий.¹⁴

В Утсйоки некоторые из саамов, как уже упоминалось, зарабатывали на жизнь рыболовством и скотоводством, в то время как некоторые пасли оленей, проводя лето на побережье Северного Ледовитого океана и зимой, возвращаясь с побережья. К XIX столетию горные саамы стали источником возмущения для священнослужителей Утсйоки, так как саамы не очень хорошо знали финский язык и, следовательно, по мнению священнослужителей, по-прежнему оставались несведущими касательно учения о Христианстве. Церковь также осуждала горных саамов из-за их беззаботного образа жизни. Они перенесли судьбу многих

¹³ Suvi (kesä) Utsjoen lapissa w. 1856. *Oulun Viikko-Sanomia*, 11 October 1856.

¹⁴ См. например: Aslak Laiti, Nöyriä toiwotuksia Lapinmaalta! Tapio, 18 January 1862.

других кочевых народов: поскольку у них не было постоянного жилья или сельскохозяйственных угодий, они считались нецивилизованными [1, с. 425].

Оседлые народы как культурные существа

Анделин, как уже упоминалось, был корреспондентом газеты «*Oulun Wiikko-Sanomia*», издававшейся в Оулу, крупном городе в Северной Финляндии, примерно на полпути между Утсйоки и столицей Хельсинки. Он написал свою подробную статью об Утсйоки, которая была опубликована полностью в журнале «*Suomi*» («Финляндия») в 1858 г. и частично состояла из его публикаций в *Oulun Wiikko-Sanomia*.¹⁵

1848 г. был г. революций в Европе. Венгерская революция 1848 г. также повлияла на условия жизни в Финляндии (которая входила в состав Российской империи). Николай I, Император России, отправился в Венгрию со своими войсками. Вскоре после этого, в начале 1850-х гг, в Финляндии были введены цензурные меры, которые включали значительные ограничения на статьи, публикуемые в газетах. Статьи о религиозных или социальных проблемах не допускались; беллетристика и новости тоже исключались. Тем не менее, к публикации были рекомендованы статьи, пропагандирующие преимущества сельского хозяйства. После Крымской войны (1853–1856) цензурные меры несколько смягчились по сравнению с требованиями очень строгой политики начала 1850-х гг. [10, с. 52–68]. Однако цензура не слишком ограничивала творчество Анделина в Утсйоки, так как писать о злободневных делах было невозможно в любом случае из его отдаленного форпоста, связанного с южной Финляндией только посредством медленных и ненадежных почтовых связей. В 1854 г. он писал: «Отсюда я не могу писать о войне или подобных вещах, только о моих собственных экскурсиях и изменениях погоды»¹⁶.

Анделин писал очень много и изучал Лапландию с разных точек зрения. Он был этнографом-любителем, историком, археологом¹⁷, метеорологом, географом, естествоиспытателем, лингвистом и топонимистом. Его интересовала, среди прочего, этимология названия Утсйоки.¹⁸ Он очень хотел опубликовать результаты своих исследований для современных финских читателей. Статья Анделина о приходе Утсйоки насчитывала, например, 126 страниц.

¹⁵Andelin's letter to the Finnish Literature Society 1858. Letter Collection 62vir. The Literary Archives of the Finnish Literature Society (Helsinki).

¹⁶A.A. Utsjoelta 16 p. elokuuta. Oulun Wiikko-Sanomia, 21 October 1854.

¹⁷Анделин также работал археологом-любителем после отъезда из Лапландии. Он стал интересоваться названиями на саамском (такими как Акковаара) на своем новом месте проживания, в регионе Кайнуу, и он также провел там несколько археологических раскопок. Henkilösarja osa 19: Antti Andelin (интервью доцента Reijo Heikkinen 9.2.2012). URL: <http://areena.yle.fi/1-1440781> (дата обращения: 25.01.2017).

¹⁸A.A. Utsjoen Lapinmaalta. Oulun Wiikko-Sanomia, 6 October 1855.

Анделин с энтузиазмом воспользовался результатами предыдущих исследований саамов, так как иногда цитировал норвежские публикации в своих работах о саамах. Он также написал значительное количество оригинального материала. Анделин читал, например, старые документы приходских архивов Утсйоки. Он совершал экскурсии в районы вблизи Утсйоки, а также записывал наблюдения в своих официальных поездках. При встрече со своими прихожанами-саамами он мог просить их, например, снабдить его местными пословицами или информацией о традиционных способах исцеления. Можно сказать, что Анделин использовал интервью и наблюдение в качестве методов исследования. Благодаря своей работе он посетил много саамских домов, открывая так называемое окно, через которое он мог близко наблюдать за жизнью и обычаями саамов. Однако присутствие финского чиновника в саамском жилище не вызвало естественного поведения у жителей — факт, о котором Анделин был очень хорошо осведомлён. Саамы не обращались с официальным гостем, как с обычным другом или родственником.¹⁹

В течение лет, проведённых в Утсйоки, Анделин записывал свои познания о саамских традициях в книгу детских рассказов и пословиц «Mainac'akja Sädne-Vadjasak Ocjogastc'ok-kijuvvum», написанную на саамском языке. Он пытался собирать детские рассказы уже в первый г. нахождения в Утсйоки, но из-за его ограниченного владения языком эта первоначальная попытка не была успешной. Более того, саамы не всегда стремились стать информаторами священника. В конце концов Анделину удалось записать как минимум пару детских рассказов.²⁰

Андерс Анделин был не единственным, кто интересовался изучением саамов в то время. Напротив, многие официальные лица Финляндии, учёные и исследователи изучали практически всё, что связано с саамами в Лапландии. Это делалось, как уже упоминалось, потому что саамы считались примитивными людьми, близкими к вымиранию: предпринимались попытки для записи информации об их культуре для будущих поколений. Общий консенсус среди финнов в XIX в. заключался в том, что саамы «запечатали» свою судьбу, когда они решили не идти в ногу со временем. Считалось, что если одни люди продолжали жить в каменном веке, а другие продвигались в железный век, их единственная возможная судьба — вымирание [1, с. 444]. Д. Феллман [6, с. 233] описал ситуацию следующим образом: «Здесь (в Инари) привычки, потребности и образ жизни простых людей остались прак-

¹⁹Utsjoen Lapinmaalta. Oulun Wiikko-Sanomia, 18 August 1855; Utsjoen Lapinmaalta. Oulun Wiikko-Sanomia, 25 August 1855.

²⁰A.A. Utsjoelta 1 päiw. marraskuuta. Oulun Wiikko-Sanomia, 2 December 1854; Andelinin utsjoenlappalainen satu- ja sananlaskukeräelmä. Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja LIII. Helsinki 1947.

тически неизменными с незапамятных времен, за исключением того, что лук и стрела были заменены оружием и порохом, а язычество — христианством; Но в большинстве случаев они таковы, какими они были столетия назад. Пути и привычки, однако, имеют тенденцию к изменению в живой окружающей среде. Хорошим примером этого были саамы Утсйоки, которые жили относительно близко к Инари и часто проводили время на побережье Северного Ледовитого океана, откуда возвращались с множеством новых способов и опытом, который превращается в потребности, а они вскоре превращаются в привычки».

Считалось, что различные популяции саамов находятся на разных ступенях эволюционной лестницы. Некоторые придерживались мнения, что саамы-рыбаки ранее были оленеводами. Считалось, что саамы-рыбаки находятся относительно близко к следующей ступени — новаторам и оседлым саамам, которые, тем не менее, располагаются на одну ступень выше рыбаков. В рамках мышления XIX в., оседлые народы считаются значительно более культурными существами, чем кочевые и якобы примитивные саамы [8, с. 39]. Те саамы, которые стали оседлыми, были вознаграждены за проживание в новых районах, выкапывание дренажей и культивирование новых участков суши [1, с. 428–429]. Сельское хозяйство было самой благородной целью даже в самой северной субарктической Европе.

Кто сильнее, тот и прав

Отношение исследователей к саамам в Финляндии отражало дискуссию о расах, которая велась в Европе. Шотландский доктор медицины Роберт Нокс [18, с. 148–153] в своей книге «Расы людей» (1850) классифицировал саамов как одну из «тёмных рас», которая была обречена и неизбежно должна была бы исчезнуть:

«После приблизительно 4000 лет исторического периода всё, что мы имеем — это хронология, полная ошибок и лжи; мы всё ещё находим тёмные расы на земле; об их древней истории абсолютно ничего не известно. И неважно, в каком регионе земного шара мы впервые их увидели. Они не ограничены никакой конкретной зоной, но распространяются как бы от полюса к полюсу; от арктического к антарктическому кругу: если бы лопари были тёмной расой, тогда бы тёмная раса существовала в Европе как раса. По праву сильного, мы захватили Северную Америку, забрав её у родных рас, которым, естественно, принадлежала Америка; мы отвезли их обратно в их примитивные леса, уничтожая их с прискорбием; наши потомки, мужчины Соединённых Штатов, вытеснили нас тем же правом, то есть правом силы.

Посмотрите на глобус: всегда одно и то же: тёмные расы стоят на месте, справедливый прогресс. Англосакс не будет смешиваться с какой-либо тёмной расой и не позволит ей занять и акра земли в его стране, это, по крайней мере, закон англо-саксонской Америки.

Таким образом, судьба мексиканцев, перуанцев и чилийцев не вызывает сомнений. Вымирание расы — уверенное исчезновение — даже не отрицается».

Цена европейских завоеваний — уничтожение «тёмных рас» мира. Англосаксов считали расой победителей, в то время как саамы и другие «тёмные расы» должны были уступить им дорогу.

Популярность понятия неотъемлемых различий между примитивными и развитыми людьми и неизбежное исчезновение первых достигли своего пика после 1859 г., когда идеи Чарльза Дарвина «О происхождении видов» были применены для популяций и народов. Однако расовое мышление, относящееся к человеческому населению, датируется XVIII в., когда системы классификации растений и животных, разработанные в естественных науках, впервые были применены к обществам. Рауна Куокканен [19, с. 240–264] пишет в своей статье «Alkuperäiskansojen diskurssi ja dekolonisaatio» («Рассуждение и деколонизация коренных народов»): «Данные о коренных народах изучаются, классифицируются, собираются, описываются, оцениваются наряду с местной флорой и фауной. По словам режиссёра маори Мерата Миты, они помещаются под микроскоп и изучаются, как учёный бы изучал насекомых. Те, кто смотрят в микроскоп, дают себе право делать выводы. Подобные методы исследования, наряду с использованием терминологии, исходящей из зоологии, были использованы для того, чтобы сделать коренные народы менее человеческими, чтобы оправдать их подчинение и эксплуатацию. Поскольку коренные народы считались не людьми, а чем-то более родственным животным, легче было думать о них как о товаре, которым можно было бы торговать, продавать в рабство или перемещать по желанию, как того требуют колониальные державы».

Учение Дарвина оказало влияние на социолога-философа Герберта Спенсера (1820–1903). Спенсер сформулировал понятие «борьбы за существование», сочетая биологические факторы с принципом свободной конкуренции и противопоставляя, например, предоставление государственных субсидий бедным, поскольку он считал бедных неадаптируемым излишком, от которого человечество должно избавиться. Согласно закону природы, выживает сильнейший. Те, кто имеют меньшую ценность, заслуживают уничтожения в великой борьбе за выживание. Теперь европейцам было относительно легко оправдать свою колонизацию, например, Африки, поскольку коренные народы (представители «тёмных рас») в любом случае в какой-то момент будут обречены на вымирание [20, Taylor M., с. 88–89].

В этноцентристском движении финское духовенство также считало саамов примитивными людьми, находившимися ниже культуры финских священников во всех отношениях. С их точки зрения, саамы жили непостижимой жизнью на бесплодной, отдалённой земле,

вдали от удобств мира и общества цивилизованных людей. В отличие от более продвинутых людей, таких как священнослужители и тех, кто был подобен им, саамы даже не помышляли о стремлении к более высокому уровню жизни. В работах, расцвеченных расовым мышлением XIX в., саамы обычно описывались очень шаблонным и стереотипным образом [6, с. 10]. Так было и в случае с Анделином, чей способ писать о саамах был более упрощённым, чем у любого другого священника, служившего в Утсйоки. В 1855 г. он писал так: «Его (саама) лицо меланхолично, глаза маленькие, скулы выступают; мужчины обычно худые и с длинными бородами, которые они лелеют; жены волосатые, как мужчины; толстые, розовощёкие, развратные и похотливые. Лопарь подозрителен по отношению к любому незнакомому человеку. Он даёт короткие ответы, обычно только «не знаю», по-видимому, полагая, что любой задаваемый вопрос может причинить ему вред. Когда его спрашивают о расстоянии между пунктами, он обычно говорит, что никогда не измерял путь. В семейной жизни он миролюбив: он основательный и осмотнительный в своих делах, очень искусный в подъёме и спуске на речных порогах, никогда не потеряется в лесу, не устает под тяжестью поклажи — именно для этого саамы используются в Лапландии, как будто бы они верблюды в пустыне. При выполнении прочих работ и дел они, как правило, медлительны и небрежны.²¹»

Хотя Анделин, по-видимому, демонстрировал очень чёткое отношение к саамам в своих работах, он имел среди них друзей. Анделин, вероятно, считал, например, саамского учителя Аслака Лайти, инструктора по саамскому языку, более чем просто человекообразным существом. Напротив, Анделин был так близок с Лайти, что взял его с семьёй в Палтамо в начале 1860-х гг. Однако работы Анделина того времени характеризуются попыткой стереотипно изобразить саамов как дикарей. Возможно, он читал аналогичные черно-белые описания саамов, прежде чем приехать в Лапландию, и придерживался того же стиля в своих собственных работах [1, с. 449].

В своей подробной статье об Утсйоки Анделин описал саамов в типичном для него стиле. По его словам, несколько семей переезжали в Утсйоки из Финляндии и Финнмарка в течение нескольких веков, и некоторые дети финских официальных лиц также остались в Утсйоки: семья саамов из Хёгмана, например, была потомками Дэвида Эрика Хёгмана, который работал священником в Утсйоки, примерно в XVIII в. Семьи, которые переехали в этот район, впоследствии смешались с саамами, но, согласно Анделину [15, с. 199–201], их черты можно было увидеть в облике жителей Утсйоки: «Семьи лопарей Утсйоки мало напоминают настоящих саамов — их вид отличен. В некоторых семьях, у которых было меньше контактов

²¹A.A. Utsjoen pitäjästä. OulunWiikko-Sanomia, 28 April 1855.

с финнами, всё ещё можно видеть, что старые саамы небольшого роста и имеют слабые конечности. При смешивании с другими народами они становятся выше ростом и больше не имеют слабостей в своих конечностях». Наблюдая за внешностью саамов, Анделин сравнивал их с финнами, хотя он также отметил, что некоторые из саамов выглядели более или менее приближенными к стандарту.

Многие презентации и труды о зарубежных культурах целенаправленно подчёркивают непривлекательные черты «других», часто выделяя более позитивные черты собственной культуры писателя. В этом случае нормой была финская культура, от которой саамы составляли неприятное отклонение. Очевидно, финны нуждались в «более слабых братьях», потому что их собственное положение среди европейского народа было не очень сильным в рамках расового мышления XIX в. С другой стороны, по мнению некоторых финских исследователей XIX в., саамы не были ни братьями, ни даже наполовину братьями финнам. Они были «едва ли даже кузенами», как указывал в своей лекции в 1872 г. финский историк и националист Закрис Топелиус (1818–1898). Топелиус исключил саамов из народа Финляндии вместе с цыганами, евреями и другими «иностранными» гражданами [21, Isaksson P., с. 180–202].

Англосаксы были заняты завоеванием всего мира, и теперь у финнов также была своя крошечная колония в Лапландии. Финны решили считать саамов низшей расой, несмотря на то, что их также считали родственными финнам. Возможность столкновения с саамским меньшинством в роли завоевателей и навязывание им отличительных черт собственной доминирующей культуры, а именно сельского хозяйства и христианства, повышала самооценку финнов. В газетных статьях примитивных саамов жалели из-за их неизбежного вымирания [22, Isaksson P., с. 158–161].

В 1864 г. Лондонское антропологическое общество устроило дебаты об исчезновении так называемых низших рас. На конференции утверждалось, что исчезновение низших рас было лишь вопросом времени. Европейцы находились в процессе завоевания своих земель; быстрое принятие «цивилизации» было бы единственным шансом на выживание, доступным «тёмным расам».²²

Подобное мышление было характерно также и для самого северного прихода Финской Лапландии. Священнослужители хотели предотвратить исчезновение саамов, обучая их цивилизованному финскому образу жизни. По словам преемника Андерса Анделина, Э.В. Борга (работавшего в Утсйоки в 1860–1867 гг.), саамы имели потенциал для развития до тех

²²January 19th, 1864. James Hunt, Esq, President, in the Chair. Journal of the Anthropological Society of London, Volume 2 1864.

пор, пока это происходило под бдительным оком финских официальных лиц. Он писал: «Лапландцы всё ещё находятся в зачаточном состоянии и поэтому нуждаются в хорошем воспитании. Поэтому давайте предоставим им превосходных и надлежащих должностных лиц, как любой хороший и понимающий родитель найдет лучших учителей для своих детей».²³

Анделин писал, что даже если бы саамы были низкого роста и тёмноволосыми (и их иногда считали родственными евреям), недавние исследования показали, что они, несомненно, относились к финнам. По словам Анделина, финны и саамы принадлежали к «одной нации», и даже если саамы не вполне идентичны финнам, был шанс поднять саамов до финского уровня.²⁴ Согласно господствующей идеологии, священнослужители каким-то образом получили право, даже обязанность, контролировать жизнь саамов. Как и имперские колонисты XIX в., финские священнослужители приняли на себя «бремя белого человека» [1, с. 448].

Критическое отношение священнослужителей к саамам, нашедшее отражение на страницах газет и в научных публикациях, не говорит всей правды об их взаимодействии. Опубликованные работы подобны скелетам, с которых сорвано всё разнообразие их взаимоотношений. Хотя роль упрощённых понятий, передаваемых священнослужителями, не следует преувеличивать, представители духовенства, работавшие среди саамов, тем не менее считались экспертами по всем вопросам, связанным с саамами. Жители южной Финляндии доверяли их опыту, и их рассказы о саамах могли произвести чёрно-белое впечатление на умы финнов.

Это становится особенно очевидным в газетной статье ранних 1880-х гг., посвящённой находке черепов умерших саами, которые были найдены на кладбище в Инари в 1878 г. для исследовательских целей. Саамское население Инари выразило своё несогласие с тем фактом, что их предкам не позволили пребывать в покое, но вместо этого их черепа эксгумировали и отправили в дальние земли.²⁵ Один из читателей, пишущий в газету «Uusi Suometar», считал горе саамов удивительным: «После прочтения статьи «Череп лопарей и кладбище Инари» в сегодняшнем «Uusi Suometar» я почувствовал удовлетворение и горе: удовлетворение в связи с тем, как удивительно видеть, что жалкие саамы считают могилы своих предков святыми; горе — потому что так тяжело вспоминать об эксгумации трупов, в ходе которой было вскрыто более ста могил».²⁶

²³E. W. B., Kuinka Lapissa eletään. Suometar, 10 August 1860.

²⁴A.A., Lappalaisten alkuperä. Suometar, 8 May 1857.

²⁵Kirjeitä Pohjan puolelta. Pohjois-Suomi, 21 July 1880.

²⁶Eräs lukioistanne, Uuden Suomettaren Toimitukselle. Uusi Suometar, 11 January 1881.

Стереотипные описания саамов, вероятно, сыграли определённую роль в создании среди финнов XIX в. концепции о том, что первобытные саамы не смогли бы даже уважать своих усопших. Возможно, читатели предположили бы, что независимо от всех изменений, происходящих вокруг, саамы должны были кочевать к пропасти со своими оленями, счастливые и невежественные, оставляя высокие чувства более продвинутым расам. Это понятие о саамах совершенно не соответствует тому, какими их видели священники в свои гг. работы в Лапландии в XIX в.: любопытными, информированными и современными [1, с. 453].

Выводы об исследованиях народа саамов

Андерс Анделин занимался исследованиями саамов в северном пасторате Финляндии в 1850-х гг. Его работы не были исключительными, поскольку жители европейских сельских пасторатов XIX в. практиковали много научных исследований. Даже Чарльз Дарвин, который предположил в XIX в., что «безголовые гермафродитные моллюски были предками человечества», некоторое время учился для того, чтобы стать англиканским священником в 1820-х гг. Дарвин делал это под давлением своего отца, но даже он сам считал себя будущим пастором. Адриан Десмонд и Джеймс Мур [23, с. 47–48] писали, что в тихом сельском приходе Дарвин мог посвятить себя «самым крошечным членам творения». Подобные примеры были и в Финляндии: Элиас Лённрот (1802–1884) стал известен как важный разработчик письменного финского языка и составитель финского национального эпоса «Калевала». До того, как Лённрот был назначен профессором финского языка в Императорском Александровском университете в 1854 г., он много лет работал врачом в Северной Финляндии. Находясь на этой должности, он считал, что у него нет достаточного количества времени для решения его научных задач, и именно поэтому он планировал подать заявку на должность пастора в тихом саамском приходе Утсйоки в 1840-х гг. [24, Majamaa R., с. 394–400].

Середина девятнадцатого века считается поворотным моментом в истории финских научных исследований. До этого времени исследователи собирали фольклор, исторические источники, растения и данные метеорологических наблюдений. Опубликованные работы часто сопровождалась энциклопедиями финских насекомых, минеральных ресурсов и т.д. Примерно в 1850-х гг. акцент сместился от сбора информации к более аналитическим и экспериментальным исследованиям. Создание научных ассоциаций и написание новых научных публикаций позволило науке достичь совершенно нового уровня. 1840-е гг. стали решающим десятилетием для финских учёных и научных публикаций. Финское литературное общество, а также Финское общество наук и писем (Suomentiedeseura, основанное в 1838 г.) начали публиковать свои научные журналы в течение этого десятилетия. «Suomi-journal»,

который был предназначен для учёных гуманитарных наук, был впервые опубликован в 1841 г. [25, Tommila P., Tiitta A., с. 274–306, 420].

Однако сбор данных всё ещё был необходим, и исследовательская работа не ограничивалась университетом или научными ассоциациями, действующими в Хельсинки. Учёные-любители также могли опубликовать результаты своих исследований в научных журналах во второй половине XIX в. Андерс Анделин как саамский исследователь занимал промежуточное положение между старыми и новыми научными традициями. Он публиковал свои работы в научном журнале и, в соответствии со старой традицией, также собирал много подробной информации о саамах. Анделин собирал статистические данные, которые использовались для обоснования необходимости развития сельского хозяйства в Лапландии. При этом результаты этих исследований дали финскому государству возможность использовать власть против этнических меньшинств. Согласно текстам Анделина, саамов даже иногда сравнивали с животными. У саамов Утсйоки не было шансов изменить эти взгляды, даже когда многие из них начали учиться писать в конце XIX в. [1, с. 415].

Переехав в Палтамо, Анделин начал рассматривать Лапландию с новой, южной точки зрения. Это стало очевидным, когда деревня Оутакоски (в западной части Утсйоки у реки Тено) стала причиной проблем для финских чиновников в конце 1800-х гг.: деревня превратилась в ужасное место из-за чрезмерного пьянства и буйного поведения жителей. Для того чтобы решить проблему, власти спросили совета пасторов, ранее служивших в Утсйоки, что нужно сделать, чтобы воздействовать на нарушителей спокойствия.

Анделин сказал, что у него есть хорошие воспоминания о христианском характере жителей деревни Оутакоски, иными словами, ситуация ухудшилась после того, как он покинул Утсйоки. Похоже, Анделин относился к саамам мягче, хотя по-прежнему стереотипно, по крайней мере, по сравнению с замечаниями, которые он делал в своё время в Утсйоки. Теперь он утверждал, что саамы любили власти и были послушны чиновникам, пока с ними хорошо обращались. Но если к ним будут относиться жестоко, они вполне могут пасть низко или сбежать на норвежскую сторону границы [1, с. 320–324].

Воспоминания Анделина о саамах, вероятно, со временем стали более мягкими, или его отношение никогда не было столь же экстремальным, как это иногда казалось, судя по его статьям, опубликованным в 1850-х гг. Также изменился общий тон его газетных публикаций, сделанных в преклонном возрасте. В его статье, написанной в 1870-х гг. для издававшейся в Оулу газете «Kaiku», в Анделин защищал жителей Оутакоски и обвинял финских чиновников в их безразличии к ситуации. Он посоветовал чиновникам: «...тот, кто идет туда [к

Утсйоки], должен оставить в уме финские пути». Теперь Анделин изображал саамов честными и трудолюбивыми. Он даже изложил более или менее понятные причины воровства северных оленей, которое было свойственно некоторым жителям Оутакоски, и, по крайней мере, отчасти обвинял начальника сельской полиции Утсйоки и других официальных лиц.²⁷

В Утсйоки статью Анделина читали с недоверием. Согласно ответу, также опубликованному в газете, один из саамов, живших в Оутакоски, во время чтения статьи Анделина закричал: «Что за чушь этот [*удалено*] теперь начал писать?». Автор ответа удивился, почему Анделин не задержался дольше в Утсйоки, где он мог бы больше рассказать о делах саамского района, если он сейчас так хочет критиковать своих преемников и власти.²⁸

Тон работ Анделина изменился, когда ему больше не приходилось спать в торфяных хижинах или пробираться по колено в снегу, или есть кашу из коры, предложенную ему его саамской паствой [1]. Отношение Анделина к саамам отражало европейские расовые дебаты XIX в., и, более того, его собственную жизненную ситуацию. Этнографические статьи, которые Анделин написал в Утсйоки, возможно, показали его разочарование в его работе в глуши. Анделин был назначен на должность священника в Утсйоки в относительно преклонном возрасте. Он приехал в район саамов с намерением остаться. Обязательный восьмилетний период прошёл, но его супруга не была родом из Лапландии, поэтому адаптация к новой жизни среди саамов была непростой задачей. С плохим здоровьем, вызванным холодным климатом, и жизнью, полной трудностей, освящение лучших сторон саамов в его публикациях могло быть выше его сил.

Идеи Анделина имели серьёзное значение для финской культуры: по сравнению с финнами, Анделин считал саамов менее развитыми, примитивными людьми. Он был склонен к снисходительному, часто критическому отношению к ним в своих работах, иногда даже описывая их как грязных, похотливых и любящих выпить. Однако он верил в их потенциал дальнейшего развития и никогда не сомневался в их желании улучшить свою жизнь. Это то, что лежит в основе попыток Анделина довести уровень жизни саамов до уровня финнов. По мнению Анделина, цивилизованные финны должны были помочь саамам, чтобы разделить с ними то лучшее и высокое, что они имели, другими словами, предоставить саамам финский образ жизни [26, Kylli R.].

Литература / References

1. Kylli R. Kirkon ja saamelaisten kohtaaminen Utsjoella ja Inarissa 1742–1886, Rovaniemi, Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys, 2005, pp.20–49.

²⁷ J Utsjoen Lapista. Kaiku, 18 December 1878.

²⁸ J. Utsjoen Lapista. Kaiku, 12 April 1879.

2. Jutikkala E. Työvoimapula vapauden ajan alussa. Suomen maatalouden historia: Perinteisen maatalouden aika – Esihistoriasta 1870-luvulle / ed. Rasila V., Mäkelä-Alitalo A. and Jutikkala E. Helsinki, SKS, 2003, p. 333.
3. Vainio-Korhonen K. Ujostelemattomat: Kättilöiden, synnytysten ja arjen historiaa, Helsinki, WSOY, 2012, pp. 15–16.
4. Niemelä J. Vain hyödynkö tähden: Valistuksen ajan hyötyajattelun, luonnontieteen ja talouspolitiikan suhde Per Adrian Gaddin elämäntyön kautta tarkasteltuna. Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 1998.
5. Linnaeus C. Lachesis Lapponica or a Tour in Lapland, Vol II, London, White and Cochrane, 1811, 97 p.
6. Fellman J. Anteckningar under min vistelse i Lappmarken I. Helsingfors, Finskallitteratursällskapet, 1906, pp. 10–627.
7. Pentikäinen J. and Pulkkinen R. Lars Levi Laestadius: Yksi mies, seitsemän elämää, Helsinki, Kirjapaja, 2011, pp.41–58.
8. Castrén M.A. Tutkimusmatkoilla pohjolassa. Matias Aleksanteri Castrénin matkakertomuksia suomentanut ja johdannon kirjoittanut Aulis J. Joki, Helsinki, Tammi, 1953, pp. 37–39.
9. Raiskio T. Euforiasta kulttuurisokkiin – yksilön kriisi värittää kuvaa vieraasta kulttuurista. Elektroninen aineisto, Oulu, 1997.
10. Tommila P. Oulun Wiikko-Sanomia 1829–1879: Oulun lehdistön alkutaival, Oulu, 1984, pp. 10–68.
11. Sulkunen I. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: 1831–1892, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, p. 17–104.
12. Cooper F. Colonialism on Question: Theory, Knowledge, History, Berkeley, University of California Press, 2005, p. 164.
13. Thrush C. Vancouver the cannibal: cuisine, encounter, and the dilemma of difference on the northwest coast, 1774–1808, *Ethnohistory*, 2011, volume 58, pp. 1–35.
14. Raittila P. Jakob Fredrik Liljeblad: Yksinäinen herätysajan pappi. Tornionlaakson vuosikirja, 1968, p. 114.
15. Andelin A. Kertomus Utsjoen pitäjästä, Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen, Helsingfors, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1858, pp. 176–201.
16. Löytty O. Johdanto: Toiseuttamista ja tilakurittomuutta. Rajanylityksiä. Tutkimusreittejä toiseuden tuolle puolen/ ed. Löytty O. Helsinki, Gaudeamus, 2005, p. 11.
17. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H. and Dasen P.R. *Cross-cultural psychology: Research and applications*, Cambridge University Press, 1992, p. 299.
18. Knox R. *The Races of Men: A Fragment*, Philadelphia, Lea & Blanchard, 1850, 148–153 p.
19. Kuokkanen R. Alkuperäiskansojen diskurssi ja dekolonisaatio. Koojotteja, Sulkapäähineitä, uraanikaivoksia. Pohjois-Amerikan intiaanien kirjallisuutta ja kulttuureja/ ed. Lakomäki, S. and Savolainen M. Oulu, Oulun yliopisto, 2002, pp. 240–264.
20. Taylor M.W. *The Philosophy of Herbert Spencer*, London, Continuum International Publishing Group, 2007, pp. 88–89.
21. Isaksson P. Kumma kuvajainen. Rasismi rotututkimuksessa, rotuteorioiden saamelaiset ja suomalainen fyysinen antropologia. [Inari], Puntsi, 2001, p. 180.
22. Isaksson P. Degeneroituneesta rodusta kehitysjäänteeksi, verisukulaisesta ventovieraaksi. Aate- ja oppihistorian lisensiaatintutkimus, Oulun yliopisto, 1995, pp. 158–161.
23. Desmond A. and Moore J. *Darwin*, London, Michael Joseph, 1991, xvii, pp. 47–48.
24. Majamaa R. Lönnrot Elias (1802–1884). Suomen Kansallisbiografia 6: Lehtonen–Mörne, Helsinki, SKS, 2005 / ed. Klinge M. et al., pp. 394–400.
25. Tommila P. and Tiitta A. Suomen tieteen historia: 1, Tieteen ja tutkimuksen yleinen historia 1880-luvulle. Porvoo, WSOY, 2001, 274–306, p. 420.
26. Kylli R. *Anders Andelin Utsjoen kirkkoherrana 1853–1859*, Pro gradu – työ, Oulun yliopisto, Historian laitos, Suomen ja Skandinavian historia, 1999.

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.94

Исчезающие саамы, прогресс в действии: финская лаппология и представления о саамах в обществе в начале XX в. ¹

© **Лехтола Вели-Пекка**, доктор философии, профессор, Институт Гиллагас.

E-mail: veli-pekka.lehtola@oulu.fi

Университет Оулу, Финляндия.

Аннотация. В статье рассматриваются представления о саамах в финских исследованиях в 1920 и 1930-х гг. Роль расовых исследований в финской лаппологии была кратковременной, в то время как доминирующая научная сфера интересов, финно-угорское исследование, имела свои собственные иерархии относительно саамов в междисциплинарной области от лингвистики до фольклористики и этнологии. Этому направлению

противостояло антропологическое или культурно-географическое положение, подчёркивающее культурную адаптацию к окружающей среде как руководящую силу, формирующую саамские общества. Помимо чисто научных знаний, в статье рассматривается обширная область других саамских описаний: от путеводителей до газетных статей. Предполагается, что эта смесь научных и политических данных вместе со стереотипными представлениями о саамах формирует контекст плохой репутации лаппологии среди более поздних исследователей.

Ключевые слова: *финская лаппология, финно-угорское исследование, человеческая антропология, представления о саамах*

Vanishing Lapps, progress in action. Finnish lappology and representations of the Sámi in publicity in the early 20th century ²

© **Veli-Pekka Lehtola**, PhD, professor, Giellagas Institute. E-mail: veli-pekka.lehtola@oulu.fi.

University of Oulu, Finland.

Abstract. The article examines how the representations of the Sámi were constructed in Finnish studies on Sámi in 1920 and 1930s. The role of racial studies in the Finnish lappology remained a short-period influence, while the dominant scientific field of interest, the Finno-Ugric research, had it's own hierarchies concerning the Sámi, implied in the multi-disciplinary field from linguistics to folkloristics and ethnology. This branch was challenged by the human anthropological or cultural geographical position, emphasizing the cultural adaptation to the environment as the guiding force formulating Sámi societies. Besides purely scientific knowledge, the article studies the extensive field of other Sámi descriptions, which spanned from travel guides to newspaper articles. It suggests that this mixture of scientific and political interests together with stereotypical representations of the Sámi forms the context for the poor reputation of lappology among the later researchers.

Keywords: *Finnish lappology, Finno-Ugric research, human anthropology, representations of the Sámi*

Лаппология («ранние исследования саамов, проводимые неспециалистами») часто дискредитировалась в ходе нынешних исследований саамов. Согласно опубликованной в Финляндии энциклопедии о саамах (2005), лаппология «была искажена многочисленными научными и социальными предрассудками, такими как поиск экзотики, романтическая кон-

¹ Перевод на английский язык выполнен Йоуко Сало.

² Translated by Jouko Salo.

цепция человека, социальный дарвинизм и т.д». [1, Pulkkinen R., с. 189]. Норвежский исследователь Штайн Р. Матисен отмечает, что лаппология изначально была нейтральным понятием, но теперь она связана с исследованиями, контролируемые правящим классом, социальным дарвинизмом, физической антропологией и политикой ассимиляции [2, с. 104–105].

Образ саамов, созданный лаппологией, подвергся критике со стороны Эдварда Саида как северная версия востоковедения [3, Hirvone V, с. 33–34]. Лаппология считается противоположностью современным исследованиям саамов [4, Seurujärvi-Kari I., с. 356], развитие которой было описано даже как очевидное изменение парадигмы [5, Pääkkönen E., с. 106]. В отличие от этих аргументов, историк науки Пекка Исакссон в своей диссертации [6, с. 325] делает вывод, что взгляды финских расовых исследователей в начале XX в. нельзя расценивать как откровенно расистские. Исакссон утверждает, что эти взгляды выявили этноцентристские и стереотипные, но не расистские акцентуации. С другой стороны, некоторые филологи заявили, что саамская лингвистика не претерпела каких-либо революционных изменений. [Исследователь Анте Айкио, личная переписка.]

Эти противоречивые и отчасти противоположные взгляды на лаппологию отражают тот факт, что история саамских исследований в Финляндии не была проанализирована достаточно глубоко. Помимо лингвистики, которая хорошо освещена в истории исследований [7, Sammallahhti P.], а также некоторых основных статей по истории исследований саамов в Финляндии [8, Müller-Wille L.], дискуссии о развитии исследований саамов в значительной степени были основаны на предположениях и, я бы сказал, даже предрассудках в отношении характера лаппологии. Исходя из этих предположений, переход от «эпохи лаппологии» к современным саамским исследованиям считается драматическим изменением.

В своей статье о профиле норвежского исследователя Дж. К. Квигстада, профессор Ларс-Ивар Хансен формулирует плодотворную модель для изучения лаппологических исследований. Он рассматривает этот вопрос с трёх точек зрения, то есть с точки зрения науки, политики меньшинств и культурных концепций. По мнению Хансена, достоинства Квигстада как представителя эмпирической традиции лаппологических исследований совершенно неоспоримы, тогда как его культурные взгляды явно связаны с их временем. Хансен считает политическое влияние меньшинств Квигстада наиболее проблематичным: как эксперт по вопросам саамов, он влиял на решения в отношении политики саамов, основанные на культурных концепциях, которые имели чёткие связи с колонизаторской властью [9].

Таким образом, модель Хансена связывает работу лаппологов с общими научными рамками (парадигмами), с эффектами, которые производили исследования саамов, и мне-

ниями, существовавшими относительно саамов, практической саамской политики и представлениях. Такая установка делает исследования и тексты сложной частью отношений между саамами и большинством населения, в то время как в колониальном правительстве существовал спрос на знания о саамах. Хотя Дж. К. Квигстад, как и его финский коллега Т. И. Иконен, например, хотел рассматривать исследования как «чистую науку», не имеющую ничего общего с политикой или колониализмом, их выводы отражали потребности сторонних лиц и одобрялись теми, кто мог принимать решения, а также широкой общественностью в колониальной ситуации [10, Rautio Helander K., с. 121].

Недавние исследования показали, что экспертная роль, которую получали лаппологи, была противоречивой: Квигстад, например, воспользовался норвегизацией в том плане, что ему предложили должность, в которой он смог реализовать свои академические амбиции и интерес к саамской культуре; однако в то же время он стал частью политики ассимиляции, которая была вредной для саамов. Есть сведения, что он иногда размышлял о своей противоречивой роли, но также был убеждён, что делает неоценимую работу, документируя «последние следы исчезающих людей». [11, Lehtola V.-P., с. 47–49].

Эта смесь научных и политических интересов с представлениями о саамах в целом, по-видимому, формирует контекст и для плохой репутации лаппологии среди более поздних исследователей. В этой статье рассматривается, как представления о саамах были репрезентированы в финских исследованиях в 1920 и 1930-х гг., и насколько точна концепция лаппологии для их оценки. Помимо чисто научных знаний, рассматривается обширная область других саамских описаний, которые также охватывают путеводители по газетным статьям и которые, похоже, отражены в критических комментариях по лаппологии, которые я приводил в начале.

Помимо научных описаний и представлений в средствах массовой информации, мой интерес сосредоточен на взглядах государственных служащих, работающих в Лапландии; они занимали значительное положение в администрации саамского населения и пользовались фоновым влиянием в решениях, касающихся саамов. Следовательно, основное место в моей статье занимает «знание» о саамах: какие источники информации были доступны в Лапландии, от каких исходных точек были получены новые знания? Моя цель состоит в том, чтобы более точно определить туманную терминологию «лаппологии».

Многоплановые исследования в Лапландии

Период с 1910-х до 1930-х гг., по-видимому, означает золотой век «классической лаппологии» в Финляндии, потому что многие известные исследователи саамской культуры в этот

период построили свою карьеру. На рубеже века ведущими финскими лаппологами были лингвист Франс-Айма и географ Дж. Е. Росберг, опубликовавший в 1911 г. первую современную монографию о саамах в Финляндии, Лаппи (Лапландия).

Также Т. И. Итконен, Вайнё Таннер и Самули Паулахарью начали свои исследования до независимости Финляндии в 1917 г. По Тартускому мирному договору 1920 г., Печенгский регион был присоединен к Финляндии, а Финляндия приобрела новую саамскую группу — скольт-саамы. Из-за закрытия российской границы Советским Союзом, финно-угорские исследователи вынуждены были совершать свои походы на север, а не на восток, что до сих пор было очень важным направлением [12, Vahtola J.]

Применяя разделение Людгера Мюллера-Вилле, можно увидеть три взгляда на культурные исследования, касающиеся саами в 1920-х и 1930-х гг.: исследование финно-угорских народов, географический подход и расовые исследования [8]. Доминирующей научной областью интереса к саамам в Финляндии было финно-угорское исследование, характеризующееся мультидисциплинарными перспективами от лингвистики до фольклористики и этнологии. Например, Итконен начал свои исследования скольт-саамов и их традиций ещё в студенческие гг. в 1910-х гг., а к 1920-м гг. стал одним из ведущих исследователей саамов. Помимо языкознания, он получил образование в области этнологии, а также изучал фольклор, религию и историю.

Следуя идеалам финно-угорских исследований, Итконен собрал обширные коллекции по материальной культуре, а также по традициям и языковым образцам, чтобы построить общую картину культуры саамов. Дополнительно к пожеланиям финно-угорских исследователей сохранить информацию об исчезающих культурах, Итконен был убежден, что достаточно большой материал выявит «истинную природу» первобытного финно-угорского менталитета и общества. Подобно Квигстаду в Норвегии и К.В. Виклунду в Швеции, Итконен написал множество работ по материальной и духовной культуре саамов для различных научных публикаций, пересекая границы таких дисциплин, как лингвистика, фольклористика, этнология и даже история. Большой объём статей послужил основой его написанного позднее фундаментального труда «Suomenlappalaiset II» («Лапландцы Финляндии») (1948) [13].

Самули Паулахарью, с другой стороны, не был академическим исследователем, хотя он также известен как «лапполог». В десяти своих наиболее известных работах о Лапландии и Финнмарке в 1919–1939 гг., которые были очень личными, стилизованными, а также иллюстрированными произведениями, он направлял читателей в северный мир на уровнях знаний и эмоций. Только две его книги действительно были о саамах, потому что он считал ис-

торию Лапландии совместной историей саамов и финнов, как пограничную культуру, которая характеризовалась многими особенными традициями, способом существования, а также языками [14, Paasilinna E., с. 299–300].

Сильной ветви финно-угорских исследований противопоставлялась позиция антропологического или культурно-географического направления, которое профессор Россберг уже представлял со своей «антропогеографической перспективой». Его последователи, географы Вяйне Таннер и Карл Никал вступили в контакт с саамами как картографы Печенги или «финской колонии» и таким образом «сопоставили» этнические, демографические и культурные обстоятельства.

В 1927 г. Таннер опубликовал исследование о том, как извлечь выгоду из экономических возможностей Печенги. Он принял финскую колонизацию в регионе, но хотел разделить жизнедеятельность финнов и скольт-саамов в соответствии с границами, подобными шведским *odlingsgräns*. Однако по мнению Таннера, развитие должно было основываться на местном укладе жизни населения. В своём антропологическом или культурно-географическом исследовании скольт-саамов 1929 г., он подчёркивал, что традиционное общество скольт-саамов, несмотря на «неорганизованный» характер, было лучше всего приспособлено к адаптации в окружающей среде. Оно также было многослойным, потому что существование саамской деревни было связано с природой и землепользованием [О Вяйнё Таннере см. 15, Massa I.; 16, Susiluoto P.; 17, Nyysönen J.].

Никал тоже прибыл на север в качестве представителя финского государства — как геодезист, который познакомился со скольт-саамами и их культурой во время своих земельных обследований. Как и Таннер, он хотел, чтобы финны знали об особом характере культуры скольт-саамов и активно участвовал в публичных дебатах. Научный интерес Никала к культуре саамов начинался с географических названий скольт-саамов, и он также начал собирать материал по саамской деревне и землепользованию. Как и Таннер, он хотел изучить исторические и местные вариации саамской культуры, а также различные способы активной адаптации к окружающей среде. Географы представили интересную точку зрения на историю окружающей среды в саамских исследованиях наряду с основными этнологическими исследованиями [18, Lehtola V.-P.].

В отличие от других скандинавских стран, расовые теории в основном не были реализованы в Финляндии до 1910-х гг., потому что в европейских теориях сами финны обычно считались недоразвитой монгольской расой [19, Kemiläinen A., с. 136.]. Отчасти тенденция шведскоязычной интеллигенции подчёркивать свои германские корни начала провоциро-

вать финских исследователей на инициализацию проекта расовых исследований в 1910 г. Однако именно независимость Финляндии в 1917 г. усилила финскую национальную риторику и антироссийские настроения, даже откровенную русофобию, которая способствовала желанию отделиться от восточных или монгольских корней в 1920-х и 1930-х гг. [6, Isaksson P., с. 189–198, 269–272].

Широкий исследовательский проект Yrjö Kajava по расовым свойствам финского населения в 1920-х и 1930-х гг. был крупнейшим обзором того времени, включающим описание финских племен, а также лиц, совершивших преступления, из-за их интересных расовых признаков. В общей сложности 37 процентов финских саамов были исследованы между 1926 и 1934 гг., всего 795 человек. Исследовательские группы, путешествующие с техническим оборудованием, вызывали различные негативные чувства на территории саамов.

«Иногда выяснялось, что население целой деревни скрывалось, когда становилось известно о приезде учёных», — сетует Наятанен. Особое недовольство саамов вызвала финская антропологическая экспедиция в 1934 г., которая эксгумировала 70 скелетов на старом островном кладбище Инари в целях научных исследований в анатомическом отделении Хельсинкского университета [6, Isaksson P., с. 250–257; также 20, Itkonen T.I., с. 138–139, 144, 21, Itkonen T.I., с. 330–331].³

Финские расовые исследования довольно скоро столкнулись с теми же проблемами, которые вызвали научный кризис в других частях Европы. Общая картина погружалась в «безбрежную бесконечность» измерений, огромное количество характеристик и почти безграничное число переменных, что делало получение достоверных выводов невозможным. Помимо чисто научных причин, социальные и политические проблемы также оказали влияние на исследования в 1930-х гг.

Ведущий авторитет в этой области, профессор Вяйно Лассила, отделял себя от расовых теорий. Он считал их устаревшими и научно необоснованными, также критиковал политически изошёренные расовые иерархии, которые были «искусственно надуманными и не имеющими научной основы». Он критиковал доктрину расовой иерархии в 1935 г., которая оправдывала «бесчеловечность и жестокость» и служила теоретической основой для европейской экспансии и империализма [6, Isaksson P., с. 297–302].

Кризис расовых исследований, однако, не внезапно появился во взглядах других исследователей, не говоря уже о публичных дискуссиях. Например, географ Каарло Хильден

³ В 1995 г. черепа, эксгумированные с кладбища Инари, были репатриированы и захоронены снова в местах их изначального захоронения, см. 22, Lehtola V.-P.

все ещё представлял саамов в свете расовой иерархии в «Suomen maantieteen käsikirja» («Общий справочник по географии Финляндии») в 1936 г. Он интерпретировал длинный череп и вертикальные зубы европейской и финской расы как признак продвинутого развития, в то время как маленький рост, короткий череп и маленькие зубы лапландцев отражали их недоразвитость [22, с. 449–450].

Более сильные и более слабые культуры

Расовые теории оставались коротким, но заметным этапом в финских исследованиях. Однако они не инициировали идею саамской неполноценности по сравнению с европейцами и финнами. Идея иерархии между культурами была уже старой классической конвенцией финно-угорских исследований, которую можно считать другой теорией, основанной на эволюционизме. Культурное развитие понималось как постепенно возрастающее и прогрессирующее явление.

Многим финским исследователям было ясно, что более развитые народы вытеснили более слабые, такие как саамы, которые были вынуждены отступить на север. То, как «народы природы» остались на уровне культуры охоты, указывает на то, что они остановились в своем развитии. Они представляли древнюю финно-угорскую культурную форму, которая всегда оставалась неизменной. Это породило мнение некоторых этнологов, что, например, изучая систему деревни скольт-саамов, исследователь мог бы одновременно восстановить образ древнего финского общества. Эрик Терман заявил, что многие воспоминания из «детства наших людей» жили в традиции саамов [23, Therman E., с.109].

Обратной стороной застоявшегося развития было убеждение, что саамы являются «людьми без истории». Гегелевская идея была адаптирована в Финляндии Я. В. Снеллманом с подходом, что только люди, достигшие уровня, на котором они способны сформировать государство, могут говорить о своей собственной истории. С людьми, остающимися на уровне племенного сообщества, это был случай народной культуры, на которую в наибольшей степени повлияли внешние факторы. Например, для автора «Suomen historia» (1926, «История Финляндии»), К. О. Линдквиста, в истории саамов произошло только одно знаменательное событие: обращение в христианство. Это была единственная ссылка на саамов во всей книге [24]. Учебники по истории полностью игнорировали саамов.

С европейской точки зрения, описывать саамов как людей без истории было легко. Они не вели войн, не строили городов или крепостей, у них не было письменной истории. И в саамском прошлом не было и следа организованного общества. Было принято говорить о «блуждающих лапландцах», которые, по словам Дж. В. Руута, «блуждали по безбрежным ди-

ким местам и возводили свои простые «хижины» то здесь, то там. Оставались достаточно долго в одной местности, затем полностью исчезали» [25, с. 1033].

Помимо отношений, концепции исследователей в 1920-х гг. отражали объём знаний о саамах того времени. Только после изучения работ Вьяйне Тэннера и Карла Никала в 1920–1930-х гг. стало очевидным наличие развитой социальной структуры среди саамов. Вместо простого «блуждания» и «блуждающих саамов» новые исследования показали, что годовой цикл саамов происходил в строго ограниченных районах по чётко согласованным правилам.

Основополагающий вывод в понятии «блуждающие саамы» был ясен: у саамов никогда не было постоянного жилья, даже узуфруктуарных территорий. Это был вопрос владения землёй и доказательства собственности, который возник и в чисто исторических исследованиях. Так, например, Дж.В. Руут отмечал, что саамов «едва ли можно принимать в расчёт, когда речь идёт об устройстве поселений на земле, в собственном смысле слова» [25, с. 1033]. Кайса Корпийаакко считает это понятие необоснованным, но указывает, что оно было широко распространённым в литературе по истории поселений и права в Финляндии в 1920-х и 1930-х гг. [26, с. 47–71].

Саамская история отражает тот факт, что многие концепции о саамах родились как некие побочные продукты, когда национальные науки пытались понять особый национальный характер финнов. Например, исследования Джалмари Яакколы и Вьяйнё Войонмаа ни в коем случае не были посвящены истории саамов, эти два националистических историка обсуждали её только в той мере, в какой она была связана с национальными интересами Финляндии. Поэтому образ саамов по отношению к финской идентичности был чем-то вроде обратной стороны медали.

Область исследования саамов была отнюдь не однородной в 1920-х и 1930-х гг. Такие исследователи, как Итконен и Никал, в основном занимались саамскими вопросами, а такие исследователи, как Элиэль Лагеркранц, Кустаа Вилкуна, Ильмари Маненинен и Уно Холмберг (Харва) занимались подобными исследованиями в меньшем объёме.

Некоторые из учёных были исключительно лингвистами (Пааво Равила, Эрки Итконен), в то время как Т. И. Итконен, например, был типичным мультидисциплинарным учёным. Финская научная деятельность была самой оживлённой в Печенге, где представители почти всех возможных дисциплин, от геологов до археологов, ботаников и фольклористов проводили свои исследования до конца 1920-х гг. Однако главной оставалась проблема скольт-саамов [12, Vahtola J.].

Лаппологи представляли различные дисциплины науки, а также различные методы и

подходы. Здесь было востребовано понимание Итконена. Учёные также имели разные взгляды на исследовательскую политику. Многие исследователи считали, что изучение саамов — это интересная научная попытка записать характеристики «вымирающих» родственников. Противоположное понятие было представлено Карлом Никалом, который считал, что проблема саамов является «культурной проблемой» с этическим оттенком. Он пытался воздействовать на условия жизни саамов своими письменными работами и практическими политическими действиями. Он был одним из самых сильных сторонников проекта по сохранению Суоникюля в 1930-х гг. [См. 18, Lehtola V.-P.].

«Настоящий саам никогда не ест вилок и ножом»

Научные исследования, опубликованные в изданиях по различным дисциплинам и на международных аренах, часто оставались недостижимыми для широкой общественности. Таннер писал на шведском или французском языках, Итконен опубликовался в научных журналах, а лингвисты — в своих собственных изданиях. Произведения Самули Паулахарью были популярны, хотя самобытность саамов в них часто была связана со старым, даже мифологическим прошлым. Научные исследования, возможно, комментировали в прессе, и исследователи могли иногда публиковать популярные статьи в журналах или в национальной газете «Helsingin Sanomat».

Одобримое общественностью содержание статей требовало более популярных выражений, которые могли бы представлять науку в подходящих для аудитории формах, поощряющих национальное мышление. Таким образом, расовый образ саамов, например, оставался распространённым, несмотря на кризис расовых теорий в научных областях. Общественный образ саамов был разработан в более широкой области, чем наука и исследования. Многие простые финны, даже государственные служащие, направляющиеся в Лапландию, адаптировали своё восприятие из весьма разнообразной области коммуникации: от газет до художественной литературы и путеводителей, а также учебников, которые на самом деле могли иметь неоценимое значение через школьное обучение.

Представления о саамах в значительной степени появились в качестве побочного продукта «финского национального проекта». Саамы были тщательно изучены в свете финского национального самосознания и часто в качестве антитезы. «Информация» о саамах в этих источниках могла быть пронизана многими видами предубеждений и предрассудков. Научные концепции могли легко переходить в простое эволюционное мышление, которое применялось к саамам. Расовые теории смешивались с представлениями о различиях в развитии культур, финские национальные настроения превосходства были приправлены пре-

увеличенными заявлениями о выживании наиболее приспособленных. Кроме того, финское колониальное мышление и русофобия были добавлены к этой смеси в Печенге.

Когда транспортное сообщение с Лапландией улучшилось с появлением Арктической магистрали до Печенги, рядовые финны стали всё больше вступать в контакт с саамами. Помимо старых стереотипов о саамах, у туристов были свои ожидания и предрассудки, которые относились к условиям «более низкого» и «неразвитого» народа. Мнения, высказанные прессой и путеводителями, оказали сильное влияние на отношение путешественников, которые, как критикует Т.И. Итконен, «несколько высокомерно подняли пылевые облака вдоль дорог Лапландии» [20, с. 156]. Гражданский служащий с юга мог сделать следующий комментарий в газете «Рованиеми» в 1923 г.: «Культура Лапландии не такая низкая, как раньше. Саам уже достаточно хорошо информирован об условиях жизни в нашей стране. Грамотность уже довольно распространена, и газеты циркулируют в удивительных количествах. Но там всё ещё существует много примитивных и неразвитых».⁴

Многие представления о саамах того времени отражали культуру и взгляды их авторов, а не выражали что-то принципиально новое в отношении саамов. Посетители Лапландии могли сами приехать из любого городка, в котором была всего одна лошадь, но в Лапландии они могли вести себя как лорды, презирая саамов, и высокомерно относиться к ним так, как если бы они были низшими существами, хотя в их собственном домашнем хозяйстве не было ничего, достойного похвалы.⁵

Трудности были взаимными, когда условия и уровень знания других были неизвестны, но обычно только заявления большинства становились достоянием общественности. Вы можете прочитать об аналогичном отношении к саамам в некоторых отчётах о поездках. Например, школьный советник Раухамаа был потрясён северным сиянием во время катания на оленьих упряжках и хотел поделиться своим энтузиазмом с мальчиком-погонщиком. «Значит, это северное сияние?» — начал он. Мальчик указал на небо и ответил: «Ну, когда небо вспыхивает, это северное сияние, и эти маленькие белые точки — звёзды, а большое и круглое — это луна!» [27, Härmäläinen A., с., 78].

Точно так же прототип саама, Юхани Джомпанена, мог удивить туристов точными знаниями о длинных равнинах и крупных городах Германии. В 1910-е гг. он путешествовал по Средней Европе в «саамском караване» — саамской группе, которая представляла саамскую культуру в рамках колониальных этнологических шоу [28, Lehtola V.-P.]. Он считал Гам-

⁴ Rovaniemi 5.11.1923.

⁵ Suomenmaa 1931, с. 263.

бург и Щецин великими городами, но лучшим из них был Кёнигсберг, где родился сын Юхани. Знание Джомпанена о Хельсинки и Выборге, возможно, удивило бы или даже разочаровало туриста, который мог бы спросить, слышал ли когда-нибудь саам об улицах или жилых домах. Джомпанен посетил финский парламент уже во время российского правления и мог обсуждать с туристом, например, коллекции в Национальном музее [29, Pälvi S., с. 24].

Финский турист мог подозревать, что это вовсе не настоящий саам. Вопрос об аутентичности саамов часто поднимался авторами путеводителей, потому что сложившееся представление гласило, что саамы должны быть истинными детьми природы с сопутствующими характеристиками. Писатель в поисках подлинной саамской традиции, возможно, был разочарован, когда Пьера Торненсис, например, предложила петь гимны вместо запрошенной традиционной саамской музыки йойк [23, Therman E., с. 47]. Образованные или просто современные саамы приносили сюрпризы путешественникам, которые не знали, как реагировать на них. Эрнст Лампен задумался о первых «правильных саамах», которых он видел. Мальчик-саам из Инари, которого он назначил своим проводником, несмотря на свою явную саамскую внешность, начал петь «континентальные джинглы» в пустыне, мелодии из оперетт, таких как «Веселая вдова» и «Граф Люксембург». Мальчик путешествовал с караваном саама Джомпанена, и пребывание в немецких городах оставило на нём свой отпечаток [30, Lampén E., с. 78–80]. Инцидент был забавным случаем для Лампена, и он сделал развлекательную главу в путеводителе. Иногда современные саамы могли, однако, даже раздражать финнов. Саам, сидящий на заднем сиденье «форда», сделал замечание Илмари Турья, что «костюм саама не сочетается с автомобилем, и южно-ботнический нож не подходит к костюму саама» [31, Turja I., с. 58–70].

В школьной детской книге «Kotimaan kirja» Сальме Сеталя не одобрял норвежских саамов, которые вели «даже велосипеды в своих региональных костюмах, что казалось довольно смешной победой цивилизации». Сеталя критиковал то, что саамы построили свои сувенирные киоски вдоль больших туристических маршрутов и на окраинах таких городов, как Тромсё [32, с. 46]. Многие посетители Печенги чувствовали то же самое, когда видели, как скольт-саамы делают «бизнес» возле гостиниц вдоль Арктической дороги и автобусного маршрута. Хотя бедность саамов вызывала сожаление со стороны путешественников, такая деятельность за счёт туристов не допускалась. Культура, предлагаемая за деньги, не была подлинной.⁶

Претензия на «подлинность» была тесно связана с традиционным образом жизни и от-

⁶ Kaleva 21.08.1924.

существованием современного влияния. В статье, опубликованной в журнале «Suomen Kuvalehti», Е. Н. Маннинен вложил своё мнение в уста своего друга-саама Пост-Овла (Guttorm). Говоря о сааме Гансе Скайти, который часто бывал в Хельсинки, Маннинен написал в своем характерном лёгком стиле: «Скайти не настоящий саам, он один раз побывал в Хельсинки и ел вилок в отеле Fennia с джентльменами» [33, с. 145–149]. Сакари Пэлси также отметил в 30-х гг., что современные времена с их причёсками, золотыми часами и полированными ногтями прибыли к саамам [29, с. 19–20].

В целом саамы, получившие влияние времени, считались «дезертирами» из своей собственной культуры. Авторы путеводителей заботливо рассматривали современное влияние как вредное для саамов.

Это часто выражалось в виде сострадательного взгляда на то, что аутентичный народ был испорчен в результате контакта с цивилизацией. «Высшая культура заразна, как чума», — сетовал Лампен [30, с. 122]. На заднем плане существовала идея социал-дарвинизма, согласно которой низшая культура не была способна слиться с более высокой. Саамы, «заражённые» культурой, как полагали, либо становились хуже — как это случилось со многими скольт-саамами в Печенге, или отказывались от своей культуры и становились финнами. Даже Армас Лаунис, имевший глубокое понимание саамской культуры, заявил: «Они не могут процветать в лучших и более благоприятных условиях, они засыхают, как лесные растения в саду» [34, с. 24–25].

Считалось, что у саамов не было шансов приспособить новые веяния к их культуре. По словам Ильмари Турья, они были лишены «всего оружия в борьбе против мира», и поэтому их вымирание как народа было лишь вопросом времени. Турья посоветовал саамской культуре стоять на месте: «...саам лучше всего приспособлен для своей первоначальной цели, чтобы бродить во фьельдах с оленями. Там он может вести себя как ребенок в песочнице. Потому что у саама ум ребенка, память женщины, хотя у него бородатое мужественное лицо» [31, с. 69–70].

Голосов, способных противостоять этой точке зрения, было очень мало. Карл Никал постоянно подчёркивал, что в течение истории саамы прекрасно приспосабливались к довольно радикальным изменениям без потери самобытности [35]. Эрик Терман говорил о том, что саамы являются одними из самых стойких народов в мире и поэтому наиболее способны к развитию из-за их старомодного характера. По его мнению, сознание саамов «постоянно, как вода в своей непреклонной гибкости, препятствующей своей восприимчивости,

постигает все переживания на своем саамском пути и объясняет, и интерпретирует все саамам» [23, с. 67].

«Скольт, убирайся вон!»

Строительство дорог в Печенгу оказало большое влияние на развитие «новой колонии» Финляндии и на скольт-саамов, которые были присоединены к Финляндии по мирному договору. Помимо поселенцев, государственных служащих и различных исследователей, сюда пришли туристы, которые направлялись к Арктическому морю и уникальным фьордам Финляндии. В то время как самые трудолюбивые скольты воздвигали сувенирные киоски или фотографировались с туристами за деньги, туристы искали «подлинный опыт», другими словами, они хотели получить свои приключения и сделать фотографии сколтов самостоятельно и бесплатно.

Поэтому к скольт-саамам часто приходили неожиданные посетители — и какие посетители! Подобно Ваасану Яакку, известному финскому писателю, они могли бы довольно просто войти в дома сколтов и начать осматривать как жилища, так и обитателей: «Жилые дома сколтов выглядят убого, а дверь настолько мала, что вам приходится опускаться на четвереньки, чтобы попасть внутрь. Я был очень расстроен, когда я толкнул дверь, и когда Нерманни попытался протиснуться через эту же дверь, его плечи застряли». В этом юмористическом описании писатель Остроботниан выразил презрение к хозяевам дома, описывая пестроту интерьера, и другим обитателям, которые были «потомками от смешения русских и саамов» [36, с. 96–97].

Ваасан Яаккоо и Эрнст Лампен, писатели-путешественники, являются, пожалуй, крайними примерами высокомерной наглости, отражающей отношение финнов к Печенге. Несмотря на то, что Печенга была одним из самых многонациональных регионов Финляндии, вместе с Выборгом, финские национальные круги очень негативно относились к коренным народам региона — к сколтам, карелам и русским. У них был идеалистический взгляд на Печенгу как на врата Финляндии, растущей к благосостоянию. В этом свете скольты являлись абсолютной противоположностью желаемому промышленному прогрессу. Поскольку финская идентичность юга представляла собой точку сравнения для развития, старое финское или норвежское поселение вызывало положительные оценки у посетителей, а также симпатию из-за суровых условий. Для сравнения, авторы путеводителей открыто выражали своё презрение к скольт-саамам.

Как и Ваасан Яаккоо, многие финны смотрели на «этих странных и забавных маленьких старых карликов» и удивлялись, что «русские лица были в телах полусаамов». Саамские

хижины также «имели такие же размеры и выглядели как свинарники в наших краях». Лампен описывал скольт-саама, встреченного в гостинице Трифоньяниemi: «Какой глупый коротышка! — Этот потомок Распутина имел густую бороду, спутанные волосы, и выглядел так, будто он был уменьшен от большего размера. Лицо русского дикаря, но ростом с карлика. Не мог смотреть на него без смеха. Размер головы и ширина плеча слишком велики для его роста. Создание для тантамарески!»[30, с. 114–118, 122]. Аналогичным образом, одетый в смешную накидку Ваасан Яаккоо издевался над скольтами за глупость, когда, например, ребенок скольта увидел поезд и спросил: «Это олени тянут поезд?». Яаккоо тоже позабавило, когда скольт бросил свои деньги на прилавок в магазине и сказал: «Что вы даете за это?» [36, с. 101–102].

Презрение финнов к скольтам частично объясняется антироссийскими настроениями, которые проявлялись как откровенная русофобия после обретения независимости. «Каждый скольт произошел от монаха Печенги со стороны отца», — комментировал Лампен. Описание скольтов, однако, в значительной степени соответствовало старой традиции описания саамов. Они включали нечистоплотность, лень, простоту и примитивность, а также безнравственность. Авторы путеводителей охотно истолковывали несходство саамов в образе жизни и культурных формах как расовую характеристику или признак культурной неполноценности. Они даже не пытались понять контексты.

Удивление и насмешку вызывал тот факт, что «придорожные скольты» не хотели развития их жизненного уклада, как предлагало финское общество, такими способами, как развитие сельского хозяйства или наёмный труд в рыбной или горнодобывающей промышленности. Путешествующие писатели считали это примером основного порока скольтов — их лени [37, Mörne H., с. 245].

Финны считали, что скольты должны немедленно изменить свой уклад жизни с упадочнического на новый «будущий». По мнению Карла Никала, у финских государственных служащих было мнение, что все скольты должны начать выращивать картофель и держать крупный рогатый скот, когда их попросят. Однако у Никала было много примеров тех трудностей, которые могли привести к проблемам с содержанием громоздких коров в полукочевой культуре [см. 18, Lehtola V.-P.].

Понятия о скольтах как о неисправимых ворах оленей — отдельная тема финских авторов. Уже в 1920 г. Юхо Коскимаа опубликовал короткий рассказ, в котором изображена охрана ограды на восточной границе до начала Первой мировой войны. В коротком рассказе

скольтов считают такими безнадёжными, что жестокое убийство двух воров-скольтов, отца и сына, рассматривается как оправданное действие [38, с. 5–19].

Наиболее известным примером, возможно, самой расистской книги в истории финского литературоведения может служить «Ihmismetsästäjiä ja Erämiehiä» (1933) К. М. Валлениуса, в которой автор вспоминал о своей карательной миссии в качестве коменданта пограничной охраны Лапландии в период после гражданской войны. Финские солдаты в гражданской одежде совершили военное нападение на скольтов, которых подозревали в воровстве оленей. В стиле приключенческих книг Валлениус использовал многие литературные стереотипы о саамах для того, чтобы представить скольтов как врагов и оправдать военные действия [39, Wallenius K.M., с. 19–92; 40, Lehtola V.-P., с. 227–241]. Эрkki Илмари, который восхищался книгой Валлениуса, также опубликовал короткую историю о скольте-оленеводе Киурели, «единственном честном скольте», который в итоге оказался нечестным [41, с. 134–141]. По сравнению с описаниями Фьелль Сами или Тана Сами, например, которые определённым образом восхищались саамами, несмотря на их отцовский снисходительный тон, анти-саамские настроения авторов поразительны. Не будет преувеличением сказать, что в 1920-х и 1930-х гг. в художественной литературе позитивные описания скольт-саамов отсутствуют. В научной литературе вы можете найти несколько более позитивных оценок.

Фольклорный коллекционер Армас Лаунис [34, с. 28–29] и Ж.Э. Розберг резко критиковали туристов за их предрассудки. По словам Розберга, многие посетители на севере, не говоря уже о Южной Лапландии, не видели настоящих саамов, кроме людей, принадлежащих к «вырождающемуся классу», которые привлекают туристов или зарабатывают деньги, позволяя делать их фотографии [42, с. 113]. Даже мнение Розберга и Лауниса заключалось в том, что скольты, позирующие для туристических камер, вырождались и теряли свою «аутентичность». Это разделение на вырождающихся «придорожных скольтов» и более продвинутых скольтов деревни Суоникюля было типичным и среди должностных лиц, таких как бейлиф Печенги.⁷

Неудивительно, что из-за негативного образа скольтов и национального самомнения финнов, осуществлялись, как известно, даже расистские действия против скольтов. Лаунис упоминает, что когда скольт вошел в гостиницу где-то в Печенге, хозяин гостиницы поднял руку, указал на дверь и скомандовал: «Скольт, убирайся вон!» [35, с. 24]. Подобное отношение разделяли все гражданские служащие. Лапландский служащий Ээро Лампио описывал

⁷ Доклад губернатору Оулу от бейлифа Печенги 10.02.1927. OLKA Hc5:3. Oulun maakunta-arkisto (региональный архив Оулу).

скольта в своей книге об охоте среди прочих представителей «фауны» и других «сущестств», удивляясь их полуметровым лапам и их бесформенному телу длиной в метр. Во время охоты Лампио вместе с товарищами забавлялся тем, что заставлял мальчиков-скольтов лаять на зайцев [43, Paasilinna E.]

Ослабление популяции и саамский нос

Как показывают примеры из разных научных дисциплин, идеи о расовой и культурной иерархии составляли основу для обширных народных дебатов о саамской культуре. Цепочка дедукции, которую они создали, была также внутренне непоследовательной и изображала мрачную картину будущего саамов. Предполагалось, что отсутствие истории было признаком неспособности застойной культуры развиваться до уровня сельского хозяйства. Отмечалось, что развитие привело только к дегенерации саамов, как доказали «придорожные саамы», живущие на окраине поселений. С другой стороны, дегенерация показала, что стремление саамов отказаться от культуры является признаком их расовой неполноценности, включающей также примитивную социальную жизнь и низкую мораль.

Всё это вело к явному выводу в научных публикациях и путеводителях: саамы были исчезающим народом. Иногда это комментировалось с меланхолией; чаще использовалось для содействия развитию и прогрессу, который должен был «сместить несущественное и нежизнеспособное». Илмари Турья заявил: «Люди Лапландии бредут по пути к их быстрой смерти» [31, с. 70]. По словам Росберга, саамский язык исчезает в современную эпоху, что сглаживает всё многообразие, и от саами ничего не останется, кроме «названия и некоторых смутных рассказов» [42, с. 162]. Эта точка зрения была настолько очевидной, что ведущие саамские исследователи высказывали похожие понятия, начиная с Т.И. Иконена.

Особенно проблематичными эти взгляды стали после того, как государственные служащие приняли их в качестве руководящих принципов на территории саамов. Поэтому констебль Утсйоки, егерь-капитан Е.Н. Маннинен, мог заявить в газете, что саамы могут исчезнуть как представители слабой культурной формы. Маннинен предупреждал финнов не тратить государственные средства на умирающий язык и исчезающую культуру. В мышлении Маннинена граница между культурным миром и саамской культурой была непреодолимой. Сущность саама включала природный уклад жизни, неграмотную культуру, язык и костюм саама. Все они уступили место цивилизации.

Когда саамы впитывали новые веяния, они стали испорченными и потеряли свою аутентичность. Для Маннинена саам, появившийся в современную эпоху, мог быть только «чудом за деньги».

Маннинен представлял пример определённого вида социального дарвинистского мышления, согласно которому действия общества по оказанию помощи меньшинствам были насильственными, подрывали естественный порядок и имели неизбежный итог: исчезновение более слабого. Борьба за существование и естественный отбор также работали в обществах параллельно с природой. Поэтому для общества было неправильно направлять поддерживающие действия на группы, которые естественный отбор обрекал на вымирание. [45, Broberg G.; 19, Kemiläinen A.] Многие другие чиновники считали, что развитие наложило на саамов барьеры, которые они не могли преодолеть. Для них культурная и расовая слабость саамов означала противоположность потребностям развития финского общества. Бейлиф Печенги, В.Ф. Плантинг, в документе, адресованном губернатору графства, характеризовал культуру скольтов как застойную, примитивную культурную форму, которая не имела места в развивающемся финском обществе. Резкое мнение было основано на стремлении бейлифа развить Суоникуле с помощью государственного финансирования в качестве демонстрации финских разработок, полностью исключая скольтов из государственной опеки.

Тот факт, что расовые исследования были одной из ключевых областей в медицинских исследованиях, также нашёл отражение во мнениях врачей. Представитель национального совета здравоохранения Л.Ф. Розендаль выразил типичную точку зрения, согласно которой скольт-саамы «находятся в довольно примитивном состоянии». С другой стороны, финны объясняли первобытность скольтов политическими аргументами, например тем, что они жили «на далеком тёмном севере под угнетением царя, а затем с советско-русским дамокловым мечом над ними». Одна из районных медсестёр, Сайми Линдрот, все ещё размышляла в Утсйоки около 40-х гг., соответствовали ли жители Утсйоки расовым характеристикам. Сообщается, что нет: некоторые были слишком высоки для саамов, некоторые — слишком светло-волосы [45, с. 43].

Районный врач Соданкюля Онни Лайтинен видел расовое ослабление как ещё одну причину распространения туберкулёза. Заболевание распространилось в конце 1920-х гг. на юрисдикцию Лапландии, в которой проживали как финны, так и саамы, но Лайтинен считал его особенно страшным для слабых рас: «Туберкулёзные бактерии не заражают здоровых людей. Он [туберкулёз] нацелен на тех, кто ослаб и стал восприимчивым к болезням».

Опираясь на стереотип о том, что оленеводство является изначальным саамским образом жизни, Лайтинен заявил, что саамы допустили ошибку, отказавшись от «здоровой кочевой жизни» и поселившись в бревенчатых домах в качестве постоянных жителей. Согласно Лайтинену, тёплая саамская одежда имела расистский «ослабляющий» эффект, особенно

для детей, которые стали восприимчивыми к болезням. Снижение взаимодействия и междоусобицы также повлияли на ослабление расы. Лайтинен, высший медицинский служащий, заявил: «Все старшие учёные из Лапландии сделали наблюдение, что умственная острота, характерная для саамов ещё тридцать лет назад, теперь ушла в прошлое. Разумеется, всё же могут быть исключения, но пока нездоровый образ жизни, принятый ранее этим энергичным кочевым народом, продолжается, саамское население будет постоянно ослабевать, и раса исчезнет. Саамы потеряли свои корни, когда они стали отчуждены от своего оленеводства и стали поселенцами».

Для чиновников развитие также означало продвижение сельского хозяйства, что стало кульминацией развития также на финно-угорской теории. Рядом с ним оленеводство считалось укладом прошлого. Такое отношение демонстрировали важные государственные служащие, такие как магистр права Артур Аспелин, который был избран членом парламента Финляндии от прогрессивной партии в 1922 г. в избирательном округе Лапландии. Он утверждал, «что оленеводство в Лапландии является изжившим себя средством к существованию, и что для провинции было бы опасно пытаться оживить его». Аспелин считал, что субсидирование кочевой жизни просто продлит период перехода к сельскому хозяйству. Влияние оленеводства на человеческую природу было связано с «...нежеланием заниматься регулярной работой, особенно работой на ферме, подозрительностью, стеснительностью. И искоренение этого требует десятилетий, если не веков. Показательным в этом отношении является то, что только несколько саамов зарегистрировались или участвуют в работах, предлагаемых государством или компаниями, хотя заработная плата в наши дни небывалая. Нет, он скорее будет лежать дома и жить в нищете».

Превосходство и могущество сельского хозяйства для финнов не вызывали никаких сомнений. Аспелин заверил, что «дух сельского хозяйства является единственной истинной ценностью, спасителем людей и земли, которую нужно культивировать, вдохновлять, возрождать». Его точка зрения заключалась в том, что занятие оленеводством должно либо умереть естественной смертью, либо оно должно перейти на новый уровень. Его предложение состояло в том, чтобы перестроить систему оленеводческих пастбищ в кооператив, в котором всеми оленями можно было бы управлять без частной собственности на них.⁸

Такое развитие может быть также обращено вспять с точки зрения саамов. Самули Паулахарью увидел как саамы-олeneводы Киттиля и Мюонио превратились в поселенцев и считали это понижением в ранге: «Кочевник, ухаживавший за тысячеловым диким лесным

⁸ Aspelin A.: «Tulevaisuuden elinkeinot Lapissa» Kaleva 27.2.1921.

рогатым скотом, был вынужден заботиться о глупых и медленных навозных животных. Житель леса, выросший на щавеле по собственному удовольствию, начал выкапывать своё бывшее оленьё пастбище в поту и крови, чтобы создать жалкое картофельное поле и крошечный кусок ячменя»[46, с. 76].

Аналогичным образом Карл Никал отмечал, что во многих случаях южные фермеры, импортирующие средства к существованию, понесли убытки из-за бесплодия Северной Финляндии: «Они часто выигрывали сначала, но обычно второе поколение испытывало спад». Он считал, что культурная форма, разработанная в северных районах, лучше соответствует местным требованиям, чем иностранное «дорожное поселение»: «Дорога частично освобождает поселения от местных ограничений региона и позволяет себе взаимодействовать с регионами, откуда она берёт начало, и которые обеспечивают материальные преимущества посредством дороги. Но этот механизм не работает в различных условиях, когда экономический дефицит и другие недостатки, затрагивающие техническую культуру и её организацию, нарушают её бесперебойную работу; тогда поселение может пострадать, а потребности, приобретённые в более процветающих регионах, не выполняются, жизненный уровень снижается, и требуется экстренная помощь»[36; 47, с. 65].

Понимание шансов на выживание культуры саамов не зависело от того, является ли отношение писателя к саамам положительным или отрицательным. В своей отеческой снисходительности, позитивное или восхищённое отношение могло содержать такое же понятие примитивного или детского уровня людей природы, которые не имели квалификации, чтобы выжить в современном мире. Одним из наиболее полнокровных примеров такого отношения был Эрик Терман, шведскоязычный писатель из Хельсинки, чьи работы сочетают в себе проникательность исследователя с социальными дарвинистскими взглядами. В своей основной работе «Blandnoiderochnomader» (1939) Терман показал, что он хорошо наблюдал за повседневной жизнью и слушал людей, в то время как его увлечённость собирательством историй о колдовстве и мифической истории саамов указывали на некую романтическую тенденцию.

Интерес Термана к расовым теориям привёл его к наблюдению за формами головы саамов, малым ростом и носами представителей разных кланов, вроде как, с точки зрения науки. Выводы Термана, объединённые с его отцовским снисходительным отношением к саамам, были довольно простыми заявлениями о расовых теоретических идеях, которые культивировались в печати и общей научной литературе. Ссылки Термана на расовые теории были просто замораживанием более традиционного образа саами, который включал иерар-

хии между культурами, а также верования примитивного характера естественных людей [30, с. 152, 163, 223, 290, 369].

Заключение

Критические или даже пренебрежительные оценки, которые я приводил в начале этой статьи, освещают, как лаппология ухудшала репутацию саамов, особенно в начале новых исследований в 1970-х гг. Исследовательская деятельность самих саамов возникла в чётко сформулированной форме в 1973 г., когда Саамский университетский колледж был открыт в Кутокейно в Норвегии. Исследовательский институт, управляемый саамами, подчеркнул право саамов определять свою отправную точку для исследований. Среди наиболее известных манифестов была критика 1974 г. Альфа Исака Кескитало в отношении асимметрии между исследованиями в отношении доминирующего населения и меньшинства, и необходимость «самификации» исследований саамов.

Радикальное саамское движение также ввело понятия колониализма и империализма в сферу исследований, и именно «лаппология» представила их лучше всего. Как и в других секторах общества, радикальная и антитетическая позиция привели к проблемам; они подошли довольно близко к понятиям лаппологов, от которых хотели отделиться. Идеализированную саамскую культуру и наши собственные информационные системы противопоставляли «западной культуре» и «лаппологии», которые понимались стереотипно. Этот антитезис был необходим на этапе формулирования вопросов.

По мере развития исследований саамов, многие позиции оказались более сложными, чем считалось ранее. Этнографические, лингвистические и географические исследования были дополнены исследовательскими методами археологии и истории, методами исследования социальной антропологии и теории образования, а также сильным влиянием исследований коренных народов. Время от времени предметом обсуждения становится антагонизм между внешними и саамскими исследователями, но зачастую результатом является утверждение, что все они необходимы. Исследование саамов имеет свои собственные отправные точки, которые связаны с потребностями саамского сообщества. Исследования, проводимые внешними организациями, отражают интерес и соображения доминирующего населения, и на них также важно реагировать с точки зрения взаимодействия между большинством и меньшинством.

Хотя образ исследования саамов стал более разнообразным, образ лаппологии остался довольно спорным и дуалистическим. Подчёркивая, что текущее исследование саамов также опирается на результаты более ранних исследований, некоторые люди отмечают

важность лаппологии совершенно некритически, не желая тщательно делать свою работу в повседневной политической реальности. Вопреки этой точке зрения, существует мнение, что лаппологи являются фаворитами колониализма, которые никоим образом не воспринимают саамские понятия и конвенции, но хотят ассимилировать их в доминирующие культуры.

Лаппологию часто понимают как последовательный способ мышления и систему с исследователями в качестве её агентов. В моей статье говорится, что в случае с Финляндией так называемые лаппологи представляли разные отрасли науки: от лингвистики до географии и этнографии. Они представляли много научных тенденций, и традиции географии человека и финно-угорские исследования были чётко разделены в Финляндии. Исследователи имели различные идеи о том, какую роль играло исследование в мажоритарных/миноритарных отношениях, т. е. они просто практиковали «науку как науку» или же они рассматривали свою собственную исследовательскую деятельность как часть социальных и даже политических дебатов.

Приблизительная природа термина лаппология — ещё более сложная проблема. В моей статье я предположил, что многие последующие заявления, научные тексты, полунучные или популярные саамские описания, а также публично сделанные провокационные заявления были сгруппированы в соответствии с концепцией лаппологии. Националист, описывающий собственные предрассудки в путеводителях, или гражданский служащий, плохо знакомый с местными обстоятельствами, называется «лаппологом», как и исследователь, хотя суффикс «лог» этого термина в основном относится к человеку, производящему научные знания.

Нечёткость концепции отражает, однако, неопределённость «знания» в отношении саамов в более общем плане. Будь то государственные служащие в Лапландии, обозреватели в национальных средствах массовой информации или лица, принимающие решения на разных уровнях, кажется, что «знание» относительно саамов, к которому они обращались, не обязательно основывалось на научных взглядах. Помимо фактов, образ саамов включал в себя множество концепций, мифов и стереотипов, которые складывались на протяжении веков и которые были обеспечены господствовавшими тогда идеями теории развития и даже социального дарвинизма. Этот образ саамов был разработан в печати, учебниках, путеводителях и других популярных изданиях. Эти взгляды, возможно, заложили основу для решений, которые касались саамов в отношении законодательства по оленеводству, политики в области образования и местного самоуправления.

Литература / References

1. Pulkkinen R. Research History of the Lappology, *The Saami — A Cultural Encyclopaedia* / ed. Kulonen U.-M., Seurujärvi-Kari I. and Pulkkinen R., Helsinki, SKS, 2005, 506 p.
2. Mathisen S.R. Changing Narratives about Sami Folklore: A Review of Research on Sami Folklore in the Norwegian Area. *Sami Folkloristics* / ed. Pentikäinen J. et al., Turku, Nordic Network of Folklore, 2000, 284 p.
3. Hirvonen V. *Sámeeatnamajienat: sápmelašnissonabálggisgirječállin*, Guovdageaidnu, DAT, 1999, 252 p.
4. Seurujärvi-Kari I. Saami studies, *The Saami — A Cultural Encyclopaedia* / ed. Kulonen U.-M., Seurujärvi-Kari I. and Pulkkinen R., Helsinki, SKS, 2005, 506 p.
5. Pääkkönen E. *Saamelaisuus sirkumpolaarisena etnisyytenä*, *Dieđut 1* / 1995, Oulu and Kautokeino, University of Oulu, Research Institute of Northern Finland, Sámi Instituhtta, 1995, 129 p.
6. Isaksson P. *Kumma kuvajainen. Rasismi rotututkimuksessa, rotuteorioiden saamelaiset ja suomalainen fyysinen antropologia*, Pohjoiset tarinat 1, Inari, Kustannus-Puntsi, 2001, 397 p.
7. Sammallahiti P. 1985. Saamelaiset ja saamen kieli, *Lappi 4, Saamelaisten ja suomalaisten maa* / chief ed. Linkola M. Hämeenlinna, Arvi A. Karisto Oy, 1985, pp. 151–166.
8. Müller-Wille L. Finnish Lapland between south and north: developments in anthropology and human geography since the 1920, *Terra*, No. 1 (101), 1989, pp. 67–77.
9. Hansen L.I. Just K. Qvigstad's contribution to the study of Sami culture, *Acta Borealia*, 1992, Volum 9 (2), pp. 47–68.
10. Rautio Helander K. *Namat dan nammii. Sámi báikenamaid dáruiduhttin Várjjaga guovllus Norgga uniovdnaággi loahpas*, Kautokeino, Sámi Insituhtta, 2008, 317 p.
11. Lehtola V.-P. The Right to One's Own Past. Sámi cultural heritage and historical awareness, *The North Calotte. Perspectives on the Histories and Cultures of Northernmost Europe* / Lähteenmäki M. and Pihlaja P.M., Publications of the Department of History, Helsinki and Inari, University of Helsinki and Kustannus-Puntsi Publishing, 2005, 180 p.
12. Vahtola J. Petsamo Suomen tieteen tutkimuskohteena. *Turjanmeren maa. Petsamon historia 1920–1944* /ed. Vahtola J. and Onnela S., Rovaniemi, Petsamo-Seura, 1999, 796 p.
13. Itkonen T. *Lapin-matkani*, Helsinki, WSOY, 1991, 304 p.
14. Paasilinna E. *Kansan palvelijoita. Kootut kirjoitukset 1964–1984*, Helsinki, Otava, 1986, 428 p.
15. Massa I. The problem of the development of the north between the wars: some reflections of Väinö Tanner's human geography, *Fennia*, No. 2 (162), 1984, pp. 201–215.
16. Susiluoto P. Suomen ajan ihmismaantiedettä Petsamossa, *Ihmismaantieteellisiä tutkimuksia Petsamon seudulta, 1 Kolttalappalaiset* / ed. Susiluoto P., Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000, 110 p.
17. Nyyssönen J. Väinö Tanners uförutsedda karriär – från statsexpert till emigrerad professor, *Historiska och litteraturhistoriska studier 90, Årsbok för Svenska Litteratursällskapet i Finland*, Helsingfors, 2015, pp. 135–170.
18. Lehtola V.-P. Research and Activism in Sámi Politics: The Ideas and Achievements of Karl Nickul towards Securing Governance for the Sámi, *Acta Borealia*, No. 1 (22), 2005, pp. 153–169.
19. Kemiläinen A. Mongoleista eurooppalaisiksi suomalaisessa roduntutkimuksessa, *Mongoleja vai germaaneja* / ed. Kemiläinen A., Helsinki, Suomen historiallinen seura, 1985, 549 p.
20. Itkonen T.I. *Suomen lappalaiset I–II*, Helsinki, WSOY, 1948, 589 and 629 p.
21. Itkonen T. *Pippinä ja pappina*, Helsinki, WSOY, 1970, 464 p.
22. Hildén K. Antropologiset tunnusmerkit, *Suomen maantieteen käsikirja* / ed. in chief Hildén K., Helsinki, Suomen maantieteellinen seura, 1936, pp. 19–66.
23. Therman E. *Noitien ja paimentolaisten parissa*, Finnish version: Heikki Annanpalo, Helsinki, WSOY, 1939 / 1990, 390 p.
24. Lindeqvist K.O. *Suomen historia*, Helsinki, WSOY, 1926, 546 p.
25. Ruuth J.W. Suomen asutus ja valtiolliset rajat vuoteen 1617, *Oma maa 1*, Helsinki, WSOY, 1920, pp. 101–105.

26. Korpijaakko K. *Saamelaisten oikeusasemasta Ruotsi-Suomessa: Oikeushistoriallinen tutkimus Länsi-Pohjan Lapin maankäyttöoloista ja -oikeuksista ennen 1700-luvun puoliväliä*, Helsinki, Lakimiesliiton kustannus, 1989, 595 p.
27. Hämäläinen A. *Teno — Suomen kaunein joki*, Helsinki, WSOY, 1945, 112 p.
28. Lehtola V-P. Sami on the stages and in the zoos of Europe, *L'Image du Sápmi II. Études compares*, Textesréunis par Kajsa Andersson / ed. Andersson K., Örebro University, Humanistic Studies at Örebro University, 2013, pp. 324–352.
29. Pälsi S. *Petsamoon kuin ulkomaille*, Helsinki, Otava, 1931, 101 p.
30. Lampén E. *Jäämeren hengessä*, Jyväskylä, Gummerus, 1921, 239 p.
31. Turja I. *Ruijan rantaa ja Ruijan merta. Kveenejä ja kinttupolkuja*, Helsinki, WSOY, 1928, 188 p.
32. Setälä S. Pohjoista kohti, *Kotimaan kirja. Maakuntalukukirja. Lappi-Petsamo* / ed. Hänninen L., Kohonen A. and Setälä E.N., Helsinki, Otava, 1927, pp. 5–15.
33. Manninen E.N. 1934 / 1998, *Kahdentoista härjän raito*, Inari, Kustannus-Puntsi, 247 p.
34. Launis A.: *Kaipaukseni maa. Lapinkävijän matkamuistoja*, Jyväskylä, Gummerus, 1922, 121 p.
35. Nickul K. Suenjel, kolttain maa, *Terra*, No. 2 (45), 1933, pp. 68–86.
36. Vaasan Jaakkoo *Petsamhon valaskaloja onkimhan. Matkakuvauus*, Jyväskylä, Gummerus, 1924, 216 p.
37. Mörne H. *Ruijan rannoilta Petsamon perukoille*, Finnish version V. Hämeen-Anttila, Hämeenlinna, Karisto, 1939, 259 p.
38. Koskimaa J. *Pohjalaisia ja peräpohjalaisia*, Oulu, Kirjola, 1920, 189 p.
39. Wallenius K.M. *Ihmismetsästäjiä ja erämiehiä*, Helsinki, WSOY, 1933, 191 p.
40. Lehtola V.-P. *Wallenius — kirjailijakenraali K.M. Walleniuksen elämä ja tuotanto*, Oulu, Pohjoinen, 1994, 441 p.
41. Ilmari E. *Vedenjakajan takaa. Erämaanmiesten parissa Lapin kairoilla ja kivelöissä*, Jyväskylä, Gummerus, 1934, 159 p.
42. Rosberg J.E. *Lappi*, Helsinki, Kansanvalistusseura, 1911, 240 p.
43. Paasilinna E. *Maailman kourissa. Historiaa ja muistoja Petsamosta*, Helsinki, Otava, 1983, 457 p.
44. Broberg G. *Lappkaravaner på villovägar. Antropologin och synen på samerna fram mot sekelskiftet 1900, Lychnos, Lärdomshistoriska Årsbok 1981–82*, pp. 27–86.
45. Lindroth S. *Terveysisarena tunturipitäjässä*, Mäntsälä: self-published book, 1970, 181 p.
46. Paulaharju S. *Kolttain mailta*, Helsinki, WSOY, 1922 / 1977, 237 p.
47. Nickul K. *Saamelaiset kansana ja kansalaisina*, Helsinki, SKS, 1970, 324 p.

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.117

О саамской историографии

© Хансен Ларс Ивар, доктор философии, профессор, кафедра археологии, истории, религиоведения и теологии. E-mail: lars.ivar.hansen@uit.no
Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.

Аннотация. Статья посвящена истории саамов и историческим методам. В реляционном контексте рассматриваются основные результаты и центральные аспекты истории саамов. Какие последствия — как в отношении методологии, так и стилей повествования — эти аспекты имели и должны были иметь для процессов проведения исследований и составления истории саамов? Основное внимание уделяется политике в истории саамов и её исследованию. Рассматриваются вопросы, кому «разрешено» составлять историю саамов и выбирать способ проведения исследований с целью удовлетворения различных социально-культурных потребностей саамов. Рассматривается история саамов в целом и возможности реализации более ограниченных усилий по представлению сведений о саамских культурных практиках, их традициях и опыте отношений с другими народами. В заключение представлены методологические подходы и рекомендации по истории саамов с упоминанием ряда источников.

Ключевые слова: историография, история саамов, реляционный подход, методология

Perspectives on Sámi historiography

© Lars Ivar Hansen, Ph.D, Professor, Department of Archaeology, History, Religious Studies and Theology.
E-mail: lars.ivar.hansen@uit.no
University of Tromsø — The Arctic University of Norway.

Abstract. The article focuses on Sámi history and historical methods. The main results and central aspects of Sámi history, in its relational context, are gone through. What effects and consequences – regarding both methodology and narrative styles – these aspects have had, and ought to have, for the processes of doing research on and writing Sámi history? The focus is on the politics of Sámi history and research. The issues, who is “allowed” to write Sámi history and the way Sámi research is demanded to stand in the service of different societal-cultural needs of the Sámi is dealt with. This expectation of applicability concerns Sámi history in general, and the more delimited efforts of presenting situated accounts of Sámi cultural practices, traditions and experience with relations to other folk groups. Finally, methodological considerations and recommendations of Sámi history are presented, in which a number of methodological competences and in-depth usage of numerous source categories are called for.

Keywords: historiography, Sami history, relational approach, methodology

Введение

В этой статье мы, во-первых, представляем некоторые основные концепции, которые, на наш взгляд, выделяются как центральные аспекты истории саамов на протяжении веков в её реляционном контексте. Затем мы обсудим, какие последствия — как в отношении методологии, так и стилей повествования — эти аспекты имели и должны были иметь для процессов проведения исследований и составления истории саамов.

После краткого описания некоторых основных разделов истории саамов в её взаимодействии с историями других народов Фенноскандии, мы рассмотрим некоторые основные

цели и потребности в написании истории саамов с одной стороны, представленные саамскими сторонниками, авторами и учёными, с другой — как часть комплексной, сложной истории Северной Фенноскандии. Это касается как желания иметь общую письменную саамскую историю, так и реализации более определённых усилий по представлению сведений о культурных практиках саамов, их традициях и опыте отношений с другими народами.

Но мультикультурный контекст, накладываемый окружающими государствами на саамов, привёл к другим проблемам: с одной стороны, к необходимости создания точного, описательного и аналитического исторического процесса, результаты которого на протяжении нескольких веков замалчивались или подавлялись в силу разного рода государственной политики по ассимиляции и интеграции. Это также включает в себя усилия по документированию или анализу бывших саамских традиционных или юридических прав, которые могут иметь значимость и в нынешних условиях, и в этот контекст будут включены меры по исправлению и дополнению историй окружающих государств, с тем чтобы сделать такие данные более полными и всеобъемлющими, чем они традиционно были. С другой стороны, растущий спрос со стороны саамов в отношении большинства населения с целью влияния на него и признания того, что исследования в отношении саамов, социальных институтов и культурных явлений, проводимые не саамами, а учёными большинства, представляют собой реальное «межэтническое отношение» само по себе, в котором асимметричные отношения власти традиционно сыграли решающую роль для «монополии интерпретации», проводимой учёными большинства.

В заключение будут представлены более чётко сформулированные методологические подходы и рекомендации, кажущиеся приемлемыми, учитывая основные и текущие характеристики истории саамов в настоящих условиях.

Следует отметить, что мы не претендуем на предоставление полного обзора обширной части работ, относящихся к истории саамов, и не придерживаемся приоритетного Фенноскандинавского цитирования. Помимо некоторых ссылок на классические финские и шведские работы, мы в основном ссылаемся на работы, опубликованные в Норвегии, чтобы проиллюстрировать нашу основную точку зрения по той или иной теме и привести примеры, которые бы соответствовали представленным категориям. С точки зрения хронологии, мы сконцентрировались главным образом на обсуждении истории саамов между ранним средневековьем и концом XX в.

Реляционная история саамов

В наше время, возможно, не будет являться неверным тот факт, что история саамов в значительной степени выступает как реляционная история, т.к. временная удалённость едва ли позволяет проследить отдельные этнические и культурные структуры в Северной Фенноскандии. Насколько позволяет предположить ретроспектива, у саами существовали тесные контакты, обмен и взаимодействие с другими социально-этническими группами в их окружении. Эти контакты и взаимосвязь играли, вероятно, главную роль в процессе, ведущем к формированию особенной этнической идентичности саами, истоки которой берут начало в середине II-го тысячелетия до нашей эры и продолжают до начала нашей эры [1, Hansen L.I. & Olsen B., с. 26–38]. В течение последнего тысячелетия до н.э. – начала н.э., когда, вероятно, некоторые неоднородные группы охотников-собираателей вдоль побережья Северной Фенноскандии постепенно меняли охоту на земледелие, другие общины охотников-собираателей, населявших внутренние области и Крайний Север, продолжали вести свою охото-ориентированную экономику, одновременно устанавливая более тесные контакты с производящими металл сообществами в юго-восточных регионах. Эта зарождающаяся экономика и социальный дуализм оказали решающее значение для дальнейшего культурного и этнического разделения в северной Фенноскандии [1, с. 351].

Такая точка зрения на этногенез саамов как продукт продолжительного процесса взаимодействия, включающего несколько групп и, одновременно, в силу того же процесса, ведущего к возникновению других отдельных этнических идентичностей (Северо-Германская и ранняя Финская), оказала большое влияние на распространение мнения, впервые поддержанного Фредриком Барсом в 1960-х гг., что возникновение и сохранение этнической идентичности не должны рассматриваться исключительно как продукт долговременной изоляции, отсутствие контактов и культивация «собственных культурных черт», но скорее как *форма организации взаимодействия между дифференциальными группами*. Как таковая, она появляется в результате контактов и коммуникации, благодаря чему сознание и идентичность одних групп по отношению к другим осознаётся и выражается [2, Barth F., там же]. Первым учёным, который принял такую концепцию развития этнической идентичности северной Фенноскандии в своей книге “Finner og terfinner, etniske prosesser i det nordlige Fenno-Skandinavia”, был антрополог и археолог Кнут Однер (1983) [3].¹

¹ Odner Knut: Finner og terfinner, etniske prosesser i det nordlige Fenno-Skandinavia (Oslo Occasional Papers in Social Anthropology; v. No. 9), Oslo 1983. Название означает «Финны и терские саамы. Этнические процессы в Северной Фенно-Скандинавии». Использование концепта «этничность» подробно рассмотрено в: Jones S. The Archaeology of Ethnicity. Constructing Identities in the Past and Present, 1997, а также: Banks M., Ethnicity:

Согласно этой концепции, в течение I-го тысячелетия до н.э. вследствие процесса культурной диверсификации среди различных неоднородных групп охотников-собирателей в северной Фенноскандии, вероятно, проявились более определённые контуры отдельной этнической идентичности саамов. Это развитие, скорее всего, является частью процесса взаимной идентификации, включающего в себя интенсивное взаимодействие с другими группами, которые в то же время явились основой для возникновения Северо-Германской идентичности на западе, и групп, идентифицирующих себя как *Hämäläiset* и *Suomalaiset*, предков последующего финского этноса, на востоке [1, Hansen L.I. and Olsen B., с. 126].

Таким образом, по крайней мере с первых веков нашей эры саамы выделяются как коренное население Севера, населяющее северные и центральные части Фенноскандии. Приблизительное распространение местностей их обитания в известные исторические периоды представлены на карте (рис. 1), показывающей локализацию различных саамских диалектов или языков, принадлежащих к финно-угорской языковой семье. Следует отметить, что области, заселяемые саамами в Средние века и в начале раннего Нового времени, распространялись далее на юг и юго-восток, в центральную часть современной Финляндии и вдоль западных берегов Белого моря.

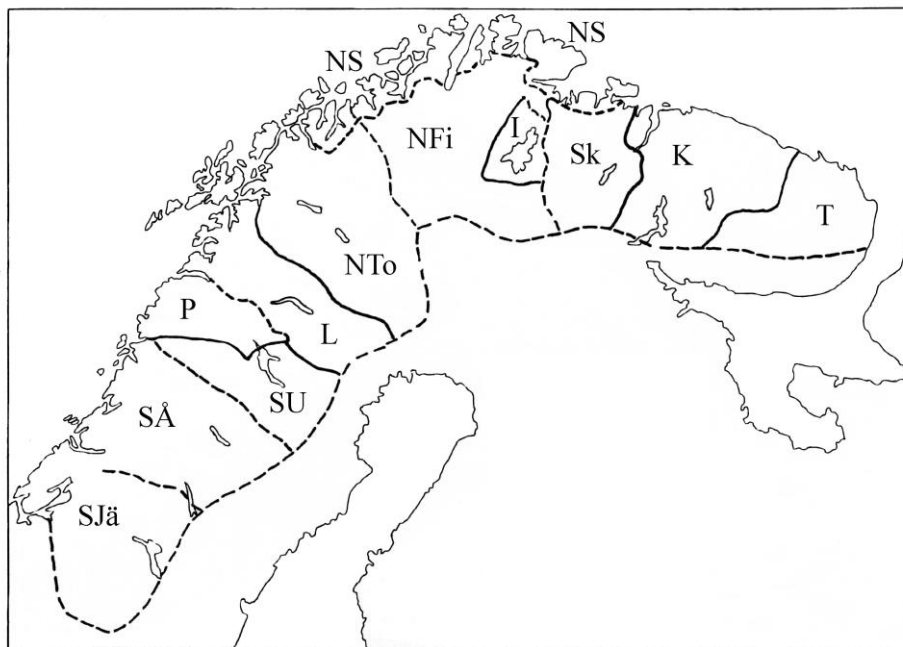

Рисунок 1. Локализация саамских языков и диалектов. SJä — южные саамы; SÅ — саамы Ууме; P и SU — саамы Пиите; L — саамы Лууле; NTo, NFi и NS — варангерские саамы; I — саамы Инари; Sk — скольт-саамы; K — кильдинские саамы; T — терские саамы.

См. Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia 370, Helsinki, 1981.

Anthropological Constructions, London & New York, 1996. Основные положения кратко даны в: Hansen L.I. and Niemi E. Samisk forskning ved et tidsskifte: Jens Andreas Friis og lappologien — vitenskap og politikk, Vitenskap, teknologi og samfunn. En innføring i vitenskapenes teori og praksis / ed. Seglen E., Oslo, 2001, pp. 350–377.

Комплексные и разнообразные связи соседствующих групп

В течение первого тысячелетия нашей эры и в первой фазе Средних веков, до появления более организованных государственных образований среди соседних народов, саамы имели комплексные и разнообразные отношения с другими группами населения как на западе, так на юге и востоке. Эти связи, вероятно, имели симметричную и асимметричную природу [4, Hansen L.I., с. 35–37; 5, Hansen L.I., с. 42–48]. Связи с другими группами Фенноскандии, вероятно, сводились к интенсивным бартерным и обменным отношениям, а также к взаимному предоставлению услуг определённого свойства, подобно тем, которые наблюдаются сейчас между различными группами саамов (т.е. так называемые «verdde» — отношения между континентальными оленеводами саамов и береговыми саамами). На востоке этнологические свидетельства, специальные лингвистические термины и топонимические исследования, вероятно, обосновывают тот факт, что саами скорее практиковали симметричный обмен и бартерные отношения регламентированного характера с балто-финскими группами населения на территории современной Финляндии и Карельском перешейке, к таковым относятся *Hämäläiset* и *Suomalaiset* [6, Itkonen E.; 7, Valonen N.; 4]. В период раннего средневековья (т.е. в течение XII века), обширный обменный процесс, распространяющийся далее на восток, вероятно, обеспечил регулярные и регламентированные контакты с балто-финским населением великих озёр Ладога и Белозеро и бассейна реки Вага [4, с. 43–45].

На западе саамы контактировали и отчасти имели обширные обменные отношения с более иерархическими норвежскими общинами, организованными в ряд отдельных, но сотрудничающих племён, которые сложились под руководством вождей во время Великого переселения народов (370–570 гг.) и эпохи Меровингов (570–800 гг.). Эти общины, вероятно, функционировали в качестве так называемых «систем перераспределения», где различного рода излишки направлялись вождю, который затем перераспределял часть излишков, а остальное оставлял для себя и своих вассалов. Некоторые из саамов, вероятно, приобщались к таким центрам перераспределения как профессиональные охотники, которых, с одной стороны, устраивал произвольный обмен продуктами в такой системе, но с другой, возникало обязательство в уплате обязательной контрибуции вождям племён. Кроме того, на юге саамы поддерживали отношения с местными элитами, населявшими крайние северные побережья Ботнического залива, которые как вели торговлю с саамами, так и взимали с них дань. В раннем средневековье такие элиты были представлены в основном *квенами*, народом, говорящем на финно-угорском языке; в силу колонизации, имевшей

место в середине и конце средних веков, населённые районы пополнялись шведами и финно-говорящими крестьянами из южных частей Финляндии [1, Hansen L.I. and Olsen B., с. 152–155].

Таким образом, с конца железного века и начала средневекового периода саамы сохраняли относительно стабильные и взаимосвязанные регламентированные отношения с рядом соседних народов. В дополнение к упомянутым выше торговле и бартеру, эти отношения, вероятно, возникли и сохранялись благодаря взаимному обмену дарами и отчасти брачным связям, а также принадлежностью к одним и тем же космологическим понятиям, сюжетам, в которых религиозные концепции саамов, финно-угров и норвежцев, возможно, имели общую основу [1, Hansen L.I. and Olsen B., с. 348–349]. Это не означает, однако, что такое взаимодействие было симметричным, стабильным и одинаковым на протяжении всего периода. Напротив, вероятно, имели место различные типы специализации и изменения контактных маршрутов и обстоятельств кооперации. Вместе с этим, вероятно, превалировали определённые региональные вариации, влияющие на оформление и выражение культурной идентификации саамов в зависимости от территории их поселения. Региональные традиции и отношения с «другими» народами вносили изменения в проявление идентификации. Язык, между тем, мог служить унифицирующим фактором среди сообществ охотников и подчёркивать их различие с окружением, в особенности с германскими народами. Очевидно, язык саамов имеет более глубокие временные корни на всех территориях проживания саамов и, возможно, уходит вглубь последнего тысячелетия до нашей эры.

Эти различные формы взаимодействия изменялись с появлением более организованных государственных образований на Севере, сопровождающихся более интенсивной христианизацией населения, сначала соседних с саамами народов, затем самих саамов.

Во-первых, консолидировалось Норвежское королевство в южной части Норвегии в XI в. и усилило свой контроль над северо-западным побережьем в течение XII и XIII в. Во-вторых, Новгородская республика, впервые упомянутая в IX в., сформировалась и установила в X–XI вв. широкие торговые связи, построив вдоль северных рек укреплённые административные форпосты, значительно внедрившись на территории говорящих на финно-угорских языках охотников-собирателей [8, Martin J.; 9, Koht H.; 4, Hansen L.I., с. 52–57]. А с юга объединённая Шведская монархия усилила свой административный и экономический контроль в XIII и особенно в XIV вв. над внутренними территориями в

северной Фенноскандии в полном согласии и сотрудничестве со Шведской церковью [5, с. 54–57, 71–74]. Таким образом, племена вдоль западного побережья замещались объединённой Норвежской монархией, взявшей на себя функции взимания налогов и дани с саамов [10, Hansen L.I.], а некоторое время спустя чиновники из Новгорода обосновались в самых восточных частях саамских территорий и взимали налоги с проживающих там саамов (вдоль западных берегов Белого моря и на Кольском полуострове) [11, Luk'jančenko T.V.]. Отличительной чертой процесса было то, что части Карельского населения селились на территориях саамов на востоке, принимая на себя роль сборщиков налогов и торговцев от имени Новгорода [12, Storå N.; 4, с. 56; 13, Hansen L.I.; 14, Hansen L.I.]. Они сохраняли эту роль почти все средние века, вплоть до раннего Нового времени, перемещаясь по всей северной Фенноскандии, охватывая значительные территории побережья на севере и западе. Но с юга налоги с саамов всё ещё собирались частными торговцами, действующими только от своего имени и продолжавшими вести экстенсивную торговлю с саамами.

В конечном итоге самые северные части Фенноскандии в период позднего средневековья оказались разделёнными на общие или совпадающие налогооблагаемые районы, где одновременно два государства претендовали на право взимания налогов с саамов. Так, на севере, общий, совпадающий русско-норвежский налогооблагаемый район простирался от Люнген-фьорда и реки Малсельва на западе до крайней восточной точки Кольского полуострова (местоположение деревни саамов Pyenne) и далее на юг вдоль южных берегов Колы до реки Veleaga (возможно, идентичной с названием Vieljoki/Vjala, притока реки Умба) [5, Hansen L.I., с. 62–68; 13, Hansen L.I., с. 32; 14, Hansen L.I., с. 300]. Одновременно, большая часть внутренней северной Фенноскандии являлась общей русско-шведской налогооблагаемой территорией. Эти общие налогооблагаемые территории установились, вероятно, в течение третьей декады XIV в. [4, Hansen L.I.; 14, Hansen L.I., с. 298–303; 15, Hansen L.I.].

Этот общий налоговый режим продолжался до конца XVI в. Но задолго до этого власти окружающих государств предпринимали агрессивные попытки, направленные на разделение между собой территорий проживания саамов согласно определённым взаимоисключающим территориальным границам. Государства стремились повысить свой собственный суверенитет или «право на гегемонию» посредством присоединения наибольшей территории с помощью ряда мер: максимально частое взимание налогов с саамов, установление местных административных и юридических институтов на территории саамов, организация самообороны. Строительство церквей и миссионерская активность по

отношению к саамам также играли важную роль. Таким образом, опосредованный контроль, который ранее осуществлялся государствами над саамскими территориями через налогообложение и торговлю, сейчас заменялся непосредственным контролем. Такая политика привела к нескольким межгосударственным войнам XVII и начала XVIII вв. Для большей части территорий саамов эти конфликты завершились мирными договорами и установлением границ в 1751 г. после Великой Северной войны. Помимо некоторых восточных саамских племён, большинство саамских сообществ, принадлежавших более чем одному государству, были распределены между государствами или оказались разделёнными новой границей [13, Hansen L.I.]. Точная граница между русской и норвежской землями, разделяющая территорию восточных саамских племен, была впервые установлена в 1826 г. [16, Aarseth B.; 17, Johnsen O.A.; 18, Hansen L.I.]. Главным эффектом этого разделения и однозначного подчинения окружающим государствам и их новым правительственным органам на территории саамов было то, что оно подорвало основу для создания автономии саамов. Саамы стали объектом светской и религиозной юрисдикции извне. Эта политика имела не только значительные последствия для правовой юрисдикции, но и для администрирования управления ресурсами. Это также имело серьёзное влияние на уровень религиозности. К концу XVII и в первых десятилетиях XVIII вв. были предприняты решительные меры против религии саамов посредством интенсивной миссионерской деятельности. Христианизация, внедрённая в культуру саамов, в значительной степени создаёт новые предпосылки к тому, как должна и как может быть сформулирована идентичность саамов [1, Hansen L.I. and Olsen B. с. 353].

Понимание жизненного уклада саами с XVII до XIX вв.

Условия для развития различных способов ведения хозяйства саами претерпевали значительные изменения начиная с VII в. и далее в силу жёсткого административного, правового и духовного контроля территорий проживания саамов со стороны окружающих государств. Одновременно центральные части сообщества саамов претерпели фундаментальные процессы трансформации. Первое место здесь следует отвести документальным свидетельствам о начальной стадии этого периода, описывающим социальную организацию саамов в форме саамской деревни *siida*. Она представляла собой традиционное локальное сообщество саамов или кооперативную организацию, состоящую из нескольких семей или домохозяйств, которое контролировало общую ресурсную территорию и совместно использовало её для сезонной миграции, охоты и эксплуатации различных ресурсных ниш. Как таковое понятие «*siida*» обозначает как единицу социальной

организации, так и пространственное расширение соответствующей территории в качестве узуфрукта [10, Hansen L.I.; 19, 20, Vorren Ø.; 21, Helander E.]. Исследования налоговых реестров и применяемых принципов налогообложения для саамов подтверждают существование этого вида сообщества во многих частях внутренних территорий Северной Фенноскандии, а также то, что социальная организация в прибрежных регионах различалась в значительной степени. В некоторых прибрежных регионах должны были существовать организации вроде сиида, но различные по величине и составу, в то время как поселения саамов в других частях, вероятно, базировались на ведении единственного хозяйства [22, Vorren Ø.; 23, Holmsen A.; 24, Holmsen A.; 25, Bjørklund I.; 26, Grydeland S.E.; 27, Grydeland S.E.; 28, Hansen L.I.]. Более того, детальный анализ показывает, что в то время как сииды, главным образом, использовались в качестве базы для налогообложения в районах их существования, применяемая система налогообложения («налог на землю», установленный Швецией) могла также служить поддержкой и утверждением этого способа организации социальных единиц [1, Hansen L.I., с. 279–293; 29, Korpijaakko K.].

В течение этих веков также произошла решающая и фундаментальная трансформация в отношении использования и эксплуатации саамами оленьего стада с дальнейшим развитием оленеводства и, наконец, полномасштабного выпаса оленей [30, Ingold T.]. Вместе с проблематикой растущего населения и организации поселений других народов Северной Фенноскандии, это привело к реструктуризации и появлению новых групп в многочисленных частях территории. Затронутые здесь центральные темы: 1) реорганизация территорий, используемых кочевыми народами при расширении миграционных маршрутов, 2) достижения по установлению границ между областями, пригодными для сельскохозяйственных поселений и колонизации их областями, подлежащими резервированию под оленьи пастбища [1, Hansen L.I., с. 288–293], 3) переход в некоторых областях от кочевого и полукочевого образа жизни к постоянным фермерским хозяйствам и 4) междоусобицы и выделение так называемых «общих земель» в горных районах Норвежской стороны. Вместе с новыми административными мерами и сменой приоритетов со стороны властей, это привело к возникновению весьма различных взглядов на варианты дальнейшего развития обычных прав саамов. В некоторых областях возникали значительные препятствия в практике традиционного жизнеобеспечения саамов, однако в других местах обычное право саамов принималось даже государственной юрисдикцией с обеспечением правовой защиты, хотя иногда и временной. Рамки данной статьи, однако, ограничивают возможности дальнейшего обсуждения данных процессов.

**Создание письменной истории саамов:
двойная востребованность и некоторые перспективы во взаимосвязи**

Эта многосторонняя реляционная ситуация в отношении того, что саамы нашли своё место в истории, также повлияла на сам подход к истории саамов, когда речь идет о научном исследовании, анализе или презентации. Прежде всего, следует определить различия между внутренней и внешней точками зрения: между стремлением самих саамов представить свою собственную историю, исходя из своей позиции, опыта и географического положения, с одной стороны, и между культурой и историей саамов как предметом исследования со стороны традиционных академических дисциплин в сфере гуманитарных и социологических наук, с другой. В начале и середине XIX в. западные академические науки претерпели дифференциацию, в результате которой современные, выделенные исторические, социологические и этнографические дисциплины были определены более точно, очерчены и, так сказать, «дисциплинированы» — по сравнению с ранним, более схоластическим, не дифференцированным подходом к культуре, социуму и истории различных народов. Различие было установлено, и исторический динамизм, и развитие («эволюция») главным образом приписывались некоторым народам Западной и Центральной Европы, а также Северной Америке, в то время как другие народы рассматривались носителями меньшего динамизма, недостаточного развития и более застойных социальных условий, исходя из очень стабильных социальных институтов и почти перманентных способов ведения хозяйства (жизнеобеспечения). Последние в значительной степени стали характеризоваться как «примитивные» [31, Kuper A.]. И в то время как историческая наука главным образом была сосредоточена на анализе и толковании исторического развития условно «динамичных» сообществ запада, определяя исторические условия и истоки этих современных «национальных государств», предположительно «примитивные» сообщества стали предметом исследования новой независимой науки *этнографии*. Сопутствующим эффектом этого стало принятие на себя исторической наукой функции «государственного строительства» (для тех Западных государств, которые в последнее время были объединены или учреждены вдоль национальных границ), не в последнюю очередь продвигаемой немецким историком Иоганом Готфридом Хердером (1744—1803) и поиск свидетельств и непрерывных связей, подтверждающих существование этих народов и наций в прошлом [32, Iggers G.G. and Wang Q.E., Mukherjee S.].

Хотя саамы в этот период выпали из основных рамок исторической науки, тем не менее академические усилия по изучению раннего проявления национальной культуры,

сплочённости и идентичности предпринимались некоторыми национальными авторами саамов, которые попытались представить историю саамов, их адаптацию и образ жизни, отношения с другими народами с их точки зрения и на основании имеющейся информации, концепциях и традициях, равно как и на основании их собственного опыта.² Авторы этих работ: Йохан Тури (1854–1936) с произведением «Muitalus sámiiid birra» («История о Саамах») [33], Анта Пирак (1873–1951) «Jáhttee saamee viessoom» («Жизнь Кочевника») [34; 35] и Андрес Ларсен (1870–1949) «Mearrasámiiid birra» («О морских Саамах», 1949) [36; 37].

Современный, но отличающийся подход к истории саамов можно найти в произведении Хенрика Квандала (Henrik Kvandahl) (1865–1950) из Офотена, опубликовавшего три издания «История Саамов» в 1925, 1947 и 1950 гг. Квандал представил исследование точек зрения на происхождение и раннюю историю саамов, основываясь на широком отборе классических авторов от античности до XVIII в. Но в то же время он ссылаясь на подробные детали и точность длинного ряда эмпирических источников, документально фиксирующих факты поселения и присутствия саамов в районах Южного Тромса и Северной Нордландии во временном промежутке от XVI в. и до начала проведения переписей населения в конце XIX в. [38, 39, 40, Kvandahl H.; 41, Minde H.].

Можно сказать, что большинство таких работ представляют различные «ситуативные подходы», описывая синтез культуры саамов, историю и образ жизни с точки зрения некоторых местных или региональных авторов, на основании унаследованных местных или региональных традиций и опыта.

Совместно с этой тенденцией, история и культура саамов, как мы увидели, довольно рано стала рассматриваться как предмет исследований определёнными академическими дисциплинами, анализирующими культуру и формы социальной организации, даже если их подходы попадали под влияние конструкции «примитивное сообщество»/«развитое сообщество», как отмечено выше. Сначала материальная и нематериальная культура саамов, история и социальная организация были объектом изучения таких наук как этнография, этнология, фольклористика и география, а затем, в более позднее время, истории и археологии. К исследованию в рамках этих наук также привлекались учёные национальности

² Конечно, многие саамы, как, например, Сэмюэль Риин и Олоф Сирма, выступили значительно раньше с информацией или основательными докладами о культуре саамов, образе жизни и способах ведения хозяйства, чтобы они могли послужить основанием или подготовительным материалом для более охватывающего этнографического описания, выполненного различными авторами с конца XVII в. и в течение XVIII в., такими как Иоган Шеферус и Кнуд Леем. (Berättelser om samerna i 1600-tallets Sverige, faksimileutgåva av de s.k. prästrelationerne m.m., Umeå, Kungl. Skytteanska Samfundets Handlingar № 27), 1983. Но так как эти попытки предшествуют дифференциации научных дисциплин касательно истории саамов, как описано выше, далее здесь они обсуждаться не будут.

саамов, которые были пионерами в областях изучения социальных и культурных черт и условий саамов, результатом чего явился ряд работ, написанных учёными, но в то же время, отражавшими специфическую точку зрения самих саамов. Среди таких работ встречаются работы более локального характера, что продиктовано позицией и интересами автора, но всё-таки представляющие собой научное исследование. Выдающимся представителем этой тенденции является Израэль Руонг (1903–1986), который дал в своей работе глубокий анализ более определённых социальных процессов [42; 43] и обобщения широкого ракурса — “Samerna — i historien och nutiden” [44]. Среди других национальных учёных саамов, продолживших эту тенденцию в последующее время, можно отметить Самули Айкио [45], Сверре Фьелхайм [46; 47], Йохана А. Калштад [48; 49] и Оге Солбакк [50; 51]. Другие специфические исследования недавнего времени были выполнены Оддмундом Андерсеном (появление кочевого оленеводства), [52; 53], Томасом Андерсеном (комбинация жизненных укладов «саамы отдалённых земель» Южного Тромса) [54] и Лайфом Ельсватном (жизнеобеспечение и эксплуатация ресурсов оседлым населением саамов юга в некоторых сообществах) [55].

Специфические задачи и вызовы, выдвинутые многокультурной ситуацией

Хотя существует ряд крупных работ по культуре и истории саамов, опубликованных учёными-саамами, нельзя не заметить, что ситуация в этой сфере весьма сложна и характеризуется различными точками зрения и противоречиями, обусловленными мультикультурным положением и связями саамов, что, собственно, составляет основу культурного и социального развития саамов.

С одной стороны, просматривается правовая необходимость в укреплении этнической идентичности саамов, а также в использовании концепций и сообщений о ранних социальных и культурных процессах, относящихся к сообществу саамов в попытке создания отдельной, собственной идентичности наряду с другими народами Северной Фенноскандии. Это было бы равносильно оправданной попытке по созданию чёткого, описательного и аналитического исторического процесса и его последствий, которые на протяжении нескольких веков замалчивались и подавлялись как результат государственных политик по ассимиляции и интеграции.

Но в этом контексте также чувствуется острая необходимость в проведении исследований по более специфическим направлениям и более специфическим вопросам, освещение которых могло бы оказать большое влияние или создать значительный потенциал для сохранения и обеспечения правовой защиты сегодняшнему или будущему

положению культуры саамов, социальным институтам и образу жизни в современном обществе. В этом контексте изыскания и скрупулёзное картирование прежних правовых условий, связанных с различными способами ведения хозяйства саамов и формами управления ресурсами, имеют большое значение. Не менее важной представляется задача по демонстрации и подтверждению присутствия саамов в различных регионах в прошлые эпохи, как попытка доказать несостоятельность «техник замалчивания» прежних времён. Также многие несаамские учёные внесли свой вклад в развитие этого вопроса в своих классических работах: Вайнё Таннер (*Väinö Tanner*), исследования социальной организации и образа жизни восточных саамов с 1929 г., [56], Эрика Солем — правовых традиций саамов с 1933 г. [57]. Некоторые из этих подходов были развиты в исследовании Хелмера Тегенгрена по истории Кемских саамов в течение веков (1952 г.) [58], но более строгое развитие правового исторического подхода было представлено в исследовании правовых последствий построения так называемой «нематрикулярной» государственной собственности Финнмарка Сверре Тоннесена (1972) [59]. Монументальное исследование процесса перехода к оседлому образу жизни и росту фермерских поселений среди саамов в Луле на Шведской стороне провёл Филип Хултблад в своем трактате от 1968 г., где привел глубокую реконструкцию родственных связей, которые отразились в географо-топографических формированиях [60]. С этой же позиции здесь следует отметить работы Орнульва Воррена, Йохана Альберта Калстада и Дикки Сторм, опубликованные в 1978 г. государственной комиссией *Ressursutvalget Finnmarksvidda* в официальном докладе [61], где авторы проводили картирования традиционных местных практик и обычного права, регулирующего эксплуатацию ресурсов саамов во внутренних районах округа Финнмарк. Данный подход был продолжен пять лет спустя в культурно-исторической презентации критериев, которые рассматривались при оценке необходимости сохранения различного вида культурных останков (1983).³

В последующие годы был опубликован ряд более специфических исследований истории особенных групп саамов, определявшихся либо регионально или тематически по среде обитания, либо по образу жизнеобеспечения. Среди этих работ следует отметить исследование Астри Андерсен об оленеводах-кочевниках XIX и XX вв. в Торне Лапмарк [62], работу Аллана Кристенсена о традиционных правах Варангерских саамов XVII и XVIII вв. [63], работу Ларса Ивара Хансена о саамской организации свободных земель XVII в. [64] и

³ Kulturminner og vassdragsvern, utredning fra Styringsgruppen for vurdering av kulturverdiene i 10 års vernede vassdrag oppnevnt av Miljøverndepartementet 30. juni 1978, NOU 1983:43.

исследование Дикки Сторм поселений и эксплуатации ресурсов саамов «отдаленных местностей» (markasamer) в южной части округа Тромсё [65; 66].

Исследование практик и обычаев, регулирующих использование общих земельных ресурсов в долине с преобладающим саамским населением в Северном Тромсё, опубликовано Бьёрном Беркли и Трондом Туеном [67]. Множество данных исследований и точек зрения за предыдущие годы было обобщено и опубликовано в официальных отчётах в качестве источника для работ правительственных комиссий с целью уточнения и выработки предложений по исполнению ресурсных прав саамов как в пределах округа Финнмарк, так и на территориях к югу от Финнмарка.⁴ Особые права приморских саамов, свойственные им традиционные виды рыболовства также рассматривались специально назначенными комитетами.⁵

Рефлексия

В то же время анализ и написание истории в последние десятилетия сталкивались с новыми теоретическими вызовами, явившимися результатом обновлённого взгляда на историю как на повествование и её значение. В силу преобладающих постмодернистских и конструктивистских позиций увеличивался скептицизм в отношении возможности изложения или объяснения «единой истории». С одной стороны, поддерживается призыв к созданию нескольких специальных и узких историй, с другой стороны, наблюдается стремление принять во внимание тот факт, что имеющийся в распоряжении ряд методов и подходов может быть использован в качестве предпосылки для анализа и понимания более общих исторических процессов, но эти методы и подходы в то же время препятствуют осмыслению [68, Fulsås N.]. Таким образом, задача по написанию и созданию «одной, единой национальной истории» в определённой степени дискредитируется и подменяется призывом к созданию «ряда историй», написанных исходя из нескольких точек зрения. Отчасти многие из последних узких подходов к анализу и описанию истории различных подгрупп саамов, исходя из их регионального и адаптационного разграничения, можно рассматривать как реализацию такого призыва: намеренно или нет.

Однако в сфере теории науки возникают более критические мнения касательно того, какие базовые предпосылки и понятия используются учёными не саамской принадлежности при подходе к различным частям сообщества саамов для проведения научных исследований или сбора данных. Такая критика возникла в 1974 г. в программной статье «Научное

⁴ Cf. Samisk naturbruk og rettssituasjon fra Hedmark til Troms. Bakgrunnsmateriale for Samerettsutvalget (Norges offentlige utredninger 2007:14), Oslo, 2007.

⁵ Cf. Innstilling fra samisk fiskeriutvalg, 1993; Retten til fiske i havet utenfor Finnmark, 2008:5.

исследование как межэтническое отношение», написанной учёным-саамом Альфом Исаком Кескитало [69]. Здесь автор даёт начало фундаментальной критике так называемых «этнонаук», т.е. тех социальных наук, которые традиционно наиболее вовлечены в картирование и анализ культурных черт и социальных институтов сообществ саамов, таких как этнология, этнография, социальная антропология и часть социологии. Автор придерживается той позиции, что эти дисциплины не уделяют достаточного внимания тому факту, что в практических методах исследования (во время проведения полевых работ или наблюдений в локальных саамских сообществах), а также в методах публикации результатов этих исследований, все отношения вовлечены в фундаментальные силовые отношения между большинством и меньшинством сообщества. Таким образом, научное исследование представляет сами по себе межэтнические отношения со множеством асимметричных аспектов. Здесь следует отметить следующие моменты: 1) трудности или невозможность для внешнего исследователя передать реальные мотивы и методы исследования и неспособность полевого учёного понять сложность общественных отношений изучаемого сообщества, 2) «преимущество» исследователя, когда дело доходит до интерпретации наблюдаемого социального факта сообщества, в дальнейшем усугубляется тем обстоятельством, что результаты исследования, которые в то время часто публиковались в форме и на языке, к которым изучаемое сообщество не имело свободного доступа, также могли отражаться на политических решениях, принимаемых властями в отношении изучаемых групп. Это продолжало усиливать асимметрию, видимую в каждом аспекте, и невозможность установления реального, практического взаимодействия. Для Кескитало центральный вопрос состоял в том, откажутся ли «этноучёные» от составления целостных программ для исчерпывающего теоретического понимания меньшинства, устанавливая таким образом монополию на информацию, к которой само меньшинство вынуждено обращаться [69, с. 35]. Кескитало полагал, что этого можно достичь только заменой антропологического универсального догматического учения о научной, социальной и когнитивной прозрачности, с помощью которой внутренняя сложность объясняется как «общее понимание», на существенную непрозрачность, посредством которой создание финальных теорий о собственных проблемах и отношениях меньшинства предоставляются самому меньшинству.

Не так давно музей Nordiska Museet в Стокгольме организовал представительный симпозиум по различным научным исследованиям культуры и общества саамов [70]. Наряду со множеством научных направлений были представлены, в частности, такие дисциплины,

как археология, этнология, этнография, география, история, демография, социология и лингвистика. Уже на этом мероприятии Оле Хенрик Магга затронул те же вопросы, позже также поставленные Кескитало. Помимо прочего, были подняты проблемы сильного давления, испытываемого учёными и студентами из множества стран при изучении культуры и общества саамов, независимо от того, откуда они приехали, и необходимости рекрутинга учёных саамской национальности в эту сферу как преимуществ для получения качественной «инсайдерской информации» о культуре и положении саамов [71].

В некоторой степени, слабым местам и вызовам, на которые указывали Кескитало и Магга, уделялось внимание в течение последних 40 лет как со стороны всё растущего числа саамских учёных, так и со стороны общественных наук, совместно с серьёзными попытками сделать саамский язык академическим языком. Свидетельство этого — периодическая публикация на саамском языке издания «Sámi dieđalaš áigečála».

***Корректировка и дополнение историй окружающих государств
и их «национальных историй»***

Помимо необходимости изучения старинных саамских обычаев и правовых традиций с экскурсом в более ранние эпохи на предмет поиска следов таковых традиций и обычаев, также существует базовая необходимость в корректировке «национальных историй» окружающих государств по некоторым вопросам.

Так, следует выделить актуальные мультикультурные и мультиэтнические фундаменты этих государств на протяжении веков. Это влечёт за собой длинный процесс, длящийся с середины средних веков до первых десятилетий XX в., вследствие которого территории саамов в северной Фенноскандии оказались разделёнными между различными соседними государствами. Этот длительный процесс — или даже несколько охватывающих процессов — можно сказать, имел начало с разграничением частично перекрывающихся налогооблагаемых территорий в середине и конце средневековья, затем продолжился в связи с обострением соперничества из-за земли, населения и ресурсов с конца XVI в. и до 1751 г. и закончился кульминацией закрытия границ для различных групп кочевых саамов с конца XIX в. и для оленьих стад фактически до начала или середины XX в [72].

Эти процессы представляют несомненный интерес и заслуживают изучения как таковые в качестве истории о том, как общество и район обитания саамов оказались колонизированы и интегрированы в структуру окружающих государств. Но наиболее важным аспектом этих интеграционных процессов с точки зрения саамов, и эта точка зрения отстаивается здесь, является то, что изучение саамов выявило «тёмные стороны» различных

подходов, применяемых государствами по «национальному строительству», и имеющие место этой связи несправедливость и вторжения. Таким образом, этот аспект исследования в презентации истории саамов должен также включать в себя критический анализ того, как образ жизни саамов, способы жизнеобеспечения, верования и характерные культурные черты рассматриваются государственными администрациями: или игнорируются, через признание их не существующими, посредством применения специальных категориальных процессов, или, более активно и агрессивно, — противопоставляются или устраняются с помощью таких мер как *миссионерская деятельность и политика ассимиляции* в сфере культуры и лингвистики (через образовательную и школьную системы), а также специальных дискриминационных правовых мер с целью ограничить и изолировать возможности практики специфических для саамов образа жизни и способов жизнеобеспечения.

Анализ определённых вопросов политической сферы, например, разделение населения саамов на различные категории, определяемые и размещаемые согласно точке зрения государств в соответствии с их политическими целями по установлению национальных границ по используемым саамами ресурсным территориям, был проведён Диккой Сторм и Эвьеном и Хансеном [73; 74].

Миссионерская деятельность XVII и XVIII вв. выделяется как главное средство в этом контексте [75, Rydving H.; 76, Storm D.; 77, Storm D.; 78, Storm D.]. Ассимиляционная политика и её результаты также исследовались и анализировались некоторыми учёными. Фактически, один из ранних трактатов по анализу применения так называемой «норвегизации» с позиций саамов был написан выдающимся лингвистом и исследователем культуры саамов Йустом Кнудом Квикстадом в 1907 г. [79; 80, Hansen L.I.].⁶ В первых десятилетиях XX в. эта тема поднималась в нескольких случаях: в одном — так называемой радикальной оппозицией против норвегизации, с которой Квикстад, вероятно, сотрудничал в некоторой степени [81, Otterbach J.]. Жёсткие требования и санкции в отношении саамов в период норвегизации и последствия, которые она имела для ограничения их возможности контролировать и пользоваться их традиционными ресурсными территориями в некоторых частях Норвегии, исследовались Регнором Йернслеттенем, который взял за основу анализа так называемый «Jordsalgsloven» от 1902 г. [82]. Согласно этому «закону о продаже земли», купить землю для ведения сельского хозяйства в округе Финнмарк мог только тот, кто хорошо владел норвежским языком, и это было принято за абсолютное условие. Законы и

⁶ Хочу выразить благодарность старшему лектору Кетил Закариассен (*Ketil Zachariassen*), IHR, UiT — Арктический Университет Норвегии, за привлечение моего внимания к этому аспекту в книге Квикстада.

препятствия, устанавливаемые различными государственными властями в отношении оленеводства саамов, были широко освещены в исследовании Нильса Йохана Пайвио [83]. Свидетельства более документального характера, представленные, например, в форме описания традиций и воспоминаний ранних форм кочевой миграции между различными ресурсными территориями по обе стороны шведско-норвежской границы, могут служить важной функцией в этом отношении, как, например, презентация традиционных передвижений саамов «Könkätävuohta-Sámi» автора Ларса Валькеапа [84].

Методологические вопросы

Позиции, освещённые и изученные выше, чётко доказывают, что научное исследование исторического процесса сообщества саамов и аналитическая презентация этих тем отвечают значительным и фундаментальным вызовам. Это следует не только из ситуации с источниками и культурными перспективами тех, кто создал или повлиял на эти письменные источники так, чтобы предыдущие социальные процессы и культурные значения и традиции могли быть неправильно поняты, неправильно представлены, реструктурированы или подвергнуты цензуре. Наиболее фундаментальные дилеммы и проблемы интерпретации вызваны различными изменениями и трансформациями, которые претерпело культурное и социальное взаимодействие с другими группами, на фоне смещения симметричных / асимметричных силовых отношений в той или иной группе. В этих условиях демонстрация этнической идентичности саамов также претерпела значительные трансформации на протяжении веков. Это вытекает из динамики этнических сигналов и выражения этнической идентичности при различных обстоятельствах и в разных контекстах: что значит быть саамами — в смысле сотрудничества или противопоставления с другими — со временем изменилось в своём практическом, географическом и кооперационном контексте. Также изменились и этнические сигналы.

Реконструкция истории саамов с исследованием социальных и исторических процессов в её относительном и динамическом смысле, вероятно, зависит от ряда специфических методологических вопросов. В качестве некоторых заключительных замечаний мы бы хотели предложить следующее:

Интегрированная комбинация нескольких дисциплинарных подходов

Цель заключается в попытке компенсировать ряд различных, неправильно представленных и, возможно, противоречивых свидетельств о некоторых практиках саамов, оставленных в виде материальных источников, традиционно являющихся предметом интенсивного изучения одной или нескольких историко-культурных дисциплин. Это

включает, например, анализ культурных останков в отношении письменных источников относительно лингвистических материалов; предметов искусства и ремесла (duodji), фольклор и устные знания (handlingsbåren kunnskap) [85, Dunfjeld M.]. Полезность в дополнительных интервью с целью документирования остатков традиционных знаний и накопления единиц информации также представляется относительной.

Базируясь на таком комбинированном подходе, возможно произвести коррекцию каких-либо встроенных отклонений в одной из категорий источников, в которой эмпирическое свидетельство, традиционно изучаемое одной дисциплиной, может содержать информацию, которая в противном случае может игнорироваться или опускаться в сведениях другого типа. В анализе возможных связей между обществом саамов Южного Тромсё и элитой соседнего северного племени в конце железного века – начале средних веков Л. Хансен использовал интегрированный подход, основанный как на топонимическом исследовании, так и на ретроспективном анализе отношений собственности и изучении сложной совокупности культурных останков на территории [86]. Но, очевидно, данный подход также представляет собой фундаментальный методологический вызов в отношении того, как следует строить определённые выводы, исходя из потенциально противоречивых форм свидетельств.

Подход, рассматривающий изменяющиеся проявления этнической идентичности и культурных практик саамов в течение веков

Широкий диапазон исследований в сфере особенно значимых культурных черт, призванных продемонстрировать этнический признак саамов — так называемые «диакритические маркеры», по терминологии социальной антропологии [2, Barth F.] — значительно изменяется от периода к периоду. В качестве иллюстрации предлагается два простых примера: русский археолог Н.А. Макаров показал, как многочисленные металлические подвески с «зооморфными» орнаментами и фигурками, произведенными другими финно-угорскими народами в центре территории Пермь — Волга и на территориях к югу от Ладоги и вокруг Белого озера, обнаруживались в захоронениях саамов в северной Фенноскандии в течение XI–XIII в. [87, Makarov N.A.]. Большинство из них имело форму или изображало животных, которые могут быть связаны с концепцией шаманских путешествий. Очевидно, эти объекты считались саамами весьма ценными, с которыми трудно расстаться, и их помещали в захоронения. Таким образом, эти украшения служили важным этническим маркером в отношении норвежского населения и других не саамских народов Фенноскандии. Другой характеристикой, которой придаётся значение, является то, что

определённые черты традиционного костюма саамов (gákti), можно обнаружить в ранних характерных чертах скандинавского и центрально-европейского стиля одежды, который, предположительно, мог быть заимствован в различные временные периоды, например, во время раннего средневековья или в эпоху ренессанса [88, Zachrisson I.].

Исследования в области распространения первых зафиксированных имён среди саамов и норвежцев в Южной части округа Тромсё с 1567 по 1661 гг. также обнаруживают интересные черты. Оказывается, что обе этнические группы в определённой степени использовали именной материал древних норвежцев, почитаемых как святых в средние века или, с другой стороны, принимались церковью, как Св. Олаф и Св. Хальвард. Но помимо этой общей традиции, саамы и норвежцы использовали совершенно различные первые имена в XVI и в первой половине XVII вв. Если норвежцы в основном использовали имена святых, популярных в Европе в позднем средневековье, саамы же воздерживались от этих именных форм. Вместо этого они использовали производные формы из древнего норвежского материала, подобно языческим именам, записанным в литературе саг. Определённо, изучать можно только имена, записанные в официальных норвежских источниках, и нельзя исключать существования отдельной, не зафиксированной именной традиции среди саамов, но, так или иначе, это демонстрирует, что для имен в «официальном использовании», эти две группы выделялись тем, что использовали различные части сохранившихся именных источников. [89, Hansen L.I.; 90, Hansen L.I.]. Различные прямые проявления этнической принадлежности также могли затухать в определённые периоды и затем вновь выступать на передний план в другое время, как демонстрирует опыт прошлых лет.

Подход, рассматривающий актуальность и важность социального взаимодействия с соседними группами и партнерами, охватывающий как симметричные, так и асимметричные связи

Данный подход может служить средством для отслеживания и коррекции негативных и дискриминационных мер, принимаемых государством в отношении саамов, как описано выше — результат специальных усилий одной или более властных структур. В дополнение, он может послужить мотивом для попытки картировать, документировать и анализировать характер поселений саамов в регионах, где присутствие саамского народа раньше тщательно замалчивалось в силу превалирующих стереотипов об этническом составе населения. Альф Рагнар Нильсен, например, сделал реконструкцию значительного присутствия и поселений саамов на Лафотенских островах с начала средних веков и далее в XIX в. [91]. В то же время данный подход базируется на мультидисциплинарном подходе, см. выше.

Кроме того, преимуществом применения данного подхода является также то, что он приветствует использование всех видов источников и материалов, используемых для привлечения внимания к ситуации или процессам, касающимся саамов. На наш взгляд, это означает, что исследователь не должен замыкаться только на источниках, *которые говорят непосредственно или однозначно о саамах или относятся к их деятельности прямым, позитивным образом*. Касательно вопросов, где трудно обосновать присутствие саамов или существование прошлых и современных прав саамов, исследование будет плодотворным, а во многих случаях весьма плодотворным — исследование источников, отражающих активность и колебания *взаимодействующего партнёрства* саамов с Норвегией, Швецией, Финляндией и Россией. В этом случае, присутствие саамов или динамика может быть опосредованно отражена социальной или демографической динамикой других групп.

Реконструкция определённого вида права на собственность саамов в Тромсё и Нордландии продолжается в течение XVII в. — так называемая «организация свободных земель саамов» иллюстрирует это: центральный вопрос заключался в том, насколько далеко распространяются права саами на собственность, действительно ли они имеют преимущество и могут выгнать возможных норвежских арендаторов, оккупировавших исконно саамские поселения, периодически временно оставляемые саамами в поисках новых форм жизнеобеспечения, таких как специализированное рыболовство. Если саамы не имеют специальных прав, тогда места их поселений не имеют специального статуса и могут арендоваться норвежцами на обычных условиях аренды. Таким образом, решающий вопрос состоял в том, следует ли за общим правом наследования индивидуальное право на земли под влиянием общего спроса на землю или же право наследования предполагает внезапный захват со стороны арендаторов, т.к. саамам приходилось действовать на той же территории и таким же образом, как норвежцы. Поэтому определённого вывода о реальной эффективности применения права наследования саамов сделать нельзя, прежде чем право наследования обеих сторон арендаторов не будет картировано и сравнено. Другими словами, детальное изучение правопреемства среди норвежцев было существенным, решающим, методологическим шагом, прежде чем как какие-либо заключения были сделаны по поводу правового статуса обычного права саамов [92, Hansen L.I.; 93, Hansen L.I.].

Региональная и локальная ситуация, вызванная перспективой взаимоотношений

Таким образом, следует полагать, что анализ и повествовательная презентация истории саамов создают несколько проблем на совершенно разных уровнях. Это не только проистекает из позиции взаимоотношений и позиции «меньшинства», приписываемой

саамам в силу контролирования окружающими государствами различных частей населения и территории саамов, такая позиция имела значительные последствия для формирования «истории саамов» и «культуры саамов» в асимметричной перспективе взаимоотношений. Очевидно, это имело определённые последствия, выраженные в подходе к исследованию «саамских вопросов» с позиций «аутсайдер» против «инсайдера». Но дилемма не ограничивается только этими вопросами на более общем уровне, но также имеет последствия при анализе источников и их фактических аспектов. Условия для преодоления этих проблем, проистекающих из анализа на общем уровне, кажутся, тем не менее, наилучшими при подходе к ним в локальных или региональных исследованиях, где специфические особенности материала источника могут быть изучены детально, одновременно с опорой на широкий спектр возможных источников и показателей.

Литература / References

1. Hansen L.I. and Olsen B. *Hunters in Transition: An Outline of Early Sámi History*, Brill, Leiden, 2014, 402 p.
2. Barth Fr. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*, Bergen — Oslo — London, 1969, 155 p.
3. Odner K. *Finner og terfinner. Etniske prosesser i det nordlige Fenno-Skandinavia*, Oslo, Oslo Occasional Papers in Social Anthropology, volume No. 9, 1983, 132 p.
4. Hansen L.I. Interaction between Northern European sub-arctic Societies during the Middle Ages, *Two Studies on the Middle Ages* (KULTs skriftserie No. 66) / ed. Rindal M., Oslo, 1996, 239 p.
5. Hansen L.I., Lundholm K., Semënov V., Vahtola J. The Dawn of State Formations 800–1550, *The Barents Region — A transnational history of subarctic Northern Europe* /ed. Elenius L., Oslo, Pax Forlag, 2015, pp. 18–84.
6. Itkonen E. *Suomalaisugrilaisen kielen ja historian tutkimuksen alalta*, Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1960, pp. 123–131.
7. Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia [Early Contacts between the Lapps and the Finns], *Ethnologia Fennica Finnish Studies in Ethnology*, 1980.
8. Martin J. *Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for medieval Russia*, Cambridge, Cambridge University Press, 1986, 288 p.
9. Koht H. Gråfjelden i norsk historie, *Verda og Noreg. Historie frå skilde tider*, Oslo, 1962.
10. Hansen L.I. Siida *Norsk historisk leksikon [Norwegian Historical Encyclopedia]* /eds. Imsen S. and Winge H., Oslo, 1999, pp. 374–375.
11. Luk'jančenko T.V. *Material'naja Kul'tura Saamov Kol'skogo Poluostrova konca XIX–XX vv.*, Moskva, 1971, 167 p.
12. Storå N. De ryska klostren och Kola — samernas rätt till jakt og fiske, *Samenes og sameområdenes rettslige stilling historisk belyst. Foredrag og diskusjoner på symposium avholdt 7.–9. november 1973* /ed. Bergsland K. (Instituttet for sammenliknende kulturforskning. Serie a: Forelesninger XXVIII), Oslo — Bergen — Tromsø, 1977, pp. 78–102.
13. Hansen L.I. Grensefastsettingen på Nordkalotten fra middelalderen til 1751: Folkeslag — strategier — prinsipper, *Det farefulle nord. Trusler og trusseloppfatninger knyttet til Nord-Norge gjennom tusen år*, Skriftserie fra Institutt for historie, Universitetet i Tromsø, No. 1 /eds. Fagertun F., Myhre J.E. and Ryymin T., Tromsø, 2001, pp. 11–51.
14. Hansen L.I. Norwegian, Swedish and Russian 'tax lands' in the North, *Taxes, tributes and tributary lands in the making of the Scandinavian kingdoms in the Middle Ages* / ed. Imsen S. Tapir Akademisk Forlag, 2011, pp. 295–330.

15. Hansen L.I. The Overlapping Taxation areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern times, *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders* / eds. Jackson T. and Nielsen J.P., Moskva, Languages of Slavonic Culture, 2005, pp. 40–61.
16. Aarseth B. Fra Nordkalottens historie, en samling artikler, *Ottar*, Vol. 84, Tromsø, 1975, 54 p.
17. Johnsen O.A. *Finmarkens politiske historie, aktnæssig fremstillet* (Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist.fil. klasse 1922), Kristiania, 1923.
18. Hansen L.I. Innledning, volume III of *Major Peter Schnitlers grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*, published by Kjeldeskriftfondet, Oslo, 1985, pp. VII–XLIV.
19. Vorren Ø. Siida-områder på "Sör-Fieldit" under veidekulturens siste fase, *Kultur på karrig jord. Festskrift til Asbjørn Nesheim* (By og Bygd, volume XXVI), 1978 (b), pp. 259–274.
20. Vorren Ø. Samisk bosetning på Nordkalotten, arealdisponering og ressursutnytting i historisk-økologisk belysning, *Nord-Skandinaviens historie i tvärvetenskapelig belysning* / eds. Baudou E. and Dahlstedt K.-H. (Acta Universitatis Umensis. Studies in the humanities 24), Umeå, 1980, pp. 235–261.
21. Helander E. Sami subsistence activities — spatial aspects and structuration, *Acta Borealia: a Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 1999, volume 16, (No. 2), pp. 7–25.
22. Vorren Ø. 3.2. Bosetning og ressursutnytting, *Finmarksvidda: natur — kultur* / eds. Gjærevoll O. et al., NOU, 1978: 18 A, pp. 144–162.
23. Holmsen A. Finneskatt, finneleidang og nordmannsleidang, *Gard, bygd, rike. Festskrift i anledning Andreas Holmsens 60 års dag 5. juni 1966*, Oslo, Universitetsforlaget, 1966.
24. Holmsen A. Finnskatt og nordmannsskatt. *Samenes og sameområdenes rettslige stilling historisk belyst. Foredrag og diskusjoner på symposium avholdt 7.–9. november 1973* (Instituttet for sammenliknende kulturforskning. Serie a: Forelesninger XXVIII) /ed. Bergsland K., Oslo — Bergen — Tromsø, 1977, pp. 56–75.
25. Bjørklund I. *Fjordfolket i Kvænangen: fra samisk samfunn til norsk utkant 1550–1980*, Tromsø, Univ. forlaget, 1985.
26. Grydeland S.E. *Den sjøsamiske bosetting i Kvænangen fra seinmiddelalder til ny tid: en arkeologisk studie i kontraster*, (Major thesis in archaeology, University of Tromsø), Tromsø, 1996.
27. Grydeland S.E. *De sjøsamiske siida-samfunn: en studie med utgangspunkt i Kvænangen*, 2001, Nord-Troms museums skrifter, volume 1.
28. Hansen L.I. *Handel i nord. Samiske samfunnsendringer ca. 1550 – ca. 1700*, (Dr.philos. dissertation, University of Tromsø), Tromsø 1990 (a).
29. Korpijaakko K. *Jordbeskattning, jordnaturer, nybyggerverksamhet och skogslagstiftning i Lappmarken från 1500-talet till medlet av 1700-talet*, (Samerna och jordäganderätten, volume 2), 1985.
30. Ingold T. *Hunters, pastoralists and ranchers: reindeer economies and their transformations*, (Cambridge studies in social anthropology 28), Cambridge, Cambridge University Press, 1980.
31. Kuper A. *The Invention of Primitive Society. Transformations of an illusion*, London & New York, 1988.
32. Iggers G.G. and Wang Q.E. with contr. from Mukherjee S. *A Global history of Modern Historiography*, 2008.
33. Turi J. *Muitalus sámiid birra*, Jokkmokk, Sámi girjjit, 1987.
34. Pirak A. Jåhttee saamee viessoom. Upptecknat och försett med inledning av H. Grundström, *Skrifter utg. av K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala*, 31:2, Uppsala – Leipzig, 1937.
35. Pirak A. [Swedish translation] En nomad oc hans liv. Upptecknad och översatt av H. Grundström, *Skrifter utg. av K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala*, 28:3, Uppsala — Leipzig, 1933.
36. Larsen A. Mærrasámiid birra, *Acta Borealia, B. Humaniora*, No. 16, Tromsø Museum, Tromsø, 1979.
37. Larsen A. Om sjøsamene. Oversatt fra samisk av J. Qvigstad, *Tromsø Museums Årshefter* 70, No. 2, Tromsø, 1950.
38. Kvandahl H. *Samefolks historie*, Røros, 1925.
39. Kvandahl H. *Samenes historie II–III*, Trondhjem, 1932.
40. Kvandahl H. *Samenes historie II–III*, Tromsø, 1947.
41. Minde H. Diktning og historie om samene på Stuoranjárga. Rapport I, Skoddebergprosjektet, *Diedđut* 2000 — 4, Sámi Instituhitta in cooperation with Sámi dutkamiid guovddáš, 2000.

42. Ruong, I. *Fjäll-lapparne i Jukkasjärvi socken*, (Geographica. Skrifter från Uppsala Universitets Geografiska Institution, No. 3), Uppsala, 1937.
43. Ruong I. Jåhkakaska sameby, *Svenskt landsmål och svenskt folkliv*, 1964.
44. Ruong I. *Samerna — i historien och nutiden*, 1982.
45. Aikio S. *Olbmot ovdal min. Sámiid historjá 1700logu rádjái*. Ohcejohka, Sámi Instituhtta, 1992.
46. Fjellheim S. *Fragment av samisk historie: foredrag Saemien våhkoe*, Røros, Sør-Trøndelag og Hedmark reinsamslag, 1995.
47. Fjellheim S. *Samer i Rørostraktene*, Snåsa, Saemien sijte, 1999.
48. Kalstad J.A. and Brantenberg O.T. *Reindrift, samisk samfunn og kultur på Saltfjellet: vassdragsutbygging i Saltfjellet-Svartisen området*, Tromsø, Samisk-etnografisk avd., Tromsø Museum, Universitetet i Tromsø, 1987.
49. Kalstad J.A. *Dorogoj nadežd, politika Rossijskogo gosudarstva i položenije saamskogo naroda v Rossii (1864–2003)*, Murmansk, 2009.
50. Solbakk Å. *Sámi historjá*, 1994.
51. Solbakk Å. *Sápmi / Sameland: samenes historie fram til 1751*, Karasjok, 2007.
52. Andersen O. *Ofuohtagat — Samer og nordmenn i Ofoten*, (Major thesis in archaeology — University of Bergen), Bergen, 1983.
53. Andersen O. *Flyttefolk og bofaste. En studie av samisk bosetting i Sør-Troms og Nordre Nordland*, (Dr.art.-thesis, University of Tromsø), Tromsø, 2002.
54. Andersen T.O. *Markasamiske kombinasjonsnæringer: En undersøkelse på mikronivå 1860–1920* (Master thesis in history, University of Tromsø), Tromsø, 2005.
55. Elsvatn L. *Etnisitet og agrarnæring i Hattfjelldal 1850–1940* (Master thesis in history, Universitetet i Tromsø), Tromsø, 2007.
56. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. Skoltlapparna, *Fennia*, No. 4, Helsinki, 1929.
57. Solem E. *Lappiske rettsstudier*, (Instituttet for sammenlignende kulturforskning, serie B, skrifter XXIV), Oslo, 1933.
58. Tegengren H. *En utdöd lappkultur i Kemi lappmark. Studier i Nordfinlands kolonisationshistoria*, (Acta Academiae Åboensis. Humaniora XIX.1), Åbo, 1952.
59. Tønnesen S. *Retten til jorden i Finnmark*, Bergen – Oslo – Tromsø, Universitetsforlaget, 1979.
60. Hultblad F. *Övergång från nomadism till agrar bosättning i Jokkmokks socken*, Stockholm, Nordiska Museet: Acta Lapponica XIV, 1968.
61. Gjærevoll O. et al., 1978: *Finnmarksvidda: natur — kultur*, utredning fra et utvalg oppnevnt ved kongelig resolusjon 30. mai 1975, avgitt til Miljøverndepartementet i juni 1978, NOU 1978: 18 A.
62. Andresen A. *Omstillingstid: nomadisk reindrift i Torne lappmark og Troms 1840–1920*, (Dr.philos.-thesis, University of Tromsø), Tromsø, 1991.
63. Kristensen A. *Samisk sedvane sett i lys av samfunnsmessige endringsprosesser: med fokus på "Vehranger finner" i perioden 1620–17*, (Major thesis in history, University of Tromsø), Tromsø, 2001.
64. Hansen L.I. *Samiske rettigheter til jord på 1600-tallet. "Finnejorder" i Sør-Troms*, Tromsø, Tromsø Museums Skrifter XX, 1986.
65. Storm D. *Kystsamisk bosetning i Sør-Troms. Etableringen av en markebygd og ressursutnyttningen i området: En undersøkelse i Gressmyrskogen på Senja*, (Major thesis in geography — University of Bergen), Bergen, 1990.
66. Storm D. *Gressmyrskogen — en bygd på Senja. Bosetningsmønsteret i markebygdene 1700–1900*, (Senter for samiske studier, Skriftserie No. 15, University of Tromsø), Tromsø, 2008.
67. Bjerkli B. and Thuen T. *Om bruken av Svartskogen i Manndalen. Rapport utarbeidet for Utmarkskommisjonen for Nordland og Troms*, volume 1–2, Tromsø, Stensilserie A, No. 91, Institutt for sosialantropologi, Det samfunnsvitenskapelige fakultet, Universitetet i Tromsø, 1998.
68. Fulsås N. Historie og forteljing, *Nytt Norsk Tidsskrift*, 2005, No. 3.
69. Kesitalo A.I. Research as an inter-ethnic relation, Samfunnsforskning og minoritetsamfunn, *Acta Borealia, B. Humaniora*, No. 13, Tromsø Museum, Tromsø, 1976, pp. 15–42.
70. *Sameforskning i dag och i morgon, Rapport från symposium rörande den samiska kulturen 19–20 november 1973 i Nordiska museet*, (Nordiska museets jubileumssymposier), Stockholm, 1974.

71. Magga O.H. Forskningsarbeidet ved Samisk-etnografisk avdeling, Tromsø Museum, *Sameforskning i dag och i morgon, Rapport från symposium rörande den samiska kulturen 19–20 november 1973 i Nordiska museet*, Stockholm, Nordiska museets jubileumssymposier, 1974, pp. 115–119.
72. Storm D. Könkämävuomasamens flytninger til sommer-områdene i Troms fylke — en forskningshistorisk oversikt, introduction to: Walkeapää, L.J., *Könkämävuoma-samernas renflyttningar till Norge — Om sommarbosättningar i Troms fylke på 1900-talet*, (Tromsø Museums Skrifter XXXI, Tromsø Museum Universitetsmuseet), Tromsø, 2009.
73. Evjen B. and Hansen L.I. (eds.) *Nordlands kulturelle mangfold. Etniske relasjoner i historisk perspektiv*, Oslo, 2008.
74. Hansen L.I. and Evjen B. Kjært barn — mange navn. Om forskjellige betegnelser på den samiske befolkningen i Nordland gjennom århundrene, *Nordlands kulturelle mangfold. Etniske relasjoner i historisk perspektiv*/eds. Evjen, B. and Hansen, L. I., Oslo, 2008, pp. 17–47.
75. Rydving H. The End of Drum-Time. Religious Change among the Lule Saami, 1670s–1740s, *Acta Universitatis Upsaliensis, historia Religionum*, volume 12, Uppsala, 1993.
76. Storm D.A. Network of Missionaries and the Establishment of Knowledge: Creating Space, *Networks, Interaction and Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond* / eds. in Damm C. and Saarikivi J., Suomalais-Ugrilainen Seura / Finno-Ugrian Society (265), 2012, pp. 263–283.
77. Storm D.A. The mission networks and the religious situation, *The Protracted Reformation in Northern Norway: Introductory Studies* / eds. Hansen L.I., Bergesen R.H. and Hage I., Stamsund, Orkana akademisk, 2014, pp. 185–210.
78. Storm D.A. The Complex Religious Situation in Southern Troms in the First Half of the Eighteenth Century, *The Protracted Reformation in Northern Norway*, volume 2: *Towards a Protestant North* / eds. Berg S.H., Bergesen R.H. and Kristiansen R.E., Hannover, Wehrhahn Verlag, 2016, pp. 173–203.
79. Qvigstad J.K. *Historisk Oversigt over Oplysningsarbeidet blant Finnerne i Finnmark*, 1907.
80. Hansen L.I., Just K. Qvigstad's Contribution to the Study of Sami Culture, *Acta Borealia: a Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 1992, No 2, pp. 47–68.
81. Otterbech J. *Kulturverdier hos Norges finner*, Kristiania, 1920.
82. Jernsletten R. The Land Sales Act of 1902 as a Means of Norwegianization, *Acta Borealia, A Norwegian Journal of Circumpolar Societies*, 1986, volume 3, No. 1, pp. 3–20.
83. Päiviö N.J. Lapps kattelandens rättsliga utveckling i Sverige: en utredning om lapps kattelandens och de samiska rättigheternas utveckling från mitten av 1600-talet till 1886-års renbeteslag, *Dieđut, Sámi instituhtta*, Kautokeino, 2001, No. 3.
84. Walkeapää L.J. *Könkämävuoma-samernas renflyttningar till Norge — Om sommarbosättningar i Troms fylke på 1900-talet*, (Tromsø Museums Skrifter XXXI, Tromsø Museum Universitetsmuseet), Tromsø, 2009.
85. Dunfjeld M. *Tjaalehtjimmie: form og innhold i sørsamisk ornamentikk*, Snåsa, Saemien sijte, 2006.
86. Hansen L.I. *Samisk fangstsamfunn og norsk høvdingøkonomi*, Oslo, Novus forlag, 1990 (b).
87. Makarov N.A. "Eastern" Ornaments of the 11th–13th Centuries in the Sami areas: Origins and Routes, *Acta Borealia, A Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 1991, No. 2, pp. 57–80.
88. Zachrisson I. De samiske metalldepåerna år 1000–1350 i ljust av fyndet från Mörtträsket, Lappland (Archaeology and Environment 3), Umeå, Department of Archaeology, University of Umeå, 1984.
89. Hansen L.I. Den dynamiske etnisiteten og dens skiftende uttrykk, *Historie, etnisitet og politikk*, (Stensilserie B, No. 59, Institutt for historie, Det samfunnsvitenskapelige fakultet, Universitetet i Tromsø) / ed. Myhre J.E., Tromsø, 2000, pp. 29–54.
90. Hansen L.I. Sámi Naming Customs in the Post-Reformation Period, *The Protracted Reformation in Northern Norway*, volume 2, *Towards a Protestant North* /eds. Berg S.H., Bergesen R.H. and Kristiansen R.E., Hannover, TROLL, Tromsøer Studien zur Kulturwissenschaft, volume 14, Wehrhahn Verlag, 2016, pp. 153–171.
91. Nielssen A.R. Samisk historie i Lofoten — ei flerfaglig utfordring, *Nordlands kulturelle mangfold. Etniske relasjoner i historisk perspektiv* / eds. Evjen B. and Hansen L.I., Oslo, 2008, pp. 195–236.
92. Hansen L.I. Skal en bare bruke kilder som omtaler samer i rekonstruksjon av samisk fortid? Om tilnærmingsmåten ved en undersøkelse av kystsamenes rettsstilling i Sør-Troms på 1600-tallet. "Viesteralas" — *Samisk historie i Vesterålen, Rapport fra seminar på Vesterålens bygdemuseum og kultursentrum* / eds. Slettjord L. and Guttormsen H., 1984.

93. Hansen L.I. Sami Title to Land in Southern Troms, Norway. Approach, method and Data in Reconstructing Sami Rights of the Past, *Acta Borealia: a Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 1985 b, No. 1/2, pp. 9–28.

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.143

Вяйнё Таннер и дискурс о расовых различиях

© **Нюссонен Юкка**, доктор искусств, научный сотрудник, кафедра археологии, истории, религиоведения и теологии/кафедра культурологии, Музей Университета Тромсё. E-mail: jukka.kalervo@uit.no

Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.

Аннотация. Статья посвящена менее известному аспекту исследований скольт-саамов, проведённому Вяйнё Таннером, — его идеям о скольт-саамах с точки зрения расовых исследований. Рассматривается место Таннера в научной области расовой теории и дискурсивные ресурсы, на которые он полагался. Одним из

вдохновляющих современных дискурсов был финский гигиенический дискурс и улучшение здоровья нации, к которому склонялся Таннер. Он рассматривал аспекты более агрессивного евгенического дискурса, сформулированного его этническими сверстниками, финскими шведами, но дискурс об их расовом превосходстве был непригодным, учитывая круг вопросов в его книге, призванных поднять позицию скольт-саамов в расовых иерархиях. Экономическая организация общества была решающей для Таннера, в отличие от расового вопроса, что сделало его социальным эволюционистом.

Ключевые слова: Вяйнё Таннер, расовые исследования, исследования саамов, скольт-саамы

Väinö Tanner and the discourse on racial difference

© **Jukka Nyysönen**, Dr. artium, researcher, Department of Archaeology, History, Religious Studies and Theology / Department of Cultural Sciences, Tromsø University Museum. E-mail: jukka.kalervo@uit.no
University of Tromsø — The Arctic University of Norway.

Abstract. The article charts a previously lesser-known aspect of research on the Skolt Sámi by Väinö Tanner — his ideas on the Skolt Sámi as a race. Tanner's place in the scholarly field of racial theorizing and the discursive resources on which he relied are examined. One inspiring contemporaneous discourse was the Finnish hygienic discourse and the improvement of the nation's health, towards which Tanner leaned. He reproduced aspects of the more aggressive eugenic discourse articulated by his ethnic peers, the Finland-Swedes, but the discourse on their racial superiority was unusable, given the agenda of his book, to elevate the Skolt Sámi in the racial hierarchies. The economic organization of society was decisive for Tanner, rather than race, making him a social evolutionist.

Keywords: Väinö Tanner, research on race, studies on Sami, the Skolt Sami

Введение

Когда Вяйнё Таннер (1881–1948), геолог и профессор географии в Университете Хельсинки, писал свою основную работу о скольт-саамах «Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skoltlapparna» («Антрополого-географические исследования в районе Петсамо. 1, Скольт-саамы», 1929, далее — «Антропогеография»), интеллектуальная жизнь стран Северной Европы, Западной Европы, Северной Америки и британских доминионов была пронизана дискурсом о расовых различиях. Расовые исследования и дискурс, от которого они зависели, иллюстрировали как разделение человечества на расовые категории, до момента критики этого разделения, так и «истины» того времени, которые измерялись и обсуждались, как результаты научных исследований. Краниология, до того, как она достигла

своего научного тупика, имела репутацию точной и нейтральной научной дисциплины, практикуемой профессионалами с использованием статистических методов. Евгеника имела политический призыв как к консервативным правым, так и к прогрессивным левым, не говоря уже о новых радикальных политических движениях, все из которых разделяли чувство страха перед дегенерацией общества. Всё это повлияло на политику: страхи, связанные с сосуществованием и смешением рас, а также с исчезновением белой расы, сформировали составную часть политики расового разделения и ограничения на иммиграцию. Антропология и поиск корреляции между биологическими и культурными особенностями подвергались критике с 1890-х гг., в то время как более серьёзный кризис расовой науки развивался в 1920-х и 1930-х гг. Антропологи и биологи начали критиковать основные понятия расового мышления в то время и потому, что эти понятия агрессивно практиковались в нацистской Германии. Существование чистых рас было уже отвергнуто учёными в это время [1, Kemiläinen A., с. 186; 2, Lake and Reynolds, с.254–255, 310–335; 3, Tydén M., с. 24–25, 32].

Вопрос о расе был связан с опасениями относительно выживания и здоровья наций, а также о конкуренции в отношении предполагаемого места, которое каждая нация имела в расовых иерархиях той эпохи. Финляндия была определена как место жительства трёх рас, в том числе финской (классифицированной как монголоидная или восточно-балтийская раса) и германской, представленной финскими шведами (меньшинство, к которому принадлежал Таннер и с которым он себя идентифицировал).

Расовые статус и чистота также были причиной беспокойства и интереса в отношении третьей расовой группы: саамского населения Финляндии. Чиновники и учёные интересовались саамскими родственниками, которые находились в процессе культурной и этнической «финнизации» или «саамификации». Этот процесс может идти в обоих направлениях: финские родственники могут находиться в процессе адаптации к саамам. Тем не менее, финские образованные классы развлекались идеями «чистого» саама и «настоящих» финнов, по отношению к которым низкие и слабые саамы были в процессе ассимиляции. Эти классификации также имели расовый ракурс, и люди были классифицированы по параметрам, к которым склонялась «смешанная популяция» [4, Lehtola V.-P., с. 41; 5, с. 265].

В этой статье описывается расовое мышление Вяйне Таннера. Таннер пользовался репутацией учёного, «дружественного к саамам» поэтому расовый аспект его исследований скольт-саамов был непростой стороной его научной деятельности: признанной, но обойдённой вниманием в недавних исследованиях его работ. Географ Пауло Сусилуото упоминает интерес Таннера к расовым особенностям скольт-саамов, но он делает это мимоходом и

утверждает, что Таннер не предлагал объяснений расовой биологии в своих исследованиях о культуре и обществе скольт-саамов [6, с. 16]. Мы не будем исследовать идеи Таннера о расовом статусе скольт-саамов и теоретическое направление, которого он придерживался в антропологических/расовых и биологических терминах, а также идеологически. Какими были провокационные дискурсы, против которых он выступал? Основное содержание статьи следующее: сначала исследуем расовую дискуссию из книги с контекстуальным сторонним взглядом относительно влияний на Таннера. После этого рассмотрим финские обсуждения по евгенике и национальной гигиене, что, по нашему мнению, оказало влияние на мнение Таннера.

Хотя общественное строительство более чем основано на принципах биологии [7, Gunaratnam Y., с. 3–4; 8, Isaksson P., с. 360–362], раса и расовое исследование всегда были составной частью для членов «рас» как социальный, классифицирующий факт и служивший в качестве дистанционной и внутригрупповой формы, ограничивающий функцию для исследователя и исследуемого. Само / прочие диалектики всегда присутствуют в исследованиях народных групп; эти диалектики не всегда должны принадлежать к расовым меньшинствам, и им не нужны социальные и политические импликации, но во времена Таннера эти импликации присутствовали в расовом дискурсе [8, с. 55, 57].

Подробное изучение истории исследований рас и расовой классификации саамов возможно в рамках данной статьи только в той мере, в какой это необходимо для контекстуализации и позиционирования подхода Таннера. Это сложная история интуитивного и теоретического исследования, которое претендует на научность и рассматривается в предыдущих работах по этому вопросу [напр. 3; 8; 9, Kyllingstad J.R.].

Источниками этой статьи является сам текст Антропогеографии Таннера, заметки и рукописи, собранные Таннером в его личном архиве. Как метод используется типичный подход из истории идей, выявления существенных сегментов научного знания и работ авторов, которые повлияли на Таннера, и позиционирования его в научной области. Наш подход и чтение источников также являются дискурсивными: интерес заключается в том, как учёные и Таннер позиционировали, иерархически упорядочивали и кодировали разные народные группы. На какие дискурсы он откликался и против каких возражал? Исследования — это дискурсивная практика: вместо того чтобы отражать реальность, наука опутывается социальными и политическими отношениями и предполагает идеологическое и дискурсивное построение объекта исследования. Эти отношения можно проследить исторически и изучить как контекстно-специфические для исследования. Исследования активно производят свой

предмет, например, расовые различия между колонизатором и колонизированными. Полученные знания — это не просто факты, а возникающая собственность между лицами, находящимися в разных позициях, включая исследователя, собственность, которая может использоваться дискурсивно и подвергаться анализу [7, с. 7–9]. Поэтому предметом этого исследования является не этническая принадлежность скольт-саамов как таковая, а дискурсивный процесс её строительства, а также его оспаривание Таннером.

Прежде чем мы вернемся к Таннеру, необходимо отметить, что саамы не были осведомлены либо обижены поведением большинства людей при встречах, в которых каким-либо образом затрагивался вопрос их расового положения. Реакции варьировались от выражения неловкости и чувства опасности до общего недоверия и взволнованной гордости [10, Rosberg J.E., с. 158–159, 191–192]. Однако эта сторона вопроса выходит за рамки настоящего исследования. Другое дело, что финское политическое мышление той эпохи было пронизано идеями различий между национальностями, а также мнениями о русских / Советях. В последующем тексте содержатся идеи того времени о «других» финнах, русских. Эти идеи, обострённые расовыми характеристиками, должны читаться контекстуально как исторические, а не как свойственные автору этой статьи утверждения.

Таннер и расовая проблема: были ли скольт-саамы смешанной расой?

Дискурс о расовых различиях был сформулирован как любителями, так и учёными, стремящимися к серьёзным исследованиям. Таннер не смог этого избежать, но использовал и модифицировал существующие научные инструменты. Главной темой *Антропологеографии*, великого синтеза Таннера по адаптации скольт-саамов и социальной формы, а также истории и географии саамской деревни (*siida*), было его стремление поднять скольт-саамов в рамках существующих категорий научными средствами, которые были законными, и в пределах, разрешённых расовым дискурсом. Ещё одна задача Таннера заключалась в том, чтобы заложить основу для его собственной экспертной позиции, что было очевидно в его патерналистских советах скольт-саамам по наиболее подходящей для них форме адаптации, которая относится к полукочевому оленеводству; кажется, что эти вопросы могут противоречить друг другу, и это является одним из многих внутренних противоречий, из-за которых страдает его книга. На самом деле, его книга не была закончена, о чём знал сам Таннер.

Работы девятнадцатого века о саамах включали многочисленные размышления о саамах как ассимилирующихся и угнетённых людях и подробные описания характера саамского народа («они во всех отношениях взрослые дети, любознательные, беззаботные, неум-

ные...»¹). Таннер обходился без подобных описаний в своей книге, и для этого есть научное обоснование: возможно, он считал их необоснованными с точки зрения метода и научной точности. Описания народных черт стали казаться устаревшими и получили (заслуженную) критику в 1920-е гг.: им не хватало жёсткой эмпирической основы; их нельзя было проверить, они были субъективными; ранее использовались как синоним расы и были признаком дилетантской концептуальной научной системы. Физические антропологи стали использовать эти параметры на новом уровне точности и строгости. Новая отрасль науки измеряла видимые, соматические переменные, на основе которых учёные делали более контролируемые оценки возможностей и характера разных народов как научные факты [1, с. 88 и далее, 184–185, 202, 224–225, 238, 242; 11; Cvetkovski R., с. 11]. Продвинутые авангардные исследования предоставили инструменты для изучения народов более научным путем с помощью измеримых переменных, касающихся расы. Таннер предпочёл обновить своё исследование скольт-саамов, опираясь на эту трансформацию парадигмы.

Таннер использовал расовые рассуждения и терминологию, такие как *тип*, происходящие из расовых исследований, в других отрывках своей книги. В начале книги Таннер предполагает, что саамы были изначально агломерацией различных расовых элементов. Самое старое основание для этого — арктическая культура каменного века, благодаря которой Таннер воссоздаёт долгую древнюю историю. Эта культура приняла другие восточно-балтийские и скандинавские элементы, которые укрепились или объединились в культуру вокруг прирученного оленя (*tamrenkulturen*), составляющую культуру лопаря или саама. Это произошло уже в доисторические времена. Приручённые северные олени помогали собрать вокруг себя группы саамов: «*reuplades*» (здесь: небольшие изолированные группы саамов) как культурно объединённых людей [12, с. 28].²

Это можно рассматривать как комментарий к расистскому и диффузионному дискурсу о саамах; вместо того чтобы стать отдельной расой и людьми, способными принимать культурные элементы только путем диффузии, саамы впитали различные расовые элементы и активно приняли культурные. Это осложняло построение иерархии больше, чем при презумпции классической физической антропологии о том, что расы были отдельными величинами, а расовое смешение порождало только дегенеративные формы. Скорее всего, это был комментарий к норвежским и шведским исследованиям, связанным с расовой чистотой и

¹ ATUM (Archive of Tromsø University Museum), AVT (Archive of Väinö Tanner), box 2, folder 1e, notes. Undated notes on Vahl (1866). Tanner quotes I. Vahl's *Lapperne og den lappske mission* (Kjøbenhavn 1866).

² ATUM, AVT, box 5, folder 6a: *Notater om samer*, Manuskript (delvis): *Nordlapparna och deras differentiering*: manuscript with the same title.

германским происхождением скандинавов. Как норвежские (расовая евгеника Джона Мьёена), так и шведские (Герман Лундборг) исследователи резко и неоднократно предупреждали об опасности смешения рас: саамы являются фактором, ухудшающим расовые ресурсы. Это особенно верно в отношении сочинений Германа Лундборга, профессора из Уппсалы, до 1936 г. — главы Шведского государственного института расовой биологии, антисемита и сочувствующего фашистам, чьи расовые биологические тексты, пропагандирующие расовую гигиену, хорошо известны своим расизмом [3, с. 29; 8, с. 55–64, 147–148; 9, с. 82–85]. Таннер прочитал и заимствовал некоторые основные термины из Лундборга, но не из Мьёена.³ Список источников заимствованных расовых элементов (скандинавские, восточно-балтийские) отличается от списка более ранней рукописи, в которой источники упоминаются как «финские, скандинавские и славянские».⁴

«Нордические», скорее всего, относятся к скандинавским расам. «Финские» были заменены правильным и недавним антропологическим термином «восточно-балтийские». Возникшие в шведских расовых исследованиях в начале двадцатого века, они изображались как расовые в Балтийском регионе, как доминирующие в Финляндии и немного менее цивилизованные, чем шведские. Финские учёные приняли эту идею отчасти потому, что новый термин дистанцировал финнов от нежелательной категоризации в качестве одной из монголоидных рас. Рольф Норденшрэнг, родом из Финляндии, и Каарло Хильден были главными сторонниками этой теории [1, с. 234–252]. Последний также упоминается в списках литературы *Антропогеографии*. Термин «славянский» был просто удалён. У Таннера были проблемы с принятием культурных и расовых заимствований из этого направления.

Позже в книге, в главе о (физической) антропологии скольт-саамов, Таннер прокомментировал самые экстремальные выводы немецких учёных, которые называли скольт-саамов патологической расой (с потенциальной коннотацией угрозой жизни и жизнеспособности более сильной расе) из-за расового смешения; Таннер не хотел видеть, что скольт-саамы находятся слишком низко в расовых иерархиях. Ещё один аспект, который он отрицал или на первом этапе заявлял, что он не компетентен обсуждать, это монголоидные черты скольт-саамов, типичная категоризация расовой принадлежности саамов [8, с. 46].

По мнению Таннера, скольт-саамы не были монголоидной расой, и у них не было значительного генетического контакта с ними: они не обладали типичными физическими

³ ATUM, AVT, box 2, folder 6b, diverse antäckningar, undated notes on Lundborg H. & Linders, F.J.: The racial character of the Swedish nation (1926) and Backman G.: Ett standardverk över svenska folkets antropologi, Ymer XLVII, 2, 1927.

⁴ ATUM, AVT, box 2, folder 6a: Notater om samer, Manuskript (delvis): Nordlapparna och deras differentiering.

отличительными знаками: ни монголоидными, или эпикантальными (*mongolvecket*), не имели монгольских пятен (*mongolfläcket*), и поэтому не были генетически связаны с самоедами. Таннер определял скольт-саамов как расово отделённых, обособленных людей «полупигмеев» (*halvpygmeisk*) и как гипербрахицефалический народ, то есть с низким цефалическим индексом [8, с. 69, сноска 5, 323–324; 9, с. 20–5, 134], который пережил последний ледниковый период в некоторых изолированных районах Центральной Европы, откуда следовал за тающим льдом во внутренние районы Фенноскандии.

Таннер использовал параллели между наскальными рисунками в поселениях палеолита и в некоторых районах, населённых центрально-европейскими народами-охотниками. В этом отрывке книги Таннер неожиданно перестаёт упоминать о расовых и культурных заимствованиях (см. выше). Из-за специфики природной среды, в которой оказались саамы, они обеспечили себе генетическую изоляцию, генотип, а также особенности исходной культуры, в том числе силу, создаваемую особой устойчивостью, характерной для субарктических областей, к которой Таннер относился положительно, а не как к стагнации [12, с. 287].

Из-за специфики природной среды, в которой оказались саами, они обеспечили генетическую изоляцию, генотип, а также особенности исходной культуры, в том числе силу, создаваемую особой устойчивостью, характерной для субарктических областей, к которой Таннер относился положительно, а не как к стагнации [12, с. 287].

Несмотря на то, что рассуждения Таннера демонстрируют интеллектуальные недостатки, присущие антропологическим рассуждениям, он также говорит о том, что позиционирование скольт-саамов в сторону от проблемных, стигматизированных категорий, таких как монголоидная раса, считалось дегенерацией. Дискуссия также демонстрирует программное следование его тезису о несоответствии расовых и культурных границ [12, с. 16]. Утверждая это, все классические расовые классификации — монголоидные и саамские/гипербореицы — ставили саамов ниже, чем представителей белой идеальной расы. То же относится и к категориям, которые использовал Таннер: «полупигмеи», которые, по крайней мере, в более ранней литературе относились только к невысоким саамам [13, Rosberg J.E., с. 2–5] и «гипербрахицефалический», с коротким черепом. Либо Таннер не имел никаких проблем с этими категориями, либо не мог решить проблему своих встроенных иерархий. Как бы то ни было, Таннер проявил ещё одну предвзятость в отношении расы: саамы были подняты в иерархии через их генетическую обособленность от финского и славянского народа, составляя собственную самостоятельную группу.

Вместо построения иерархий, расовые исследования могли также изучать степени родства и типы взаимодействия [14, Mogilner M., с. 94–95, 106–107]. Таннер хотел установить генетическую связь и родство с карельским народом. Несмотря на то, что карелы оказались в восточной сфере и неоднократно представлялись как смешанные с русскими (например, 15, Friis J.A., с. 291], они составляли менее обременительный выбор для Таннера, если говорить о карелианизме эпохи.

Карельский элемент присутствовал со времен средневековья: так, несколько скитальцев были полностью ассимилированы и обращены в культуру скольт-саамов. Карелы также присутствовали на морском побережье Арктики, радуясь тому, что саамские женщины выбирают их в мужья, по крайней мере, в сиידах Паасайоки и Петсамо [12, с. 288]. Многие финско-шведские учёные также использовали карелов в качестве примера для сравнения с неблагоприятным образом (древних) финнов как низшей из народных групп, проживающих в Фенноскандии.

В отличие от Сусилуото, похоже, что смешение рас было определённой проблемой для Таннера, как видно из многочисленных примеров, взятых в следующих отрывках книги. Для начала следует отметить, что Таннер поддерживал идею немецкого расового теоретика Рудольфа Вирхова о расовом смешении. Для Вирхова расовое смешение было фактором, ухудшающим расу, и Таннер был очень близок к определению саамов как людей с меньшей способностью к развитию (в других местах книги Таннер отрицал идею Вирхова о саамах как патологической, т.е. дегенеративной расе, явившейся результатом смешения рас [12, с. 289]).

Таннер обсуждает гипотезу о том, что смешение рас было сильнее в Петсамо, чем в других регионах, населённых саамами. В таком случае, согласно его гипотезе, «расовый исходный материал» в Петсамо для скольт-саамов является не саамским, а карельским.

Это карельское «расовое ядро», менее приспособленное к экстремальным условиям в Арктике, стало причиной того, что скольт-саамов так подавляли в их среде. Таннер комментирует восприятие скольт-саамов Амондом Хелландом как низшей и умирающей расы, (Хелланд писал в 1906 г.: «Скольты — это низшая раса в иерархии, без жизненной силы или будущего». «Skolterne' er en lavstaaende race, uden livskraft og uden fremtid».) и поспешил объединить скольт-саамов — с позитивной ссылкой на норвежского историка и географа Ингвара Нильсена — с норвежскими саамами, которых не воспринимали как дегенеративную расу. Для Таннера саамы были физически и культурно развивающейся группой; тот факт, что они были физически ниже «западных саамов», объяснялся диетическими причинами и острой бедностью, от которой страдали скольт-саамы [12, с. 290–291; 16, Helland A., с. 6]. Ли-

тература Таннера включала работы ранних экологов, таких как Карл фон Линне, который соотносил невысокий рост саамов с малым количеством потребляемой пищи.⁵

Подчёркивая потенциал развития скольт-саамов, Таннер позиционировал себя как представителя ламаркистской школы недетерминированных расовых рассуждений, хотя и без прямого упоминания данного факта. Саамы не были предрасположены к низкому положению из-за расы или биологии, как полагали многочисленные школы, вдохновлённые основополагающими теоретизированием Джозефа Артура де Гобино. Но этот отрывок показывает, что Таннер не контролировал процесс написания или анализа: способ обозначения расового смешения и его результатов противоречит многочисленным предыдущим отрывкам в тексте и следует за популярной литературой Таннера (Вирхов, Нильсен). Окружающая среда теперь стала фактором, который не возвышает, но связывает скольт-саамов с их самобытностью.

Этот отрывок из книги можно с большой уверенностью использовать в качестве доказательства спекулятивного метода расового исследования: отсутствие эмпирического материала, который, скорее всего, только бы запутал дискуссию, привёл к появлению текста, в котором ранее были представлены спекулятивные научные мнения, выбор между ними предлагается в противоречивой форме, а возникающий хаос усугубляется собственной предвзятостью Таннера. В этом отрывке также показано, насколько глубоко Таннер был погружён в расовые дискурсы, где изучаемыми переменными были социальные и бытовые факты, а научные величины требовали дальнейшего обсуждения.

Уровни гигиены и состояние скольт-саамов

Глава об антропологии скольт-саамов в *Антропогеографии* является частью более широкой дискуссии о жизнеспособности скольт-саамов, актуального аспекта научного и политического исследования того времени. По мере того как Таннер собирался исследовать «антропологический тип» скольт-саамов, он классифицировал поставленную задачу как один из аспектов построения «состояния населения». В этой главе прослеживалась чётко выраженная функция игнорировать мнение о саамах как об исчезающем или умирающем народе, широко распространённая среди скандинавских исследователей. Таннер объединил свои усилия с обновлёнными исследованиями: скольт-саамы были ниже остальных только в относительном выражении, в процентах от общей численности населения, с положительной оценкой, подтверждённой К.Б. Виллундом и Дж.Е. Росбергом [13, с. 38–54; 17, с. 149].

Таннер подробно описал, ссылаясь на различные оригинальные источники и литературу из России и Финляндии и Швеции, что их общее количество на самом деле медленно рас-

⁵ ATUM, AVT, box 5, folder 6b, notes, undated notes on Iter Lapponicum, by Linné.

тёт. К факторам, которые замедляют рост населения, относятся эпидемии и высокая детская смертность. Таннер не указывает на какие-либо иерархические или биологические причины, вместо этого объяснением являются социальные условия: женщины скольт-саамов теперь редко упоминаются, они ослаблены постоянным трудом и необходимостью заботиться и поддерживать большое количество детей путем озёрного рыболовства, в то время как их мужья занимаются морским рыболовством. Это приводит к многочисленным выкидышам и несчастным случаям со смертельным исходом в семьях, поскольку дети оставались одни [12, с. 293–325].

Таннер считал, что общая ситуация со здоровьем скольт-саамов была лучше, чем у других саамских групп, в то время как их учёт по гигиене был смешанным: было много аспектов, касающихся обращения с отходами, которые нуждались в улучшении домашней гигиены, но Таннер считал личную гигиену скольт-саамов лучшей среди многих других популяций (Castrén M.A. and Friis J.A. [15, с. 296] сделали аналогичные наблюдения).

Таннер открывает свою дискуссию, ссылаясь непосредственно на вариации в соответствии с «климатической и культурной широтой», которая интерпретирует уровни развития в соответствии с более северным уровнем климата, связанным с менее культурным уровнем развития. Гигиена — физическая/личная, а также психическая — воспринималась Таннером как очень относительный термин, но текст не избежал иерархий, установленных вначале. Таннер ссылается на улучшения, которые произошли на примере поселенцев, недавно переехавших в эту местность, это касается старых «предрассудков» и, в частности, суеверий духовной нечистоты, ещё раз определяющих скольт-саамов как получателей высших культурных импульсов [12, с. 280, 325–328].

С другой стороны, дискуссия об антропологии скольт-саамов и о расовой биологии была частью раздела, посвящённого сомнениям относительно физического обоснования возможностей для развития среди скольт-саамов. После сложностей с проведением исследований, внося свой довольно незначительный вклад, Таннер уменьшил ценность расово-биологических доказательств в «нашей эпохе практичности» («vårt praktiska tidevarv»).

«В наш век было бы нелогично судить о возможности физического развития народа только по устаревшему количественному материалу, поскольку в эпоху евгеники никто не позволяет дать волю природе и случаю, как это обычно было в прошлом. Наш век требует знания качества всех элементов, определяющих прогресс численности населения, а также способности людей к административным полномочиям в соответствии с показателями, что природа этих элементов даёт им возможность и приглашает их». Эта цитата указывает на

наличие лёгкого чувства недоверия к евгенике и расовой биологии, особенно когда они имеют слабое эмпирическое основание [12, с. 328].

Соответственно, нет необходимости улучшать генофонд, но вместо этого необходимо оказывать помощь с уровнем гигиены и здоровья. Необходимость улучшения была очевидна в отношении низкого качества жилья, питания и одежды, а также «беспомощности против острых заболеваний», перенапряжении и т.д., которые ухудшали физическое состояние людей и ограничивали их рост. Самым большим бедствием была исключительно высокая младенческая смертность: это объяснялось, по словам безымянного «русского врача», низким качеством ухода, что приводило к смерти здоровых детей из-за их ослабления в младенчестве. Таннер отказался от использования евгеники и расовой гигиены: оставшаяся часть его заключительной главы предложила гигиенические, но не расово-гигиенические меры по улучшению здоровья общества скольт-саамов. Он предложил систематическое просвещение в области общей гигиены и ухода за детьми, наиболее рьяно даваемых «образованным получателем стипендии» («fackligt skolad stipendiat», Таннер хотел подчеркнуть этот момент). У скольт-саамов была надежда и жизнеспособность из-за их восприимчивых умов и их сущности, унаследованных от их предков, которые были здоровы как таковые (понятие, подкреплённое ссылкой на другого русского врача Шмакова) [12, с. 328–329]. В реальной исторической обстановке скольт-саамы были связаны с национальным проектом здравоохранения: районный врач Лаури Халонен начал посещать зимнюю деревню Суоникуле и прививать младенцев, а школьники получали медицинское обследование один раз в год; в школе также был небольшой магазин лекарств и повязок [18, Nickul K., с. 57].

Таннер вернулся к основной теме своей книги — бедности, вызванной отказом от старой жизни скольт-саамов, от полукочевого оленеводства, что привело к дезинтеграции северного общества. Таннер добавил новый элемент схемы, в которой новый оседлый способ существования ещё не заменил старый, и скольт-саамы ещё не вступили в фазу, типичную для развития людей «природы», находящихся в контакте с более «продвинутыми» культурами: благосостояние сначала резко падает, но медленно растёт снова, когда осознаётся ценность нового способа существования, и люди природы научаются его использовать, и тогда индивидуальные и коллективные выгоды от нового существования становятся очевидными. Ключевым моментом будет улучшение экономического положения скольт-саамов, позволяющее им достичь счастливой жизни в будущем. Таннер добавил, что финское государство не должно быть им в этом помехой. Если бы экономическая ситуация улучшилась,

тогда «мы вовсе не должны опасаться, что ортодоксальные саамы Петсамо либо исчезнут, либо вырождаются, как это утверждалось ранее» [12, с. 329].

Позиция Таннера по отношению к расовой биологии и самым расистским произведениям в отношении саамов, наконец, становится ясна: скольт-саамы — народ, способный к развитию. Но иерархии всё же испортили текст из-за положения, в котором скольт-саамы, по определению Таннера, оказались на нижних ступенях лестниц развития и культуры. Нет никакого противоречия между позитивным отношением Таннера к полукочевому образу жизни и новой позицией, которую он занял в отношении бедного государства, в котором полукочевой вариант был утрачен, а народ прогрессировал по шкале, установленной автором. Кроме того, это было подразумеваемой критикой неудачной государственной политики Финляндии.

В качестве предварительного вывода можно сказать, что у Таннера не было проблемы с размещением саамов на низком уровне культурной эволюции (первобытный-охотничий-фермерский-аграрный-промышленный/городской), как и у многих других учёных, которые становились всё более эволюционистскими и теоретизирующими об арийских и других более сильных расах, подталкивающих лапландский народ к окраинам Скандинавии. Что касается скандинавских проектов национального строительства, эта идея имела хороший резонанс, и роль саамов была зафиксирована как менее значимая [8, с. 99–104; 9, с. 23–25].

Финское теоретизирование о саамах было в равной степени триумфальным, а наиболее расистская финская литература была загружена замечаниями о низком происхождении скольт-саамов, и это было вызовом для Таннера [12, с. 281–282]. Эти идеи эволюционных схем или исторических матриц были натурализованы в мировоззрении людей тех времен, но то, что сделал Таннер, заключалось в положительной оценке длительного периода скотоводства, в котором жили саамы. В этом обсуждении он не мог контролировать влияние окружающей среды на статус саамов на протяжении всей книги. Что касается возможностей саамов и способности выбора, то Таннер проявил по меньшей мере отеческие черты, так как он попытался прокомментировать самые агрессивные иерархии. Таннер не проявлял готовности избавиться от расы как функционирующей, нормативной и существенной категории: той, которая была очевидна для глаз, психологически приятной позиции для принятия теми, кто выше в иерархии, и определённо является частью принятых убеждений научных традиций того времени. Таннер был наиболее последователен в своем негативном отношении к расовой гигиене.

Шведско-финский расовый и гигиенический дискурс

Прослеживалось три дискурса, которые провоцировали Таннера: скандинавские и финские дискурсы о саамах, которые занимают более низкое положение, способ найти положение скольт-саамов в российской сфере и неприязнь к евгеникам. Какие положительные влияния и контекстуальные факторы могут быть названы решающими в программе Таннера по гигиеническому спасению? Уровни гигиены и здоровья наций были предметом обсуждения в молодой финской республике, и эта дискуссия даёт возможность определить место Таннера в идеологической области. Во-первых, был проведён короткий опрос финско-шведских рассуждений о расовых иерархиях и после этого дискуссия о финских и шведско-финских дебатах о национальной и расовой гигиене.

В XIX в. и начале XX в. финско-шведские идеологи и политики традиционно ссылались на германское расовое превосходство, в отличие от финнов и русских. Идея двух национальностей, проживающих в Финляндии, берёт начало от движения Свекоман (Svecoman), реакции финско-шведского националистического движения на финский национализм, фенноманию (Fennomania). Разница между двумя национальностями была объяснена Акселем Олофом Фройденталем в 1850-х и 1860-х гг. Идея о том, что шведы — это германская / арийская раса, способная к государственному строительству, находящаяся выше по культурной лестнице по сравнению с финнами, получила широкий резонанс среди финно-шведов со второй половины девятнадцатого века. В этих национальных иерархиях финны были размещены рядом с русскими, в то время как шведы и немцы стояли на высшем уровне как идеализированный стандарт [1, с. 144–150]. Первоначально финны принадлежали к примитивным, туранским, азиатским или монголоидным расам (по мнению различных учёных). Однако монголоидные черты находились в процессе исчезновения из-за смешения между финнами и европейскими расами [19, Molarius P., с. 94–97]. Одной из групп, которые подчеркивали расовую разницу между финнами и шведами, были шведскоговорящие врачи. Вместе с евгеническим движением, это было предметом научных дискуссий, и только позже стало понятно, что две народные группы отрицали исследования типов крови [1, с. 151–183; 20, Hakosalo H., с. 44].

Говорят, что германские расовые черты шведскоязычного населения включают выносливость, активность и другие положительные характеристики. Меньшего роста, большеголовые, раскосые, серьёзные и меланхоличные финны были более склонны к депрессии, пассивности, коллективности, имели тенденцию к массовому внушению и другие характеристики, означающие примитивность. Эта доктрина была подкреплена скандинавской ориентацией и

была защищена, в частности, шведской народной партией (оценка 1906 г.). Спор касался владения культурной и политической властью, поскольку, например, считалось, что расовые характеристики, согласно Гобино, определяли социальные отношения и культурный потенциал.

Согласно теориям Ипполита Тейна, люди были связаны их биологической основой, но повышение в культурной иерархии было возможно только постепенно: слишком большой шаг вверх по социально-культурной расовой лестнице приведёт к трагедии и несоответствиям между характером и новой средой. Теории Тейна применялись, например, в литературе финно-шведов и также прослеживаются в размышлениях Таннера о скольт-саамах, оказавшихся в несчастливой фазе их развития. Одним из аспектов этого является страх перед расовым смешением и дегенерацией шведскоязычного населения, а также опасения по поводу угрозы, что более низкие и более жёсткие расовые характеристики влияют на общественный порядок. Культура была силой, укрощающей эти первичные импульсы у людей [19, с. 97–112].

В финско-шведских текстах, опубликованных на рубеже веков, расовый статус финнов был непрочным: положение варьировалось в разных исследованиях, но во многих случаях финны были классифицированы как монголоиды; во время «периода русификации» (1899 г.) монгольская раса ассоциировалась с российской сферой и была ещё более заполнена русофобскими представлениями, которые процветали в то время в отношении культурной стагнации, политической нестабильности и коммунизма. Восточные коннотации монгольской вины стали также растущей проблемой для финнов из-за усиления русофобии и антироссийских настроений на финской стороне [1, с. 112–114; 8, с. 261–270].

Расовый дискурс о России и русских становился всё более враждебным в течение 1910-х гг., а части шведскоязычной элиты развивали крайне шовинистические и антироссийские настроения. Битва за шведский язык и культуру также приобрела общественно-политическое измерение: в независимой Финляндии шла расовая и культурная борьба. Война 1918 г. обострила эту дискуссию: элита указала, как во время войны шведскоязычное население проявляло большой иммунитет к российскому влиянию и большевизму. Расово здоровое шведскоязычное население являлось гарантией независимости Финляндии в рамках параметров, определённых победоносной белой армией [21, Knapas R., с.142; 22, Mattila M., с. 121]. В расовых исследованиях того времени Финляндия, по-видимому, была разделена на германские и монголоидные расы, тогда как шведы были уверенно и твёрдо помещены в высшие германские ряды или в состав «нордической расы» [1, с. 168–183; 8, с. 270–281, 284, 297].

Книга Таннера в основном не касалась дискурса о расовом превосходстве германцев / шведов, но есть довольно много отрывков, которые показывают скандинавскую предвзятость: список генофондов скольт-саамов, рассмотренный выше, и способ, которым Таннер поместил нордическую расу впереди восточно-балтийской, являются объяснениями этого.

В архивной рукописи Таннер изобразил финских поселенцев менее способными, чем скандинавские крестьяне, приспособляющие оленеводство к своей многосоставной экономике: вместо этого они ассимилировались к саамскому оленеводству, снижаясь в культурных иерархиях.⁶ Это свидетельствует об обязательстве перед дискурсом шведского превосходства, с которым у Таннера были двойственные отношения: это была идея, лёгкая для адаптации, но непригодная для использования, поскольку акцент на превосходстве германских рас укрепил низкую позицию скольт-саамов в иерархиях и в книге. Одно неоспоримое вдохновение — это проблемные отношения со всем русским — дискурс, разделяемый, с другой стороны, и националистическими финнами.

Таннер и дебаты по национальной гигиене

В финско-саамских встречах наиболее типичным способом определения гигиенического дискурса является множество оценок саамского уровня гигиены, предоставляемых учёными и туристами. Среди первых вещей, о которых сообщали туристы, были чистота одежды, личная гигиена и гигиена их жилья; саамов считали ниже финнов или норвежцев [23, Nyysönen J., с. 47]. Таннер воспроизвёл эту литературную традицию также в разделе о морских саамах, где показал их чистое жильё, восхваляя то, как саамы ненавидели паразитов [12, с. 68–69]. В свою очередь, *национальный* гигиенический дискурс был местом дебатов, направленных на поиск путей улучшения ситуации, сложившейся в Лапландии и Петсамо. В Финляндии необходимо было повышать гигиенический уровень нации, а также национальное здоровье и процветание. Гигиенический проект имел воспитательную цель поднятия нравов низших классов, чтобы соответствовать нравам растущих средних классов: идеалами были бережливость, трудолюбие, высокий уровень морали и этика [24, Halmesvirta A., с. 13 и далее].

Молодая нация была объектом многочисленных собирательных проектов. Эти проекты строились на вере в существование народного характера, свойственного (в существенном смысле) всей группе. Как и общая культура нации, они были склонны к дегенерации или ре-

⁶ ATUM, AVT, box 3, folder 6a: Notater om samer, Manuskript (delvis): Nordlapparna och deras differentiering: manuscript with the same title.

генерации, к разложению или возвышению, но могли формироваться различными национальными проектами.

Вмешательство в сферу жизни было, пожалуй, самым значительным в рамках проекта «здоровье», известного ещё со времён имперской политики. Данный проект рассматривал людей как объект и овеществлял их, что позволяло поставить в приоритет некоторые аспекты качества жизни ценой потери этими людьми некоторых культурных черт, вынуждая их совершать вандализм в отношении памятников своей культуры, которая определялась как низшая, нецивилизованная, туземная. В Финляндии и в девятнадцатом, и в начале двадцатого века элита объединяет расточительность и нищету с низким уровнем гигиены, и это воспринимается как признак отсутствия культуры среди низших классов [26, Heinonen V., с. 137–138]. Священники северной Лапландии боролись с культурным шоком, встречая уровни гигиены, в условиях жизни кочевников девятнадцатого века, часто живущих в торфяных хижинах. Ритва Килли также обнаружила признаки того, что священники занимались просветительскими проектами, направленными на саами, чтобы возвысить их ближе к финским стандартам [27, с. 312–314].

Как и везде, где «высшая раса» противостояла или существовала и в том же обществе, что и «низшая раса», здоровье и жизнеспособность высшей расы воспринимались как находящиеся под угрозой. Страх перед дегенерацией, особенно сильный среди финско-шведских врачей, скрывался за послушным отношением среднего класса. Расовая гигиеническая дискуссия была инициирована финско-шведскими врачами, которые были воодушевлены Швецией. Эпоха была отмечена дебатами между шведскоговорящими врачами в пользу активных евгенических мер отрицательной расовой гигиены; они включали активное предотвращение деторождения среди финноговорящих низших классов, а также среди многих других групп, считающихся биологически «бесполезными» с физической, психологической, моральной и социальной точек зрения. Предполагаемые средства включали отказ в мерах по обеспечению благосостояния и праве на вступление в брак; стерилизацию и институционализацию; даже кастрацию [24, с. 139].

Некоторые из финскоговорящих врачей считали, что евгенические рассуждения были нецивилизованными: действительно цивилизованная нация позволила бы даже самым слабым её членам производить потомство. Этот принцип любви к человечеству продолжался, например, в финской медицине после Первой мировой войны. Задача медицины и повышенного уровня гигиены заключалась в том, чтобы «демократизировать» финский народ:

вместо игнорирования самых слабых и запрета на продолжение рода, они должны были стать более сильными и активными гражданами нации.

Таким образом, была представлена идея заботливой нации. В начале двадцатого века подавляющее большинство финскоговорящих гигиенистов считали, что благополучная нация не будет обслуживаться евгеникой и ограничениями в отношении брака и деторождения в такой малонаселённой стране как Финляндия. Репродуктивные усилия требовались от всех, и подчёркивалась важность реабилитации как средства улучшения и создания работоспособности «дегенеративных» людей. Финские гигиенисты были больше озабочены предпосылками здоровья, в том числе умственными и физическими факторами. Однако среди финскоговорящих гигиенистов было меньшинство, которое поддерживало идеи социальной и расовой гигиены, а война 1918 г. привела к радикализации этого проекта в 1920-х и 1930-х гг. [24, с. 13–23, 26, 30, 35, 41, 86, 142, 279–281; 28, Halmesvirta A., с. 219].

Учитывая взгляды Таннера на гигиену и здоровье скольт-саамов, можно предположить, что его позиция в отношении национальных дебатов по (расовой) гигиене была явно противоположна мнению финско-шведских врачей и была почти такой же, как и у финских участников дискуссий. Независимо от того, подвергался ли он влиянию прямой дискуссии или финским аргументам, это невозможно было проверить, — Таннер не ссыался на дебаты, поэтому нужно быть готовым к тому, что позиция Таннера и его программа усовершенствований национального здоровья скольт-саамов базировалась на других источниках. Однако он ссыался на необходимость вмешательства со стороны медицинских экспертов, которые могли намекать, что он знал о дискурсе.

Таким образом, Таннер оказывается в проблемных областях расовых исследований. Гигиенический дискурс касался как индивидуальной морали, так и коллективного здоровья нации. Таннер иногда добавлял моральный элемент в свои тексты: в *Антропогеографии* он упомянул сифилис среди угроз и проявил тенденцию представлять скольт-саамов как людей с высокой сексуальной моралью, недостаток которой представлял бы серьезный риск для здоровья нации в евгеническом дискурсе [12, с. 329; 29, Tanninen M., с. 160].

В течение тысячелетия существовала долгая литературная и (часто любительская и повторяющаяся) научная традиция в отношении изображений саамов, в которой за несколько сотен лет до карьеры Таннера перестали сравнивать саамов с обезьянами по внешнему виду и сексуальному поведению. Однако обезьяны фигурировали в расовом дискурсе, так как определённые группы людей с маленьким телом классифицировались как промежуточные между обезьяной и человеком. Эта категория называлась пигмеями. Самой большой

группой, которую можно отнести к этой промежуточной позиции, были чернокожие, которые иногда считались сродни приматам [8, с. 40–44; 9, с. 119]. Обратите внимание на категоризацию воображаемых прототипов саамов, с точки зрения Таннера, — полупигмеев. Внутритекстовые источники для этого термина потенциально многочисленны, но они не отличаются положением пигмейских рас в эволюционных терминах, где они занимают самое низкое место⁷. Дискурс о расовых различиях был близок Таннеру, временами приводящему к идентификациям, которые позиционировали его в сомнительном уголке расовых исследований.

В *Антропогеографии* Таннер использовал несколько методов физической антропологии. Он определил, что скольт-саамы были смешанной расой, опираясь на метод, полученный на основе любительской физиогномики, анализа, основанного на первых впечатлениях при взгляде на черты лица саамов, которых он встречал [12, с. 282–286]. Таннер также выразил надежду на исследование психической антропологии, мысли и эмоциональной жизни скольт-саамов. Это последнее свидетельствует о некоторой степени готовности со стороны Таннера пройти от чисто количественной интерпретации рас в социально-биологическом направлении, применяя аналогии из расовых измерений в сфере культуры и социальных характеристик.

Расовая психология и изучение психических характеристик групп людей были предметом дискуссий, критиковались за использование субъективных, непроверенных данных, например, Хальвданом Брином (даже если он использовал их в своих исследованиях), Кристианом Шрайнером (также в его научно-популярных работах) и Германом Лундборгом, который считал, что этот научный аспект потребует более подробного наблюдения [9, с. 88–90, 133, 152]. Таннер оставался главным образом на количественной стороне, однако, избегая нормативно-описательных пассажей о расах.

Выводы: Таннер — социальный эволюционист

Как уже упоминалось, Пауло Сусилуото считал, что Таннер не представил никакого объяснения расовой биологии в своей интерпретации общества и культуры скольт-саамов [6, с. 16]. Ключевым моментом здесь является расовая биология, наиболее агрессивные результаты которой Таннер оспаривал. По-видимому, он разделял расовую парадигму, но расовая дискуссия в его книге заключалась в обсуждении «фактов», результатов текущих научных исследований, доказательств (желаемых) карельского происхождения саамов. В то время

⁷ Этот термин может исходить от Бриана, Хальвдана: *Menneskerasene og deres utviklingshistorie*, Olaf Norli forlag, Oslo 1925, в списке литературы в *Антропогеографии*.

это были законные элементы научного дискурса, которые можно было обсудить научным образом и, в случае с Таннером, они могли быть и были выбраны для трансформации негативного образа скольт-саамов. Проблема заключалась в том, что сама схема и дискурс, которые Таннер использовал для поднятия и расстановки групп людей на лестницах рациональности и адаптации, по-прежнему позиционировали скольт-саамов как занимающих самое низкое положение на расовых и общественных лестницах.

Решающим вопросом при определении позиции Таннера в области расового мышления является то, что он различал и признавал расовую вариацию умственных способностей. Явные размышления о предполагаемом превосходстве германской расы отсутствуют, и он не использовал термин «арийская раса» в книге. Тем не менее, восприятие Таннером западной формы как более сильной культурной и экономической очевидно при кодировании саамов как восточной группы, и восприятие Таннером славянских импульсов: обе группы считались более низкими. С другой стороны, способ Таннера по обращению с оленеводством демонстрирует чувствительность к разным видам, контекстам или экологически обоснованным рациональностям. Такой вид культурной относительности стал правилом только после идеологического краха физической антропологии после Второй мировой войны.

Если не раса определяла культуру скольт-саамов, то тогда что? Таннер был явным социальным эволюционистом, подчёркивавшим роль экономики: он показал, как натуральное хозяйство должно уступить место экономическим формам, которые лучше отвечают потребностям нынешнего времени. Это уже происходило среди полукочевников региона, и также было бы судьбой крестьян, если бы регион или глушь «внезапно» модернизировались.

Таннер подчеркнул роль современного транспорта и дорог, доходящих до мест проживания скольт-саамов, что приводит к притоку более дешевой пищи, что, в свою очередь, сделает натуральное хозяйство невыгодным. Культурные импульсы заклеямили бы старые средства существования как нежелательные перед лицом преимуществ современной жизни. Таннер считал модернизацию положительной и ссылался на уже существующую сильную модернизацию из-за импульсов из культивируемых районов. Риск состоял в том, что модернизация могла бы сделать условия жизни настолько лёгкими, что это привлекло бы свободное и ленивое население в регион. В таком случае, «естественный отбор» среди «самых сильных персонажей» («voimakkaimmat luonteet») был бы сложнее, выделяя социальные эволюционистские черты, по мысли Таннера [30, с. 79–80, 83, 90].

В течение 1920-х гг. Таннер написал сводный документ о полунумадизме скольт-саамов, в котором он описывал природу и окружающую среду как элементарную силу в по-

строении материала и полукочевого культуры. Основы полукочевого способа управления были заложены на ранней стадии истории в периоды естественного самообеспечения.

Природа и окружающая среда были основаниями, экономика была движущей силой, способом организации экономической жизни, которая затем формировала культурную форму. Последние упоминаются в диалектическом отношении друг к другу, добавляя материалистический смысл идеям Таннера. Таким образом, культура носила природный характер, типичный образ мышления о слоях культуры среди буржуазии, которая оказалась в безопасности на верхних ступеньках лестницы идеальных, высших форм культуры [9, с. 184].

Интеллектуальная культура также могла бы развиваться за счёт культурных заимствований, но она была функцией материальной культуры для Таннера (сравните Халвдана Бри-на, для которого культурная эволюция была побочным продуктом биологической эволюции человечества [9, с. 127], который предлагает ключ к возможности, по крайней мере, возможности развития внутри культуры.⁸

Примечательно то, что Таннер склонялся не к финско-шведскому евгеническому дискурсу, а к финскому гигиеническому дискурсу и к своей собственной схеме экономики как основополагающему элементу культуры. По этому поводу Таннер демонстрирует свою независимость как учёный, способный отделить себя от расовых дискурсов. Сусилуото прав в том, что Таннер искал порядок в обществе скольт-саамов из общественных обычаев, а также от природы, а не от перспективы расы [6, с. 16]. Таннер использовал расовые исследования для того, чтобы поднять положение скольт-саамов в тех категориях, и, кроме того, использовал понятие «тип» в некоторых отрывках книги в качестве объяснительной категории. Количество переменных привело к разрыву в расстановке приоритетов: иногда раса удостоивалась грандиозной роли, которую она получила ретроспективно в более сомнительных сегментах расового учения. Эта глава относится к числу отрывков в книге, которая не была завершена, поскольку у Таннера явно не хватило времени, чтобы упорядочить порядок переменных, которые бы раскрыли рассуждения Таннера по многим, частично противоречивым направлениям.

Как и в археологии и истории, физическая антропология может быть использована для построения нового образа прошлого и национальной идентичности путем гомогенизации, диверсификации или переопределения этнической принадлежности археологических культур [31, Okkonen J., с. 65, 68]. Таннер принимал участие в этой борьбе, которая имела отношение как к прошлому, так и непосредственно к настоящему даже с расовой точки зрения.

⁸ ATUM, AVT, box 4, folder 4, Notater om samiska forhold (рукопись без даты).

Он восстанавливал историю рас и поселений, в которой ключевым моментом являлся первый пришедший носитель чистой расы до того, как он несколько позднее ассимилировался с другими народами.

Несмотря на частичную неудачу в создании последовательных предысторий в книге, расовые исследования были для Таннера не только авангардной, но и обычной наукой, где он использовал типологию, созданную Томасом С. Куном; расовые исследования были законной отраслью науки в её стремлении попытаться понять народ и его будущее. Расовые исследования были также законным средством для Таннера убедить академический мир в его исследовательских навыках и в том, что он был авангардистом.

Литература / References

1. Kemiläinen A. *Suomalaiset — outo Pohjolan kansa, Rotuteoriat ja kansallinen identiteetti*, Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 1993, 428 p.
2. Lake M. and Reynolds H. *Drawing the Global Colour line, White Men's Countries and the International Challenge of Racial Equality*, Cambridge, Cambridge University Press, 2008, 376 p.
3. Tydén M. *Från politik til praktik, De svenska steriliseringslagarna 1935–1975*, Stockholm, Stockholm universitet, 2002, 622 p.
4. Lehtola V.-P. *Saamelaiset suomalaiset — kohtaamisia 1896–1953*, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012, 532 p.
5. Kylli R. *Saamelaisten kaksi kääntymystä, Uskonnon muuttuminen Utsjoen ja Enontekiön lapinmailla 1602–1905*, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012, 320 p.
6. Susiluoto P. Suomen ajan ihmismaantiedettä Petsamossa, *Ihmismaantieteellisiä tutkimuksia Petsamon seudulta, 1 Kolttalappalaiset* / ed. Susiluoto P., Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000, pp. 9–31.
7. Gunaratnam Y. *Researching Race and Ethnicity, Methods, Knowledge and Power*, London, Sage Publications, 2003, 224 p.
8. Isaksson P. *Kumma kuvajainen, Rasismi rotututkimuksessa, rotuteorioiden saamelainen ja suomalainen fyysinen antropologia*, Inari Kustannus Puntsi, 2001, 402 p.
9. Kyllingstad J.R. *Kortskaller og langskaller, Fysisk antropologi i Norge og striden om det nordiske herremennesket*, Oslo, Scandinavian Academic Press / Spartacus Forlag AS, 2004, 226 p.
10. Rosberg J.E. *Laplynne*, Helsingfors, Söderström, 1922, 204 p.
11. Cvetkovski R. Introduction: On the Making of Ethnographic Knowledge in Russia, *An Empire of Others, Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / ed. Cvetkovski R. and Hofmeister A., Budapest — New York, Central European University Press, 2014, pp. 1–22.
12. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skoltlapparna, *Fennia*, 1929, No. 4, volume 49, pp. 1–518.
13. Rosberg J.E. Anteckningar om lapparna i Finland, *Geografiska Föreningens Tidskrift*, 1910, volume 22, pp. 1–127.
14. Mogilner M. Beyond, against, and with Ethnography: Physical Anthropology as a Science in Russian Modernity, *An Empire of Others, Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / ed. Cvetkovski R. and Hofmeister A., Budapest — New York, Central European University Press, 2014, pp. 81–119.
15. Friis J.A. *En Sommer i Finmarken, Russisk Lapland og Nordkarelen, Skildringer af Land og Folk*, Christiania, Alb. Cammermeyer, 1871, 390 p.
16. Helland A. *Norges land og folk topografisk-statistisk beskrevet 20 D. 2, Topografisk-statistisk beskrivelse over Finmarkens amt Befolkning og historie*, Kristiania, Aschehoug, 1906, 767 p.
17. Wiklund K.B. Språken i Finland 1880–1900, *Ymer*, 1905, volume 25, pp. 132–149.

18. Nickul K. *The Skolt Lapp Community Suenjelsijd during the Year 1938*, Stockholm, Nordiska Museet, Hugo Gebers förlag, 1948, 90 p.
19. Molarius P. "Veren äänen" velvoitteet — yksilö rodun, perimän ja ympäristön puristuksessa. *Uusi uljas ihminen, eli modernin pimeä puoli* / ed. Härmänmaa M. and Mattila M. Jyväskylä, Atena Kustannus Oy, 1998, pp. 94–116.
20. Hakosalo H. Elsa Ryti ja naisen mahdollisuudet 1920-luvun suomalaisessa lääketieteessä, *Historiallinen Aikakauskirja*, 2012, volume 110, pp. 35–50.
21. Knapas R. Språkstrid och högerextremism. *Finlands svenska litteraturhistoria, Andra delen: 1900-talet, Uppslagsdel* / ed. Zilliacus C., Helsingfors — Stockholm, Svenska Litteratursällskapet i Finland, Bokförlaget Atlantis, 2000, pp. 140–142.
22. Mattila M. Suomen ruotsinkieliset ja laadukkaamman väestön vaatimus. *Uusi uljas ihminen, eli modernin pimeä puoli* / ed. Härmänmaa M. and Mattila M., Jyväskylä, Atena Kustannus Oy, 1998, pp. 117–141.
23. Nyyssönen J. The Control of the Cultural Borders between the Finns and the Skolt Sami, From Ambivalence to Respect of the Border, *Journal of Northern Studies*, 2009, volume 3, pp. 43–54.
24. Halmesvirta A. *Vaivojensa vangit, Kansa kysyi, lääkärit vastasivat – historiallinen vuoropuhelu 1889–1916*, Jyväskylä, Atena Kustannus Oy, 1998, 338 p.
25. Thuesen S. *Fremmed blandt landsmænd, Grønlandske kateketer i kolonitiden*, Nuuk, Forlaget Atuagkat, 2007, 398 p.
26. Heinonen V. *Talonpoikainen etiikka ja kulutuksen henki, Kotitalousneuvonnasta kuluttajapolitiikkaan 1900-luvun Suomessa*, Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 1998, 448 p.
27. Kylli R. *Kirkon ja saamelaisten kohtaaminen Utsjoella ja Inarissa 1742–1886*, Rovaniemi, Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys, 2005, 530 p.
28. Halmesvirta A. Sports as Panacea: Hygiene and the Rise of Sports Movement in Finland, 1880–1920, *Ideology and Argument, Studies in British, Finnish and Hungarian Thought*, Helsinki, SKS, 2006, pp. 204–221.
29. Tanninen M. Halun ja järjen taistelukentillä, Sosiaalihygieenisen seksuaalimoraalin vaatimukset Max von Gruberin luennossa, *Die Prostitution vom Standpunkte der Sozialhygiene aus betrachtet* (1900), *Relatiivisuuden ylistys, Kirjoituksia tieteen ja tieteiden historiasta* / ed. Koivunen L. and Tunturi J. Turku, Turun yliopisto, 2013, pp. 153–168.
30. Tanner V. Voidaanko Petsamon aluetta käyttää maan hyödyksi? Keinoja ja tarkoitusperiä. *Fennia*, 1927, No. 3, volume 49, pp. 1–122.
31. Okkonen J. «Rodullisen erityisyyden» paradigman muotoutuminen Japanissa 1940-luvulla, *Vieraan rajalla* / ed. Alenius K. and Fält O.K., Rovaniemi, Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys, 2012, pp. 65–72.

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.165

Исследование меньшинств: между наукой и политикой¹

© **Ландсем Лена Ингиле**, аспирант, кафедра археологии, истории, религиоведения и теологии. E-mail: lena.i.landsem@uit.no

Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь между наукой и политикой в исследованиях меньшинств в период с 1979 до середины 1980-х гг. в Университете Тромсё. На исследование оказали влияние различные условия того времени, такие как политические события и приоритеты и идеологические потоки в академических кругах. Три фактора повлияли на выбор темы, приоритетов и

подходов к исследованиям меньшинств в Северной Норвегии. Первым фактором было возведение дамбы на реке Алта-Каутокейно, затем борьба за права саамов и политические изменения в отношении саамского населения в Норвегии. Каковы были последствия этой политики для исследований в академической среде в Северной Норвегии? Вторым фактором стала исследовательская программа, проводимая Норвежским общим научно-исследовательским советом (NAVF). Анализ соответствующих тем и тематических областей в исследованиях меньшинств осуществляется на основе этой исследовательской программы. Наконец, будут использоваться методологические и исследовательские политические дискуссии по эмическим и этическим позициям, которые были значимы в 1980-х гг. Только ли саамы или также исследователи, принадлежащие к этническому большинству, имели право проводить исследования саамов? Источниками явились внутренние документы, отчёты, научные статьи и устные сведения из UiT.

Ключевые слова: исследование меньшинств, исследовательская политика, Университет Тромсё, исследования саамов и квенов

Research into minorities: between science and politics²

© **Lena Ingilæ Landsem**, Ph.D. candidate, Department of Archaeology, History, Religious Studies and Theology. E-mail: lena.i.landsem@uit.no

University of Tromsø — The Arctic University of Norway.

Abstract. The article examines the interplay between science and politics in minority-research in the period 1979 to mid-1980s at the University of Tromsø. Research was influenced by different conditions at the time, such as political events and policy priorities and ideological of streams in academia. Three factors influenced the choice of theme, priorities and approaches to minority-research in North Norway. The first factor was the damming of the Alta-Kautokeino river, followed by Sami rights struggle and political changes towards the Sámi population in Norway. What consequences did the political case for the research for the academic environment in the Northern Norway? The second factor was the research-program run by the Norwegian general scientific Research (NAVF). An analysis on the relevant themes and focus areas within minority-research is undertaken on basis of the research program. Finally I will use the methodological and research political discussions on emic and etic research positions that took place in the 1980s. Was it the Sámi themselves, or also the researchers belonging to the majority that had the right to pursue research on the Sámi? Sources consist of internal documents, reports, research papers and oral sources from the UiT.

Keywords: research on minorities, research politics, University of Tromsø, Sami and Kven research

¹ Автор благодарит Мэри Джонс за перевод статьи на английский язык. Ответственность за возможные ошибки в тексте, тем не менее, лежит на авторе статьи.

² Thanks to Mary Jones for translating the article into English, while it is the author who stands responsible of the remaining faults in the text.

Введение

Тема этой статьи — исследование меньшинств, проводимых в Северной Норвегии в период с 1979 до середины 1980-х гг. Главная цель — осветить взаимодействие между исследованиями и политикой в этот период. В то время Университет Тромсё (UiT) был одним из четырёх университетов Норвегии, и после своего создания в 1972 г., он взял на себя ответственность за получение знаний, полезных для регионального сообщества, включая саамские и финские населённые пункты в Северной Норвегии.³ Исследования меньшинств были связаны с политическими событиями, приоритетами академической политики и идеологическими тенденциями. Выбранный период иллюстрирует, как академические внешние и внутренние отношения влияли на приоритеты исследователей в научных темах, а также на дисциплинарные и идеологические подходы.

Эта статья состоит из трёх частей и посвящена трём вопросам. Первый вопрос связан с политическим сообществом, которое характеризуется судебным процессом по развитию власти в районе Финнмарк, известным как «дело Алты», с последующей борьбой саамов за гражданские права и центральными политическими изменениями в отношении населения саамов в Норвегии. Как академические круги в Северной Норвегии справлялись с политическими действиями и проводили различие между политическими и академическими задачами?

Второй вопрос связан с академической политикой, в рамках которой наука сталкивается с установкой приоритетов в обширной исследовательской программе под руководством Норвежского общего научно-исследовательского совета (NAVF). Аргументация, лежавшая в основе исследовательской программы, длившейся девять лет, показывает, какие темы считались актуальными в исследованиях меньшинств. Эта программа была нацелена на две группы: меньшинства саамов и меньшинства на финской границе (квены), которые утвердились в этом регионе между 1700 и 1900 гг. «Дело Алты» стало темой прав меньшинств, и исследовательская программа должна была внести вклад по сохранению языка и культуры меньшинств, но можно ли их рассматривать одинаково?

Заключительный раздел статьи посвящён различным подходам к исследованиям меньшинств, которые возникли в академических теоретических дискуссиях в 1980-х гг. Можно ли обнаружить сдвиг парадигмы в дебатах о культурных исследованиях? Основной вопрос заключается в том, как исследовательское сообщество сделало саамов «слабой» группой по отношению к норвежскому обществу, чтобы подчеркнуть потребности исследований.

³ Поскольку термин «квен» был обычным названием этой группы в академических кругах в тот период, я буду использовать его во всей этой статье. Этот термин имеет более широкое значение и обычно не используется самими меньшинствами.

В этой статье рассматривается небольшая часть докторской работы, охватывающей период 1972–1990 гг. по той же теме, в которой анализируется взаимосвязь между исследованиями и политикой в исследованиях Арктики в отношении меньшинств в Норвегии. Документы семинара, программные документы и отчёты об оценке являются основными источниками, которые использовались для рассмотрения этих вопросов. Я также использовал устные интервью. До этого тема не изучалась так глубоко и тщательно. Таким образом, эта статья несёт в себе следы фундаментальных исследований и методологически является герменевтической и контекстуализированной. Источники читаются с интересом к научным намерениям, к которым стремились, и к позициям, принятым в ходе дискуссии о предпочтительном научном направлении. Основное внимание уделено взаимодействию между общественными дебатами, борьбе саамов и квенов за свои права и влиянием этих контекстуальных событий на переговоры в рамках UiT.

Политическая борьба за права саамов

Силовое развитие в случае с водотоком Алта-Каутокейно («дело Алты») доминировало в политике Норвегии в период 1979–1982 гг. и в ретроспективе достигло решающего момента в политической мобилизации саамов из-за изменения правительственной политики в отношении саамского народа. Одной из причин этих изменений было, вероятно, то, что этот случай затронул академический мир так же, как и мир политики. Вовлечение в дело было сопоставимо с политической культурой участия в 1970-х гг., которая была окрашена восстанием студентов в 1968 г., кампанией ЕЭС в 1970–1972 гг., движением за защиту окружающей среды и женским движением, а также общей ориентацией на идентичность и корни. Этническая политическая мобилизация была частью этого, а также международного феномена. В Норвегии ссылка на «дело Алты» обеспечила легитимность политического движения саамов в глазах национальных властей. Университет Тромсё служил ареной политической мобилизации и академической проблематизации развития власти и прав саамов. «Дело Алты» было единственным вопросом, который наиболее чётко определил связь между политикой и социальными науками в академическом мире Северной Норвегии.

В чём состояло «дело Алты»?

Обстоятельства «дела Алты» иллюстрируют, с чем пришлось иметь дело исследователям, поэтому здесь необходимо краткое пояснение. Временные рамки дела охватывали период с 1968 по 1982 г. и в широком смысле были связаны с конфликтом относительно планов принятия и завершения строительства электростанции в водотоке между Каутокейно и Алтой в районе Финнмарк. С одной стороны, утверждалось, что развитие энергетики отри-

цательно скажется на запасах лосося в реке и оленеводстве в регионе, в то время как с другой стороны аргументы были за то, что это обеспечит энергию для ожидаемого технологического развития в стране. Те, кто выступал против развития, включали активистов по охране окружающей среды, секторы местного самоуправления (партия лейбористов, которая в то время находилась у власти, и в которой произошел раскол из-за этого случая), организации, занимающиеся интересами саамов и народное оппозиционное движение, а норвежские водные ресурсы, Директорат по вопросам энергетики (Norgesvassdrags-ogenergivelsen, NVE) и национальные и региональные власти хотели развития энергетики, которое обеспечила бы плотина.⁴

Серьёзное противодействие этим планам появилось летом 1978 г. в Алте, когда было создано «народное оппозиционное движение по развитию водотока Алта-Каутокейно», а в ноябре того же г. оно усилилась после того, как парламент дал своё согласие на план развития правительства, который был затем ратифицирован в июне 1979 г. Разногласия относительно законности этого соглашения привели к рассмотрению дела в окружном суде Алты.

Самые масштабные демонстрации проходили летом и осенью 1979 г. и в начале 1981 г. Демонстранты разбили лагерь в Стилле, где начиналась строительная дорога, а группа активистов-саамов разместилась рядом со зданием парламента с чётким набором требований к правительству, что привело к голодовке, когда правительство им отказало.

Различные группы имели разные точки зрения. Некоторые требовали прекращения разработки до тех пор, пока её законность не была бы подтверждена в судебном порядке. Другие требовали прекращения разработки независимо от юридического решения, в то время как третья секция, включающая региональные власти в Финнмарке, считала, что разработка должна продолжаться. Впоследствии вопрос о законных правах саамов был включён в политическую повестку дня, а в октябре 1980 г. правительство назначило Комиссию по правам саамов (Samerettsutvalget), чтобы разобраться в вопросе о правовой позиции саамов в Норвегии. «Дело Алты» было заслушано в декабре 1980 г. в окружном суде Алты, который принял решение о том, что постановление правительства в ноябре 1978 г. является юридически обязательным. Затем дело было передано в Верховный суд, и запланированные строительные работы были начаты в 1981 г.

Оппозиция к тому времени стала устоявшейся и была готова снова принять меры в Стилле. Власти противостояли этому протесту силами 600 полицейских, а 14 января 1981 г.

⁴ Подробное описание дела читайте в Norges Offentlige Utredninger, номер 13 om Norske samers rettslige fremtid: samerettsutvalget med delinnstilling våren -84. Menneskerettigheter, с. 50–68.

они убрали порядка 800–1000 демонстрантов со строительной дороги, свидетелями этого стали 150–200 представителей СМИ, которые освещали дело. Четыреста демонстрантов были привлечены к ответственности. К вечеру проезд был очищен от людей, но активисты-саамы продолжали в Осло новую голодовку перед зданием парламента. Группа саамских женщин также прибыла в столицу, чтобы поговорить с премьер-министром Гро Харлем Брундтланд. Саамские женщины не получили её поддержки и остались в кабинете премьер-министра с 6–7 февраля. Освещение СМИ протестов в здании правительственного офиса мобилизовало большое количество людей, которые симпатизировали политическому движению саамов. Группа была разобщена полицией в конце дня. «Дело Алты» было урегулировано в Верховном суде 26 февраля 1982 г. — разработка была признана законной.

«Дело Алты» началось как борьба за защиту реки и превратилось в борьбу за права саамов и обращение норвежского государства с саамами как с коренным народом. Одним из ключевых вопросов в конфликте, который был уместен в академическом контексте, был вопрос о том, могут ли, и в какой степени представители саамов признать правовую защиту как этническое меньшинство и коренное население, или же саамы — по мнению правительства — имели права и обязанности норвежских граждан [1, с. 64]?

Учёные, участвовавшие в «деле Алты»

«Дело Алты» было политическим событием, которое в значительной степени повлияло на академическую среду в Северной Норвегии. Участие в публичных протестах, использование университета студентами в качестве арены для распространения политического послания, а также организация крупномасштабного семинара по этому делу демонстрируют как политическое участие, так и акцент на академическом изучении проблемы, относящейся к политике того времени.

Многие академические сферы занимались этим делом. Саамская интеллектуальная сцена, связанная с Северным Саамским Институтом (ССИ) в Каутокейно, объединила свою исследовательскую роль с активной оппозицией по решению правительства построить электростанцию. С точки зрения института, это было напоминание о том, насколько слабой была правовая позиция саамского народа по сравнению с норвежским народом. С тех пор как в 1973 г. был создан ССИ, исследователи инициировали и участвовали в культурном движении саамов и проводили как местную, так и международную политику, основываясь на общей цели служения саамскому населению на землях Северных стран во всех областях [2, Kalstad J.K.H., с. 41]. Осуществлялось тесное сотрудничество с организациями саамов на национальном уровне и организациями коренных народов на международном уровне, среди прочих,

активную роль на международных аренах в этом играла Аслак Нилс Сара. Вместе с организациями саамов ССИ провёл несколько встреч с Комиссией по правам саамов, и таким образом исследователи вносили свой вклад в работу по составлению публичного доклада. Здесь исследователи занимались определением «этнической принадлежности» и внесли предложения относительно состава и модели парламента саамов [3, Keskitalo A.I., с. 34]. С самого начала были очевидны три аспекта: непосредственное участие саамских учёных, стремление к непосредственному внедрению знаний о саамах и отображение отношения между саамами и норвежскими обществами как асимметричное.

Исследователи из ССИ стали известны благодаря их участию в общественных делах в 1970-х и 1980-х гг. Правила института показывают, что они шли в соответствии с основным принципом, играя активную роль в политическом развитии саамского общества. Они считали, что наука в конечном счёте связана с политическими ценностями и не может претендовать на то, чтобы быть этнически объективной [4, Keskitalo A.I.]. Таким образом, научная борьба получила эпистемологическую основу: вся наука была окрашена восприятием научного наблюдателя. Примером этого может служить западная наука, которой руководствовались политические власти в своих интересах. Точно так же производство знаний и их передача от саамского общества и о нём будут способствовать стремлению к политическим переменам. Научная деятельность осуществлялась в форме передачи государственным органам информации о потребностях саамского общества и о его представлениях о мире.

Для Университета Тромсё «дело Алты» стало возможностью повысить свою академическую компетентность. Для группы исследователей саамов/этнических отношений, на которую была возложена особая ответственность за исследования отношений с саамами, «дело Алты» было чрезвычайно желанным.⁵ «Было постоянное ощущение, что «это важно», «вовремя»; здесь они могли бы внести свой вклад и быть «полезными», по мнению антропологов Саугестада и Рамстада [5, с. 100]. Группа взяла на себя как научный, так и политический план работ.

Необходимо было продемонстрировать факты о положении дел прав саамов. Научное участие проявило себя в виде семинара по теме «Права коренных народов: что говорит об этом норвежская юридическая практика?», прошедшем осенью 1979 г. в Университете Тромсё, одновременно с первой крупномасштабной демонстрацией в Стилле. Некоторые из приглашённых были международными исследователями, и исследовательская группа наде-

⁵ Группа, исследовавшая саамов и межэтнические отношения, была одной из пяти междисциплинарных исследовательских групп, организованных Институтом социальных исследований в UiT. Члены группы проводили исследования в области этнографии, географии и антропологии.

ялась, что их анализ групп коренного населения в других странах может послужить основой для сравнения и для обсуждения ситуации с саамами в северных странах [6, Thuen T., с. 5]. Семинар финансировался Университетом Тромсё и был открыт для общественности. Среди участников были представители различных саамских организаций в скандинавских странах, а также представители премьер-министра и генерального прокурора. Последние двое присутствовали на семинаре в качестве наблюдателей.

Одна из основных целей заключалась в том, чтобы продемонстрировать, как структура норвежской государственной администрации создавала ограничения для защиты интересов саамов, которые существовали на основе собственных культурных и экономических условий группы.⁶ Современные административные сферы включали оленеводство, местное планирование и предпринимательство, жилищные схемы, и саамское предпринимательство и фонд развития. Одна из вспомогательных целей заключалась в том, чтобы показать взаимодействие между администрацией и этническими меньшинствами, которое может быть истолковано, с одной стороны, как область распределения государственных ресурсов, а с другой — как сфера коммуникации. Исследователи хотели проанализировать способы мышления и вопросы, которые, по их мнению, передавались посредством таких сигналов, как речь, действие, репрезентативные случаи, слушание [6, Thuen T.]. Национальная пресса сообщила о семинаре как о попытке раскрыть смысл претензий саамов, а также как о попытке «формирования дискуссии о том, в какой степени правовые меры не должны применяться в отношении саамов».⁷

Семинар показал, как исследователи участвовали в одновременных дебатах об обществе, но исследователи не были полностью единодушны в отношении того, какой подход был бы наиболее продуктивным для использования в этой жаркой политической ситуации. Известно, что Лейбористская партия была разделена как на региональном, так и на центральном уровне в отношении развития власти. В Университете Тромсё состоялось внутреннее обсуждение того, какую стратегию должны использовать исследователи для рассмотрения мнений, не совпадающих с отношением правительства к данному делу. Эта дискуссия иллюстрирует внутреннюю напряжённость в свете роли исследователей как посредников между большинством и меньшинством или как субъектов в выявлении фактических последствий государственной политики. С одной стороны, утверждалось, что сосредоточение внимания на отношениях между рабочим движением и движением саамов может провоциро-

⁶ Herstad J. Institutt for samfunnsvitenskap, Universitetet i Tromsø, Årsrapport 1978. 1979. p. 41.

⁷ Hjort-Larsen, Arvid. Seminar om same-rett. Verdens Gang. 07.11.1979.

вать правящее правительство Лейбористской партии. Возможно, стратегически неверно провоцировать правительство в уже вспыхнувшем конфликте, когда есть надежда, что академические оценки данного дела могут заставить изменить его взгляды. С точки зрения студентов, некоторые из которых были саамами, казалось, что исследователи принимают роль адвоката и действуют как опекуны, выступая от имени группы, вместо того чтобы саамские учёные могли представить дело самостоятельно [7, Stordahl V., с. 178].

В семинаре коренных народов участвовало значительное количество слушателей, и после его проведения широкое распространение получили целенаправленные публикации: содержание семинара было опубликовано в антологии в 1980 г. Библиография саамов была опубликована в качестве приложения [6, Thuen T.; 8, Thuen T.]. Сокращённые версии лекций, адаптированных для широкой аудитории, были опубликованы музеем Тромсё в популярном научном журнале «Ottar» в 1981 г.⁸

После семинара антропологи Ивар Бьёрклунд и Терье Брантенберг составили отчёт о последствиях строительства электростанции для оленеводства в регионе. Они считали, что общественное обсуждение оленеводства в связи с «делом Алта» не показало правильного понимания того, что действительно произошло [9]. Отдел этнографии музея Тромсё также подготовил письменный отчёт, связанный с законом о культурном наследии в регионе в то время.⁹

Политическая работа в академических масках

Студенты из Университета Тромсё использовали академическое сообщество в качестве арены для мобилизации оппозиции по «делу Алты».¹⁰ Это было достигнуто за счёт распространения информации и сбора средств. Копировальные машины университета использовались для копирования документов для саамской политической партии «Норвежская ассоциация саамов» (Norske Samers Riksforbund, NSR), которая хотела распространять академические статьи по отношениям с саамами, написанные в университете.

Работа выполнялась частично в секрете. Академический персонал в Университете Тромсё закрывал на это глаза, и ученикам было позволено сделать это под предлогом копирования академических статей. Деньги были собраны от имени НАС. Студенты использовали

⁸ Alta-sak — samesak — urbefolkningssak. Ottar, 1981, volume 129.

⁹ Storm D. "Ressursutnyttning i Vest-Finnmark og Kvænangen", Samisk-etnografisk avdeling, Tromsø Museum 1977; Storm D. "Undersøkelse om samisk bosetting og ressursutnyttig i Kvænangen Tromsø" Samisk-etnografisk avdeling, Tromsø Museum 1978; Storm D., "Registrering av samiske kulturlevninger." Samisk-etnografisk avdeling, Tromsø Museum 1978.

¹⁰ Интервью с Вигдис Стурдал, 2015.

списки сотрудников для распространения бланков приходных ордеров. Академические титулы использовались для достижения целей через политические каналы.

И студенты, и сотрудники университета принимали участие в демонстрациях в Стил-ле. Были разные взгляды на то, как сотруднику принимать участие в этой политической акции. С одной стороны, утверждалось, что «беспристрастная информация для всех вовлечённых сторон является наилучшим вкладом в дело саамов».¹¹ Политическое участие могло потенциально ослабить академический аргумент в глазах общественности. Антрополог Пер Матисен утверждал, что разграничение между экспертными знаниями и политикой сделает экспертное мнение гораздо более сильным. Он утверждал, что дело не в том, чтобы быть «политиками в академической одежде», что было особенно важно в отношении «дела Алты». Другие члены персонала предпочли путешествовать в Стиллу, считая, что участие в политических действиях было не только законным, но и необходимым для того, чтобы создавать политические последствия.¹² Академическим демонстрантам было формально необходимо получить разрешение от группы исследователей саамов/этнических отношений, чтобы люди вне академической сферы не рассматривали свою деятельность как часть своей академической работы.¹³

Подводя итог, можно сказать, что академическое сообщество в Северной Норвегии внесло свой вклад тремя различными способами: научная критика этого дела, их политическая деятельность и подготовка публичных отчётов. «Дело Алты» вызвало высокий уровень участия научных кругов, причём основное внимание уделялось правам меньшинств, включая права саамского населения. Академический и политический уровни были тесно связаны друг с другом, что затрудняет определение исследователей в соответствии с их политическими или академическими задачами. Все признавали, что исследования имеют политические последствия, но были разные мнения относительно того, в какой степени этим следует заниматься.

Знания о меньшинствах на севере

Дискуссия о правах саамов создала потребность в более глубоких научных знаниях о меньшинствах на севере, в том числе в гуманитарных науках. Историки Университета Тромсё оказали давление на исследовательский совет с целью предоставления средств для гуманитарных исследований меньшинств. Опубликованный в 1975 г. доклад о гуманитарных науках показал, что исследования по изучению этнических меньшинств в Норвегии были в дефици-

¹¹ Интервью с Пером Матисеном, 2014.

¹² Интервью с Иваром Бьорклундом, 2016.

¹³ Интервью с Пером Матисеном, 2014.

те. Это оправдывало междисциплинарную исследовательскую программу под названием «Язык, история и культура саамов и квенов», которая длилась с 1981 по 1990 г. в пределах суммы в 18 миллионов крон.¹⁴ Предварительный проект, датированный 1980 г., под руководством историка Нарве Бьорго, описывает преобладающую исследовательскую ситуацию в этой области и даёт представление о том, почему необходимо инвестировать в исследования отношений саамов и квенов [10, Baudou E., с. 10].¹⁵

Представление аргументов было сосредоточено на трёх факторах. Во-первых, необходимость использования новых перспектив исследований; во-вторых, нанимать людей из этих меньшинств в академические круги; в-третьих, сохранить данные исследований.

В докладе говорилось о дебатах в обществе в 1970-х гг. о том, какие перспективы видят исследователи, кому эти исследования должны служить, кто должен руководить ими и кто должен определять цели исследований.¹⁶ Эти аспекты исследовательской политики должны быть приняты во внимание, чтобы «те, кто пострадал, получали разумную выгоду (от самого исследования)». Исследования по меньшинствам и исследования по этническим группам должны не просто включать исследования методов разработки для большинства». ¹⁷ Не было единодушия касательно найма сотрудников. Некоторые утверждали, что «исследования должны проводиться самими коренными народами и [...] проходить на их условиях». ¹⁸

Ранее исследования проводились на условиях, продиктованных обществом и национальным государством, а меньшинства имели право сами заботиться о своих духовных и материальных ценностях. Этот аргумент иллюстрирует отношение к тому, что саамы и квены обладают культурной и лингвистической компетенцией для проведения более качественных исследований, чем люди, которые не принадлежат к этим группам. Другие утверждали, что люди с норвежским этническим происхождением должны также быть привлечены к таким исследованиям и могут быть одинаково полезны. Приём на работу также обеспечил бы «новые» секторы общества, в которых саамская и квенская культура стала бы их частью.

¹⁴ В 2016 сумма 64,8 млн норвежских крон была равна 7 578 238 долл. США.

¹⁵ Бьорго сформулировал заметки, взятые из источников, предоставленных 15 исследователями, охватывающих многие научные области, связанные с академической средой саамов, музейной сферой, региональной административной системой сохранения культуры и тремя из четырех национальных университетов. Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerande notat til Rådet for humanistisk forskning." (A. 99.00.114) Tromsø, 1980. с. 1–8. .

¹⁶ Там же, с. 11.

¹⁷ Там же, с. 12. Венке Олсен, цитируя Бьёрго.

¹⁸ Там же, с. 13. Орнульв Воррен, цитируя Бьёрго.

В качестве аргумента сохранения подразумевалось, что исследовательские данные, относящиеся к этим культурам, должны были быть защищены, пока не стало слишком поздно. Необходимо систематически приобретать источники, хранить их и готовить к исследованиям в области культуры.¹⁹ В Норвегии, Финляндии и Швеции существовал потенциал для сотрудничества между исследователями, которым должен был воспользоваться исследовательский совет. В поле исследований нужно входить очень осторожно: чтобы не оказывать ненужного давления на осведомителей в обществах квенов и саамов. Необходимо было ограничить и регулировать норвежские исследования существующими исследованиями северных стран, которые уже проводятся в этой области.

Утверждалось, что многие аспекты языка, истории и культуры квенов и саамов были недостаточно изучены по сравнению с другими формами национальной культуры. Необходимо было освещать многие темы, такие как: 1. Теоретические исследования, представляющие общий интерес для исследований меньшинств; 2. Регистрация, сбор, сохранение и переговоры по использованию документарных материалов для исследований; 3. Лингвистика, в том числе диалектное исследование, текстовый анализ, изучение названий, социолингвистика, преподавание языка, лексика, терминология; 4. История, религиозная история; 5. Культурные исследования в рамках академических дисциплин, таких как фольклористика, этнология и этнография; 6. Специальные исследования в области социальных наук.

Были выделены средства, и акцент был сделан на трёх областях: раздел научной теории и программы исследований квенов и саамов.

Целью программы научной теории гуманитарных исследований меньшинств было открытие пути для сотрудничества с общественными науками с помощью теории социальных наук при анализе отношений между меньшинством и большинством. Исследования в области социальных наук по «слабым группам» и исследованиям конфликтов также должны быть связаны [10, Baudou E., с. 55]. Ориентация на более широкие научные рамки привела бы к вкладу в разработку основы, необходимой для гуманитарных исследований меньшинств, и программа оказала своё воздействие на два других раздела.²⁰ Этот подход поддерживал слабое положение саамов по отношению к государству.

Программа по исследованию языка, истории и культуры квенов имеет чёткий элемент культурного сохранения и направлена на сохранение и систематизацию исследовательских материалов в областях языка квенов и популярной культуры. В этом разделе исследователи

¹⁹ Там же, с. 14.

²⁰ Это обсуждается далее в этой статье, в разделе «Перспективы исследований».

смогли найти источник финансирования для исследовательских проектов. Фонды не предназначались для стипендий аспирантов, но эта ситуация изменилась в 1985 г.

Программа по исследованиям саамского языка, истории и культуры была гораздо более всеобъемлющей, чем программа по исследованиям квенов. Помимо финансирования исследовательских проектов, средства были направлены на программу набора персонала, а также на учебную программу для аспирантов. Темы в саамской программе были более подробные и сосредоточенные на диалектных исследованиях, сохранении языка/практической языковой работе и грамматических исследованиях, подготовке исходных сборников для изучения истории саамов, предыстории и истории поселений (археология/демография), а также на политических исследованиях меньшинств, процессах перемен в саамской культуре за последние 500 лет (отношения саамов — поселенцев), на истории религии и религиозной социологии [10, Baudou E., с. 57].²¹

Исследователи Университета Тромсё проявляли активность, работая с этой национальной программой, а также продолжали работу после промежуточной оценки деятельности в 1985 г. В целом, в программе было создано около 50 проектов, поддерживающих исследования и образование, более половины из которых были проведены под руководством Университета Тромсё.²²

Саамы и квены: вместе или врозь?

Поскольку программа проходила под названием «Язык, история и культура саамов и квенов», представляется разумным сравнить, как работали с темами саамов и квенов. Обе группы были подвергнуты политике норвегизации (с середины XIX в. и до периода после Второй мировой войны) и, таким образом, страдали от тех же последствий: их особая ненорвежская культура распалась и стала либо частично, либо полностью ассимилированной. Саамы и квены проживали в одних и тех же географических регионах в течение 150–250 лет, будучи объединёнными вместе и в своих общинах. С религиозной точки зрения, многие из них могут быть отнесены к членам лютеранского апостольского христианского движения (Læstadianism), которое пересекло национальные границы и создало общую идентичность как христиан, так и «детей Божьих» [11, Niemi E.].

²¹ На практике работа проходила в три этапа. Фаза 1 (1981) была посвящена инаугурации и профилированию детали программы. Этап 2 (1982–1985-е гг.) был назван фазой поддержки проекта, этап, в котором в основном планировалось проведение исследований. На третьем этапе (1986–1990-е гг.) проводилась оценка результатов и была создана программа институциональной поддержки. Эта фаза была названа фазой институциональной поддержки.

²² Из 48 проектов 26 были связаны с Университетом Тромсё. Служба научной документации. Forskningsdokumentasjonstjeneste O. f. H. Program for samisk og kvensk språk, historie og kultur Forskningsprosjekter 1979–90. 1991.

Несмотря на сходство в обращении с меньшинствами со стороны государства, во время планирования исследовательской программы были подняты вопросы о том, было ли правильно использовать один и тот же подход в отношении сообществ саамов и квенов. Культура саамов не была однородной. Существовала необходимость в более тонких подходах в исследованиях.²³

Был сделан акцент на рекрутинг саамов для исследования саамских отношений, и средства были направлены на рекрутинговые предприятия в форме студенческих стипендий в саамском разделе программы. Обоснованием этого момента стало утверждение, что «данный вопрос может рассматриваться в рамках исследования «коренного саамского народа», и иначе чем для «меньшинства квенов»²⁴. Другая причина относиться к сообществам по-разному заключалась в том, что ассимиляция поселений квенов была очень значительной, и поэтому исследование будет иметь форму «перспективы спасения», что не применимо для саамской культуры. Таким образом, тематические предложения по исследованиям были более разнообразными в саамской программе, чем в программе исследований квенов.

По-видимому, некоторые вопросы легли в основу различного отношения к двум группам. Социальная наука, теоретизирующая вокруг выражения «этническая принадлежность», проявившаяся в начале 1970-х гг., способствовала акценту на самобытности групп. Общие отношения идентичности, которые развивались во взаимодействии между саамами и квенами в течение поколений, стали менее заметными.

Сообщества саамов были, как правило, более известными, чем квенов, отчасти потому, что квены редко обсуждались центральными властями и потому, что сама группа в то время не признавала себя квенами, а скорее норвежскими финнами или финско-говорящими норвежцами.²⁵ С финской академической точки зрения их называли *Ruijansuomalaiset*, финнами Северной Норвегии, тогда как норвежский государственный термин и название группы было квены (*kvener*).²⁶ Исследования саамов имели более давнюю традицию и были гораздо более разносторонними и всеобъемлющими, чем исследования квенов

²³ Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerande notat til Rådet for humanistisk forskning." (A. 99.00.114) Tromsø, 1980. p. 14.

²⁴ Попытки нанимать квенов были начаты после промежуточной оценки в середине 1985 г.

²⁵ Название «квен» было истолковано как одиозный ярлык для чужой группы этим меньшинством.

²⁶ Когда исследователи, которые сами могли представлять это меньшинство, писали диссертации, начиная с 1970-х гг., большинство из них выбрали менее значимые выражения. В связи с этнической парадигмой примерно с 1980 г., все они, более или менее, перешли к использованию выражения «квен», определив это как этническую группу, которая сама по себе имела право требовать сохранить свой язык и культуру. Норвежская ассоциация квен (NorskeKvenersForbund) была основана около семи лет спустя, и части этого меньшинства затем взяли название «квен» для собственного использования.

[12, Minde H.]. Норвежские исследователи, проводящие полевые работы в Северной Норвегии после войны, почти полностью сосредоточились на общинных связях саамов, и большая часть этого была связана с процессами ассимиляции и этнополитики.²⁷ Масштабы исследований квенов были гораздо скромнее [13, Niemi E., с. 11].²⁸

Политический статус этих двух групп, вероятно, повлиял на приоритетность в рамках программы. Дискуссия того времени о меньшинствах и политическая мобилизация саамов, возможно, способствовали установлению приоритета саамов, который казался более очевидным, чем у квенов. Ещё в 1965 г. Комитет саамов работал над статусом «коренного народа», и во время «дела Алты» это выглядело как доминирующее выражение. Этнополитическая мобилизация саамов с 1970-х гг. и связи с международным движением коренных народов способствовали переименованию саамов с «норвежцев, говорящих на саамском» в самостоятельную этническую группу со статусом коренных народов. Дифференциация была основана на том факте, что квены, в отличие от саамов, составлявших меньшинство по международному праву, находились в том же положении, что и другие иммигранты, поскольку они решили покинуть Финляндию [14, Larsen C.B., с. 97–98].²⁹ Статус квенов считался статусом отдельной этнической группы, с государственной точки зрения они считались иммигрантами или «потомками финских иммигрантов с восемнадцатого и девятнадцатого веков».³⁰

Исследователи, имеющие академическую подготовку в исследованиях саамов, доминировали в группе, которая принимала участие в предварительном проекте. Устные источники утверждали, что баланс между темами саамов и квенов в то время не воспринимался как проблематичный, но это происходило по структурным причинам: учёных-саамов просто было больше, чем квенов. И саамов было не так много.³¹

Историк Эйнар Ниemi впоследствии проанализировал иерархическую классификацию между коренными народами и иммигрантами. [15, Niemi E.]. Это не обсуждалось в связи с

²⁷ В области социологии (Vilhelm Aubert, Per Otnes), этнологии (Gutorm Gjessing, Knut Kolserud, Ørnulv Vorren), социальной антропологии (Harald Eidheim, Robert Pain), языкознания (Kondrad Nilsen, Knut Bergsland, Thor Frette and Asbjørn Nesheim) и педагогики (Helge Dahl, Anton Hoëm).

²⁸ В области лингвистики (Anna-Riitta Lindgren, Marjut Aikio), истории иммиграции (Terje Henninen, Einar Niemi), политики (Einar Richter Hansen), социальной антропологии (Ivar Bjørklund) и локальной истории (Hans Kristian Eriksen).

²⁹ Это было заявлено ещё в 1962 г. судьёй Верховного суда Терье Вольдом и повторено в докладе Комиссии по правам саамов. Norges Offentlige Utredninger, nr. 13 om Norske samers rettslige fremtid : samerettsutvalget med delinnstilling våren -84. Menneskerettigheter p. 386.

³⁰ Отмена этого статуса иммигрантов была главной целью Норвежской ассоциации квенов с 1987 г., таким образом, удовлетворяя требование преподавания в школах на финском языке. В 1998 г. Они получили статус национального меньшинства в Норвегии.

³¹ Интервью с Эйнаром Арне Дривенес, 2015.

планированием гуманитарной программы, но стало предметом внимания в 1980-х гг. на научном теоретическом семинаре, в котором участвовал профессор Пекка Саммаллахти. Он узаконил различие между саами и квенами, относящимся к различным категориям меньшинств. По словам Саммаллахти, «меньшинства» возникли в результате национального государства и идеалов национального романтизма в отношении нации, языка и культуры. Саамы и квенские меньшинства были разными, во-первых, потому, что у квенов была Родина, а саамы были без земли [16, Sammallahhti P., с. 129]. Во-вторых, квены представляли собой иммигрантское меньшинство, тогда как саамы были коренными жителями в их собственной среде. В-третьих, квенский язык и культура квенского меньшинства находились в процессе быстрой ассимиляции, тогда как эти процессы были не столь очевидны в случае с саамами. В-четвертых, со стороны саамов возрастала решимость вернуть и сохранить саамский язык и развивать свою культуру, в то время как квенское меньшинство от этого уже отказалось. Последствия этого заключались в том, что исследователи общинных отношений квенов пытались выяснить, что *произошло*, в то время исследователи общинных отношений саамов, пытались выяснить, с точки зрения будущего, что *произойдёт*. Для саамов это был вопрос жизни; для квенов — вопрос смерти.

Поскольку эти различия были настолько очевидными, особенно с точки зрения Саммаллахти, есть основания спрашивать, почему исследование квенов было включено в ту же программу, что и саамов. Причиной этого могут быть тенденции в области истории, поскольку в предыдущее десятилетие была принята национальная перспектива, где история рассматривалась снизу, в отличие от истории, которая была видна сверху. Местная и региональная история были в оппозиции к истории страны. Другим важным элементом было соотношение историков, участвующих в предварительном проекте, и центральные позиции Херстада и Бьорго в программе. Вероятно, что мнение исторической секции способствовало тому, что квены получили место наряду с саамами в исследованиях меньшинств. Местные историки считали, что важно рассматривать население Северной Норвегии в целом, а квенские общины, подобно саамским, имели опыт, связанный со статусом меньшинства. В то время как программа была создана, книга историков Кнута Эйнара Эриксона и Эйнара Ниеми, «Den finskefare» («Финская опасность») была опубликована в качестве центрального вклада в историю норвегизации. Книга получила большое внимание и поместила отношения квенского сообщества в центр внимания [17, Eriksen K.E., Niemi E.].

Есть основания полагать, что исследовательские усилия в области языка саамов и квенов, их истории и культуры находились под влиянием одной и той же ситуации, а также

были в центре всеобщего внимания к этнической принадлежности начиная с 1970-х г. Однако следует признать тот факт, что споры о меньшинствах, связанные с правами саамов, повлияли на выбор исследований таким образом, что исследования по саамским отношениям получили больше внимания, чем исследования, посвященные отношениям квенов. Политическое участие саамов могло способствовать тому, что количество саамов, попавших в академические круги, было больше количества лиц из финского меньшинства; что в свою очередь повлияло на условия, темы и соотношения между двумя группами. Но это само по себе не объясняет дифференциацию. Традиция исследований саамов всегда была более всеобъемлющей. Причина включения исследований квенов также может быть связана с повторным открытием меньшинств в 1970-х гг., и учёные рассматривают это как один из вопросов, входящих в общую ответственность за местную историю. Намерения программы были полностью согласованы с желанием университета Тромсё содействовать региональным исследованиям, которые принесли бы пользу обществу.

Перспективы исследований

Новые перспективы исследований, требования к набору персонала и природоохранные предприятия сформировали мотивацию к открытию гуманитарной программы. Это мероприятие было способом проведения исследований по меньшинствам наравне с исследованиями в области культуры Норвегии, которые в течение 1980-х гг. были бы основой исследований по теме отношений саамов и квенов [10, Baudou E., с. 53].

Вместе с разделом научной теории была надежда на то, чтобы проиллюстрировать более сознательную или ясную теорию, касающуюся гуманитарных исследований меньшинств, где основной вопрос был посвящён взаимосвязи науки и общества. Какова была бы роль таких исследований для групп исследуемого населения? Программа продемонстрировала чёткую связь между исследованиями в области социальных и гуманитарных наук, что в какой-то степени было связано с междисциплинарным мышлением в Университете Тромсё, а также с общей тенденцией к национальному и международному [18, Fulsås N., с. 144]. Теория и методы социальных наук, такие как теория реляционной этнической принадлежности Фредрика Барта и критика позитивизма Ханса С্কьервхайма, должны были использоваться в гуманитарных предметах, таких как история, археология и язык. Критика позитивизма была центральной в новом университете в Тромсё, и студентам, даже на предварительном этапе учёбы, представляли критику объективистских исследований.

Программный синтез и программная философия для исследования не были подготовлены заранее, но должны были быть разработаны с течением времени.³² Одна из проблем, связанных с исследованиями меньшинств, заключалась в том, что ряд центральных и фундаментальных проблем не был прояснён, а вклад научной теории, в частности, был направлен на их решение [19, Kallerud E.N., с. 3].³³ Был проведён ряд научно-теоретических семинаров, подобных проведённому в ноябре 1983 г. в Тромсё, в котором приняли участие 55 лингвистов, историков, социологов и музейных сотрудников, для обсуждения фундаментальных вопросов, связанных с исследованием отношений саамов и квенов. Участники представляли гуманитарную программу, а также саамские исследования/исследовательскую группу саамских этнических отношений.³⁴

Тема была широкой и оставляла пространство для многих перспектив и точек зрения как академического, так и политического характера. В дальнейшем я представлю ряд исследователей, которые могут продемонстрировать, какие перспективы могут быть включены в исследования по меньшинствам.

Профессор истории Нарве Бьорго утверждал, что гуманитарная программа лежит на границе между исследованиями, исследовательской и культурной политикой; он также чувствовал, что она там, где и должна быть.³⁵ Когда культурное понимание является предметом изучения, во внимание должны быть приняты различные точки зрения. Бьорго различал внутреннюю и сравнительную перспективу, и обе были центральными. Тем не менее, он дал понять, что перспектива изнутри имеет приоритет. Признание того, что небольшая нация / группа людей имеет «тот же широкий спектр в общих выражениях жизни», что и более крупные культурные общины было «на самом деле [...] не более чем требованием о культурной справедливости».³⁶ Одним из условий достижения этой цели было привлечение меньшинств в программу.

³² Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerande notat til Rådet for humanistisk forskning." (A. 99.00.114) Tromsø, 1980. p. 9.

³³ Секцией научной теории программы руководил философ из Аль-Исак Кекитало из ССИ. Его руководящая группа включала профессора Нарве Бьорго в качестве председателя, профессора Инге Леннинга (теология, Университет Осло), старшего преподавателя Кнута Веннеслана (Бергенский университет) и исполнительного директора Эгила Каллеруда в качестве секретаря.

³⁴ Программа в области саамских исследований «Культурные вариации и межэтнические процессы», которая продолжалась с 1983 по 1988 г., финансировалась Советом по исследованиям в области социальных наук (Rådetforsamfunnsvitenskapeligforskning, RSF) в NAVF, KAD(Kommunal-ogarbeidsdepartementet, Министерство местного самоуправления и труда Норвегии) и UiT.

³⁵ Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerande notat til Rådet for humanistisk forskning."(A. 99.00.114) Tromsø, 1980. p. 12.

³⁶ Там же, с. 10.

Культура была главным аналитическим выражением, которое функционировало, согласно Бьёрго, как интегрирующий элемент по дисциплинам. Он упомянул об историческом опыте исследований меньшинств и считал, что это было средством разработки метода, действующего как «стимул» в дискуссии об объективности, которая продолжалась с конца 1960-х гг. Одним из академических вопросов, важных для историков, был статус исследований меньшинств в отношении традиционных критериев научного качества.³⁷ Считалось, что такие выражения, как «точки зрения» (*synsvinkler*), «термины» (*premisser*) и «ценностная основа» (*verdigrunnlag*), становятся всё более очевидными в процессе исследования. Развитие в этой области было полезно и снимало методические ограничения. Он считал, что академическим и социальным аспектам исследований не нужно противостоять друг другу, а нужно «объединиться в общепринятой нормативной системе, охватывающей исследовательскую этику и исследовательские качественные базовые требования».³⁸ Исследования в отношении меньшинств имели существенные теоретические импульсы для проведения традиционных исследований в установленных областях, которые необходимо поощрять.

Цель создания фундаментальных исследований в рамках различных дисциплин возникла из политической цели — предоставить меньшинствам возможность заботиться, защищать и развивать свою собственную культуру. Бьёрго утверждал, что исследования в области культуры саамов и квендов должны проводиться сверх определенного объёма исследований, которые были проведены до сих пор [20, Universitetet i T., с. 198].³⁹

Кроме того, он не видел проблемы в том, чтобы подчеркнуть перспективу фундаментальных исследований, в то же время стремясь выполнить более сложные социальные задачи в краткосрочной перспективе на фоне исследований, основанных на аналитических сведениях. Долгосрочное и общее накопление знаний (фундаментальные исследования) и конкретная категория решения проблемы (прикладные исследования) были двумя измерениями исследований. Кроме того, Бьёрго считал, что третье измерение возникало, когда исследователи отваживались выйти за рамки своей работы и демонстрировали конструктивистский потенциал исследований: «Исследование является культурным выражением. Само его существование — формирование культуры и формирование ценности. И оно является силообразующим». К сожалению, более ранние исследования в этой области часто проводились большинством. Чувство принадлежности к культуре, которая в исследовательской перспек-

³⁷ Там же, с. 15–16.

³⁸ Там же, с. 16.

³⁹ «Деятельное исследование» (*Aksjonsforskning*) было термином в Университете Тромсё, используемом, в частности, учёными-социологами. Исследователи выносили свои обязанности за пределы чистого описания и анализа рассматриваемой области, предпринимая шаги для решения проблемы, с которой они столкнулись.

тиве имела, прежде всего, статус объекта для учёных вне культурного сообщества, было болезненным опытом для многих.⁴⁰ Саамы должны были освободиться, а социальные отношения должны были быть изменены посредством исследований.

Семинар также выявил дисциплинарные позиции, исследовательскую институциональную политику и напряжённость между гуманитарными и социальными науками. Представители музейного сектора, профессор саамской этнографии Эрнульф Воррен и куратор Дикка Шторм из этнографического отдела Музея Тромсё столкнулись с проблемами, связанными с практической, дисциплинарной и академической политикой в своих культурных исследованиях. Их проблема заключалась в том, что деятельность музея не была признана исследовательской. Музей имел давнюю исследовательскую традицию, и, тем не менее, статус исследований считался более слабым [21, Vorren Ø., с. 50]. Воррен ссылаясь на дискуссию с NAVF, в которой обсуждалась степень, с которой сбор объектов считался научной работой. Уведомление из NAVF о том, что это не было научным, было странным, поскольку в коллекциях музея содержались археологические материалы, материалы интервью, фотографические и плёночные материалы. Воррен объяснил, что музеи являются документационными центрами научной работы и показывают предметы для рассмотрения в значимом контексте. Исследование подразумевало знание множественности, управляемости материала и его функционального контекста в пределах его собственной культурной среды и за её пределами, а также внутри и за пределами других культур. Новые социальные науки, которые выросли в послевоенный период, создали проблемы для исследовательских ценностей музея в отношении культурно-исторических предметов, что, по словам Воррена, носило особый характер в отношении исследований в Университете Тромсё. Одна из проблем заключалась в том, что не было соответствующих образовательных программ, которые позволяли бы нанимать людей на должности в музее, и это было связано с тем, что учебный сектор перешёл от «традиционных музейных исследований с исчерпывающими материалами и описательной основой для анализа к модельному мышлению и абстракции, проблематизации и гипотезам в синхронной перспективе» [21, с. 52]. Воррен утверждал, что тенденция, которую его предшественник Оле Солберг (1879–1946) начал в 1920-х и 1930-х гг., не смогла развиваться из-за новой «академической методологии» или «академической этики», которая пришла после войны «с запада» (США). Это подразумевало, что историческая перспектива, конкретные музейные материалы и культурная документация потеряли свою ценность. Та-

⁴⁰ Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerandenotattil Rådetforhumanistiskforskning." Tromsø, 1980, p. 21.

кое образование ранее предлагалось Этнографическим музеем в Университете Осло, но теперь его больше нигде не было. Дикка Сторм подтвердила необходимость обучения персонала. Отделу не хватало времени, и он нуждался в квалифицированном персонале для выполнения различных задач [22, Storm D., с. 62]. Исследовательская работа включала в себя работу с коллекциями и внешними мероприятиями в дополнение к исследовательским и документальным работам [22, с. 63].⁴¹

В Комиссию по ресурсам Финнмарка (Ressursutvalget для Finnmarksvidda) были представлены отчёты, заявления в органы оформления прав, для Комиссии по правам саамов — контрольные и подготовительные материалы, а также материалы расследований и документы по культурному наследию в связи с развитием «дела Алты», которые были утечкой ресурсов. Рабочие обязанности в связи с новым законом о культурном наследии 1978 г. оказали особенно пагубное воздействие на другие виды деятельности. Сторм выступала за усиление акцента на культурном развитии саамов как учебном предмете. Она сделала вывод о том, что это не только решит практические задачи исследований в области культуры, но также будет развивать академическую и теоретическую работу [22, с. 65–69].

Критика этнографов в основном связана с невежеством в отношении того, что их деятельность не оценивалась как исследование наравне с модельным мышлением и теорией социальных наук в синхронной перспективе. С их точки зрения, описательная документация была существенной, и её интерпретация была предпосылкой для исследований. Критика не была напрямую адресована антропологам в Университете Тромсё, но могла быть понята как таковая. Исследования саамских отношений продолжались непрерывно в музее Тромсё со времен лапполога Квигстада. Когда был основан Университет Тромсё, основная ответственность за эту тему была отведена группе исследований саамов/этнических отношений, которая ассоциировалась с новыми социальными науками, разработанными после войны, новыми теориями в изучении народов и культур.⁴² Выдающиеся лица, придерживавшиеся этой тенденции, включали в себя в том числе антрополога Фредрика Барта (1928–2016), который был представителем академической политики в Академической комиссии по социальным наукам во время процесса планирования для Университета Тромсё и который ввёл реляционную перспективу в отношения между этническими группами [23, Barth F.]. Исследователи

⁴¹ Документационная работа была связана с основным планом исследований, который был разработан ещё в 1950-е гг. Темы включали старинное сообщество охотников (культура охоты, археологические термины), дохристианская религия и мифология, оленеводство и кочевничество и прибрежные саамские поселения.

⁴² Учёные из группы саамских исследований/этнических отношений были участниками семинара, но не читали лекции, хотя эта тема, очевидно, имела отношение к социальным наукам. В сотрудничестве с антропологами был организован следующий научный семинар по теории, который был организован в 1984 г. в Каутокейно.

саамов/исследователи межэтнических отношений были связаны с антропологией и приняли реляционную перспективу Барта как основную перспективу их анализа саамского общества. Особенность этой исследовательской группы заключалась в том, что они также анализировали прошлые общества, используя ту же самую перспективу, переходя тем самым в традиционные гуманистические области, такие как этнография и история.

Гипотетическое сотрудничество между саамским этнографическим отделом в музее Тромсё и исследованиями саамов/этническими отношениями не оправдалось. Профессор антропологии Пер Матисен объяснил, что причина этого в том, что они встали на разные перспективы знания. Документальный и описательный подход Воррена к саамскому обществу отличался от аналитического подхода антропологов к позиции саамов в норвежском обществе.⁴³

Антропологи в исследованиях саамов/этнических отношений отвечали за переход от лаппологии к аналитической социальной науке. Неявно этнографы представляли традицию лаппологов. Матисен воспринимал знание как нечто, что одновременно включало академическую и политическую составляющую, в то время как Воррен считал, что знания во многом основаны на объективных фактах. Однако сомнительно, что Воррен согласился бы с этим описанием. Основными областями лаппологии были саамский язык, история, религия и общественные отношения; она имела междисциплинарную отправную точку, с лингвистикой и культурной историей как общим знаменателем, а также варианты истории, географии, археологии и этнологии в учебной программе [24, Niemi E., с. 197].

Исследователями, частично придерживавшимися этой традиции из послевоенного периода, были Хельмер Тегенгрен из Финляндии, Эрнст Манкер из Швеции и Кнут Бергсланд из Норвегии, но у них был более сильный «монодисциплинарный якорь», чем у их предшественников. У Воррена были этнографические методы, которые характеризовались интерпретацией и герменевтикой, но, вероятно, более позитивистской, чем парадигма социальной науки, широко поддерживаемая исследователями института. Был введён новый контекст, в котором стало рассматриваться сохранение саамов: он ограничивался не только культурной, но и социальной сферой.

Отношения и соотношение между описательным и нормативным подходом в культурных исследованиях были ещё более политизированы назначением Самули Айкио в качестве лидера ССИ. Он утверждал, что исследования в отношении меньшинств не могут быть объективными, но всегда будут определять перспективу, которая будет служить некоторым

⁴³ Интервью с Пером Матисеном, 2014.

политическим интересам. Айкио направил свою артиллерию на более ранние антропологические исследования, которые, по его словам, процветали как выплаты от правящих сил (обычно колониальных держав), влияя таким образом на исследовательские вопросы. Они, по его мнению, на самом деле представляли свою собственную культуру и свои собственные интеллектуальные круги [25, с. 72]. Айкио утверждал, что исследования, спровоцированные саамами и о саамах, должны были служить той же цели для саамов, как исследование норвежской повседневной жизни и фольклора для норвежского общества. Утверждение о том, что исследования были свободными, как часто сообщалось в академических кругах, было неверным. Неоднократно было показано, что задачи исследований решаются силами, которые, например, являются целью создания национальной идентичности. Если бы саамы должны были проводить исследования по саамским отношениям, это должно означать, что они открыто и смиренно признали, что их целью было продвижение интересов саамов по отношению к обществу в целом и не поддаваться утверждению об объективности, которое на самом деле скрывало интересы власти [25, с. 73–74]. Айкио рассуждал, как и Бьёрго, о том, что исследования должны иметь положительное воздействие, но также быть конкретными в отношении того, кто должен проводить исследования: саами потребовали собственных исследований и своих собственных исследователей.

Исследования не обязательно должны были быть полезными для общества в целом — они должны быть достаточными, чтобы отвечать собственным требованиям саамов. Также историк Хельге Сальвесен из Университета Тромсё согласился с Айкио в том, что потребность меньшинств в написании собственной истории и создании собственной идентичности ничем не отличается от того, что сделали норвежцы в течение XIX в. [26, Salvesen H., с. 115].

Широкое согласие было достигнуто в плане того, что отношения с общинами саамов также должны изучаться изнутри. В какой мере это должно быть сделано на благо только меньшинства, не было заявлено однозначно. Эйнар Ниemi, историк и (в то время) куратор совета района Финнмарк, утверждал, что подход, который принимал отправную точку со своей или чужой группой, был беспроblemным в том, что касается исследований в сообществе: важными были отношения между группами. Изучение одной культуры пролиvalo свет на другую [27, Niemi E., с. 118]. Ниemi заметил, что культуры развивались по отношению друг к другу. Он считал, что саамское сообщество должно изучаться изнутри или «на условиях саамов» и по отношению к другим этническим группам, окружающим общинам, обществу в целом или национальному государству [27, с. 122]. Точно так же норвежская община должна изучаться по отношению к саамам.

Реляционная перспектива, связанная с теорией этнических групп, введённая Бартом, была ведущим средством подхода в исследованиях меньшинств в Университете Тромсё. Теория была первоначально разработана для современного анализа сообщества, и вследствие этого изменение парадигмы затруднило сотрудничество в исследованиях саами. Антропологи, историки и археологи в Университете Тромсё восприняли эту точку зрения при анализе прошлых сообществ, как то, что в норвежском контексте воспринималось как новое явление. Семинар показывает, что исследования охватывали и политику с точки зрения новой перспективы. Отсутствие меньшей заинтересованности в национальной группе квенов наблюдала этнолог Венке Олсен [28], но, кроме неё, никто не обратил на это внимания.

Заключение

Таким образом, «дело Алты» было самым значительным научным внешним фактором для создания связи между политикой и исследованиями в период с 1979 по 1985 гг. Исследователи позволили себе участвовать в политических действиях в Стилле, а также в академической проблематике самого дела.

Современные политические дебаты оживили необходимость знаний о меньшинствах на севере, и поэтому была создана программа «Язык, история и культура саамов и квенов». Можно предположить, что борьба за права саамов способствовала тому, что саамы получили приоритетное положение по сравнению с квенами. Научные тенденции, такие как теоретизация по этническому признаку, также способствовали рассмотрению разных групп отдельно друг от друга, и здесь можно проследить влияние Фредрика Барта с его центром внимания на этнических границах, а не на культурных встречах.

Необходимо было провести фундаментальные исследования культурных знаний по всем дисциплинам. В рамках исследовательской программы были сделаны научные теоретические размышления, которые заложили основы для перспектив знания. Дисциплинарная напряжённость выявилась между традиционными гуманитарными исследованиями в отношении меньшинств и перспективами социальных наук. Также очевидны тенденции к смешению этих разных точек зрения.

Было признано целесообразным использовать результаты исследования в политическом ключе. Затем был поднят вопрос о том, для кого предназначалось исследование. Исследователи действовали в соответствии с моделью из двух частей, где в силу принадлежности к меньшинству или большинству, одна была частью асимметричного баланса власти. Одной неявной нормой, а иногда и активно созданной иллюстрацией, было то, что меньшинства были жертвами общества большинства, и надежда заключалась в том, что исследова-

ния будут исправлять этот дисбаланс. С общим пониманием того, что меньшинство было подчинено большинству, никто не мог оправдать какую-либо перспективу, кроме той, что идеи саамов должны иметь приоритет над норвежскими. Используя эту модель, исследователи оставляли квенов без должного внимания. Большинство людей придерживалось мнения, что культура должна восприниматься изнутри, так же, как норвежские исследователи давали знания норвежской общине. Реляционная перспектива для исследования сообществ (большинство и меньшинство) по отношению друг к другу показывает, как метод социальной науки использовался в гуманитарных исследованиях. Было также открыто меньшинство квенов, для чего была использована теория этнической принадлежности, но предполагаемая слабость сообщества квенов не привлекала такого внимания, как саамское. Отчасти причиной тому могло быть то, что исследователи квенов имели меньше этнополитических привязок, чем исследователи саамов. На самом деле, в это время не было этнополитического внимания к квенам, и существовала меньшая потребность в политике идентичности.

Литература / References

1. Selle P., Semb A.J., Strømsnes K., and Nordø Å.D. *Den Samiske medborgeren*, Oslo, Cappelen Damm akademisk, 2015, 319 p.
2. Kalstad J.K.H. Nordisk Samisk Institutt gjennom sine første 30 år. Politisk overvåkning og samisk forskning. *Sámi instituhtta — 30 jagi : raporta Sámi instituhtta 30-jagi ávvudeamis 28102004 = Nordisk samisk institutt — 30 år : rapport fra markeringen av Nordisk samisk institutts 30-årsjubileum 28102004* / ed. Sámi instituhtta, Guovdageaidnu, 2005, 89 p.
3. Keskitalo A.I. Nordisk Samisk Institutt — et tilbakeblikk. *Sámi instituhtta — 30 jagi : raporta Sámi instituhtta 30-jagi ávvudeamis 28102004 = Nordisk samisk institutt — 30 år : rapport fra markeringen av Nordisk samisk institutts 30-årsjubileum 28102004* / ed. Sámi instituhtta, Guovdageaidnu, 2005, 89 p.
4. Keskitalo A.I. Research as an inter-ethnic relation. Samfunnsforskning og minoritetsamfunn / foredrag på Nordisk etnografmøte, Tromsø, 1974, *Acta borealia, B Humaniora*, 1976, volume 13, pp. 15–42.
5. Ramstad J.B. and Saugestad S. Samiske studier — et tidsbilde og noen analyseperspektiver, *Norsk antropologisk tidsskrift*, volume 26 (2), 2015, pp. 92–110.
6. Thuen T. (ed.) *Samene — urbefolkning og minoritet: hva er grunnlaget for samenes krav om rettigheter som eget folk?* Tromsø: Universitetsforlaget, 1980, 196 p.
7. Stordahl V. Antropologi i den fjerde verden, *Norsk antropologisk tidsskrift*, volume 7 (3), 1996, pp. 175–186.
8. Thuen T. Bibliografi ca 1970–1980 over samiske samfunnsforhold. *Samene — urbefolkning og minoritet: hva er grunnlaget for samenes krav om rettigheter som eget folk?* / ed. Thuen T., Tromsø, Universitetsforlaget, 1980, 196 p.
9. Bjørklund I. and Brantenberg T. *Samisk reindrift — norske inngrep. Om Altaelva, reindrift og samisk kultur*, Tromsø, Universitetsforlaget, 1980, 131 p.
10. Baudou E. *Evaluerende av forskningsprogrammet Samisk og kvensk språk, historie og kultur*, Oslo, Rådet for humanistisk forskning (RHF), Norges allmennvitenskapelige forskningsråd (NAVF), 1992, 86 p.
11. Niemi E. Læstadianismen—dens bakgrunn og betydning for de finske innvanderne, *Etniske grupper — læstadianisme — sentrum / periferi i nordnorsk historie* / ed. Historisk klubb. Stensilserie B-historie, Tromsø, Universitetet i Tromsø, 1975.
12. Minde H. *Samenes historie som etterkrigshistorisk forskningsfelt*, Bergen, LOS-Senteret, 1992, 82 p.

13. Niemi E. Kvenforskningen: Et forskningshistorisk perspektiv, *Kvensk forskning: rapport fra kvenseminaret ved Universitetet i Tromsø, mai 2000* / ed. Teemu Ryymin & Elin Karikoski, Tromsø, Institutt for historie, Universitet i Tromsø, Speculum Borealia, No. 2, 2001, pp. 7–29.
14. Larsen C.B. *Oppgjøret som forsvant? Norsk samepolitikk 1945–1963*, Tromsø, Universitetet i Tromsø, Mastertheses, 2012, 139 p.
15. Niemi E. Kategorienes etikk og minoritetene i nord: et historisk perspektiv, *Samisk forskning og forskningsetikk*, NESH-Publikasjon, No. 2, 2002, pp. 22–44.
16. Sammallahti P. Language, culture and resarch, problems of understanding. *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 125–130.
17. Eriksen K.E. and Niemi E. *Den finske fare: sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940*, Oslo, Universitetsforlaget, 1981, 470 p.
18. Fulsås N. *Universitetet i Tromsø 25 år*, Tromsø, Universitetet i Tromsø, 1993, 342 p.
19. Kallerud E.N. (ed.) *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport*, Oslo: Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984.
20. Universitetet i Tromsø, *Innstillinger om filologiske fag og samfunnsfag ved Universitetet i Tromsø: førebunde studium i filosofi, språkfag, historie, pedagogikk, samfunnsvitenskapelige fag*. Tromsø, Universitetsforlaget, 1972, 265 p.
21. Vorren Ø. Grunnlagsproblemer i kulturforskningen, *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 43–56.
22. Storm D. Grunnlagsproblemer i kulturforskningen, *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 57–69.
23. Barth F. (ed.) *Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference*, Oslo: Universitetsforlaget, 1969, 153 p.
24. Niemi E. Vitenskap og politikk: lappologen Jens Andreas Friis og de etniske minoritetene 1860–1890, *Veiviser i det mangfoldige nord: utvalgte artikler av Einar Niemi* /ed. Fredrik Fagertun Stamsund, Orkana, 2014, pp. 197–209.
25. Aikio S. Kulturforskningens grund och problem — en kommentar. *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 71–74.
26. Salvesen H. Forholdet mellom historisk forskning og etnopolitikk. *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 99–115.
27. Niemi E. Kommentar til Helge Salvesens foredrag. *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 117–124.
28. Olsen V. Kommentar til vitenskapsteoretisk seminar i tilknytning til NAVFs / RHF's forskningsprogram. "Samisk og kvensk språk, historie og kultur i Tromsø 8–10. november 1983, *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 131–145.

ОБЗОРЫ. REVIEWS

УДК [327:005.745] (98)

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.190

Международный диалог о человеке в Арктике: тема развития человеческого капитала на Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога»

© **Каторин Игорь Вячеславович**, ведущий эксперт, Арктический центр стратегических исследований. E-mail: mediana.29@mail.ru
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

Аннотация. Прошедший в конце марта 2017 г. в Архангельске Международный арктический форум «Арктика — территория диалога» стал одним из самых представительных мероприятий, посвящённых арктической проблематике, проведённых на территории России за последние годы. Деловая программа мероприятия включала в себя пленарное заседание с участием Президентов России, Финляндии, Исландии, а также 13 тематических сессий. Тема форума «Человек в Арктике» наиболее активно обсуждалась на четырёх тематических сессиях, а также на специальном мероприятии — Форуме арктических муниципалитетов. В статье представлены основные результаты дискуссии участников мероприятия на сессиях «Арктика — территория профессионалов», «Арктика — территория истории, культуры и туризма», «Арктика — территория здоровья», «Арктика — территория благоприятной среды обитания», а также на форуме арктических муниципалитетов.

ских сессий. Тема форума «Человек в Арктике» наиболее активно обсуждалась на четырёх тематических сессиях, а также на специальном мероприятии — Форуме арктических муниципалитетов. В статье представлены основные результаты дискуссии участников мероприятия на сессиях «Арктика — территория профессионалов», «Арктика — территория истории, культуры и туризма», «Арктика — территория здоровья», «Арктика — территория благоприятной среды обитания», а также на форуме арктических муниципалитетов.

Ключевые слова: международный арктический форум, человек в Арктике, человеческий капитал, международное сотрудничество, Арктическая зона России, арктические муниципалитеты, Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, САФУ

International dialogue about people in the Arctic: the topic of development of the human capital at the International Arctic forum “Arctic: Territory of Dialogue”

© **Igor V. Katorin**, leading expert, Arctic Centre for Strategic Research. E-mail: mediana.29@mail.ru
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.

Abstract. The International Arctic Forum “Arctic — Territory of Dialogue”, held at the end of March 2017 in Arkhangelsk, has become one of the most representative events devoted to the Arctic issues in Russia in recent years. The business program of the event included a plenary session with the participation of the Presidents of Russia, Finland, Iceland, as well as 13 thematic sessions. The theme of the forum “People in the Arctic” was most actively discussed at four thematic sessions, as well as at the special event — the Forum of the Arctic Municipalities. The article presents the main results of the discussion of the participants of the event at the sessions “The Arctic is the territory of professionals”, “The Arctic is the Territory of History, Culture and Tourism”, “The Arctic is the Territory of Health”, “The Arctic is a Territory of a Favorable Life Environment”, and also at the Forum of the Arctic Municipalities.

Keywords: The International Arctic forum, People in the Arctic, human capital, international cooperation, the Russian Arctic zone, the Arctic municipalities, Arkhangelsk, the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, NArFU

29–30 марта 2017 г. в Архангельске прошёл Международный арктический форум «Арктика — территория диалога». Данное мероприятие проводится с 2010 г. Этот форум — четвёртый по счёту, и в этом году он состоялся под эгидой Государственной комиссии по развитию Арктики.

Форум вызвал большой интерес у представителей разных стран и сфер деятельности. В мероприятиях форума приняли участие почти 2500 участников из 31 страны. В их числе: 3 президента арктических государств, вице-премьеры Правительства РФ и Госсовета КНР, 5 министров иностранных дел, 11 руководителей министерств и ведомств РФ, губернаторы всех регионов Арктической зоны РФ, депутаты Государственной Думы РФ и члены Совета Федерации, более 50 представителей арктических муниципалитетов, более 450 представителей средств массовой информации.¹

Стоит отметить, что по количеству и статусу участников, форум стал одним из самых представительных мероприятий, посвящённых арктической проблематике, проведённых на территории России за последние годы.

Цель форума: объединить международные организации, органы государственной власти, научные и бизнес-сообщества из России и зарубежных стран для координации подходов в развитии международного сотрудничества, консолидации усилий по обеспечению стабильного развития Арктики и повышения уровня жизни населения на арктических территориях.

Основной площадкой форума стал Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. Деловая программа² включала в себя пленарное заседание, а также 13 тематических сессий, которые были объединены по четырём направлениям:

- человеческий капитал;
- устойчивое развитие Арктики;
- наука и технологии;
- экономическое развитие.

Кроме того, на полях форума были проведены различные специальные мероприятия: в том числе заседание Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, встреча губернаторов Северного форума, форум арктических муниципалитетов, арктический бизнес-форум, международный молодёжный образовательный форум «Арктика. Сделано в России».

Все тематические сессии форума прошли в деловой и заинтересованной атмосфере с участием представителей власти, бизнеса, СМИ, научно-образовательного сообщества, некоммерческого сектора России и зарубежных стран. В обсуждениях и дискуссиях на площадке Форума приняли участие более 150 спикеров и модераторов, в том числе 45 иностранных.

¹ Арктический форум в Архангельске собрал на своей площадке более 2400 участников из разных стран. URL: <http://forumarctica.ru/news/arkticheskij-forum-v-arhangelske-sobral-na-svoej-ploshhadke-bolee-2400-uchastnikov-iz-raznyh-stran/> (дата обращения: 06.04.2017).

² Программа Международного форума «Арктика — территория диалога». URL: <http://forumarctica.ru/programme/> (дата обращения: 06.04.2017).

Ключевым событием Форума стало пленарное заседание с участием Президента Российской Федерации Владимира Путина, Президента Финляндской Республики Саули Ниинистё и Президента Республики Исландия Гудни Торлациуса Йоханнессона.

В рамках дискуссии президентов арктических стран поднимались вопросы социально-экономического развития арктических территорий, изменения климата и экологии в Арктике и многие другие. Лейтмотивом пленарного заседания стала мысль о том, что арктический регион является на сегодняшний день образцом конструктивного мирного взаимодействия стран, компаний, международных структур. Диалог в Арктике, по мнению глав государств, необходимо развивать и дальше.

Основная тема форума «Человек в Арктике» наиболее активно обсуждалась на четырёх сессиях: «Арктика — территория профессионалов», «Арктика — территория истории, культуры и туризма», «Арктика — территория здоровья», «Арктика — территория благоприятной среды обитания».

Главной темой сессии **«Арктика — территория профессионалов»** стала подготовка высококвалифицированных кадров для развития арктических территорий. Модератором дискуссии выступила ректор САФУ имени М.В. Ломоносова Е.В. Кудряшова.

Министр образования и науки РФ О. Васильева отметила приоритетность задачи по подготовке специалистов для работы в Арктике для федерального правительства. Она подчеркнула, что серьёзной проблемой арктических территорий остаётся отток молодёжи. Министр заявила, что университеты, в частности Северный (Арктический) федеральный университет как форпост, сильный научно-образовательный и культурный центр, играют важную роль в удержании талантливой молодёжи в северных регионах. Для закрепления молодых специалистов нужны современные рабочие места и яркая социокультурная среда. По мнению О. Васильевой, необходимо развивать инструмент целевого набора на образовательные программы арктической направленности.

Тема международного сотрудничества в сфере подготовки кадров и научных исследований была краеугольным камнем в выступлении ряда иностранных гостей форума. Так, президент Университета Арктики Л. Куллеруд в качестве примера эффективного взаимодействия рассказал о совместной работе своего вуза с Национальным арктическим научно-образовательным консорциумом России. Директор центра арктических исследований Университета Умео П. Шельд обратил особое внимание на сотрудничество в подготовке кадров, которые могли бы заниматься сохранением культуры коренных народов Крайнего Севера, а также вести борьбу с заболеваниями, характерными для арктического региона. Директор

программы «Полярная инициатива» международного научного центра Вудро Вильсона М. Сфрага отметил, что необходимо чёткое распределение тематики исследований между странами, заимствование лучших практик и выстраивание эффективного диалога между учёными.

Целый ряд участников панельной дискуссии поделились опытом научно-образовательной деятельности в интересах арктических территорий. Ректор Университета Тромсе А.Хусебекк рассказала об опыте работы своего вуза по удержанию кадров, а ректор Лапландского университета М. Юля-Котола о вкладе вуза в решение прикладных задач, актуальных для северных территорий Финляндии.

Интересные модели и идеи подготовки кадров для арктических предприятий и отраслей были высказаны в выступлениях представителей арктических и неарктических регионов. Р. Абдулина поделилась опытом организации в Санкт-Петербурге Арктического молодёжного центра компетенций. Заместитель губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Т. Бучкова представила опыт подготовки специалистов, в том числе с учётом интересов коренных народов, проживающих в округе. Она предложила провести расчёт потребности Арктической зоны РФ в рабочих кадрах до 2025–2030 гг. и сформировать «Атлас рабочих профессий Арктика–2030».

Губернатор Мурманской области М. Ковтун рассказала об изменении системы подготовки кадров, ориентированной на потребности предприятий заполярной области. Эти изменения проявляются на всех ступенях системы, начиная с дошкольного образования, заканчивая высшим образованием. Примеры инноваций в образовании: организация «Роснефть-классов» в школах, развитие образовательного проекта «Юные инженеры Арктики», создание детского технопарка «Кванториум». Заместитель губернатора Томской области М. Сонькин сделал акцент на успешном межотраслевом и межрегиональном опыте взаимодействия научно-образовательных структур региона.

Успешные кейсы по подготовке и повышению квалификации кадров, привлечению и стимулированию молодых специалистов в бизнес-структурах представили Л. Зелькова (ПАО «ГМК „Норильский никель“») и Н. Нестерова (ООО «Газпромнефть–Сахалин»).

Заместитель Председателя Государственной Думы РФ О. Епифанова в своём выступлении отметила важность закрепления молодых специалистов в арктических регионах. Решение данной задачи требует объединения усилия всех заинтересованных структур. Для усиления взаимодействия законодательной власти и общественности в Государственной Думе создается Экспертный совет по вопросам законодательного развития районов Крайне-

го Севера, приравненных к ним местностей, районов Дальнего Востока, а также территорий, входящих в Арктическую зону РФ.

Стоит отметить, что неоднократно в выступлениях участников данной сессии звучала мысль о важности недавно созданного Национального арктического научно-образовательного консорциума, который может стать инициатором, координатором в сфере «арктического» образования и научной деятельности.

Участники сессии **«Арктика — территория благоприятной среды обитания»** обсудили способы обеспечения здоровых и безопасных условий труда, профилактику профессиональных заболеваний, методы предупреждения эпидемий в арктических условиях, вопросы питания и качества питьевой воды.

Руководитель Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человек А. Попова отметила, что укрепление и сохранение здоровья населения макрорегиона невозможно без развития международного сотрудничества в сфере мониторинга и научных исследований факторов среды обитания характерных для Арктики. Она предложила разработать специальные рационы питания для детского и взрослого населения севера, усилить научное взаимодействие по прогнозированию эпидемиологических рисков, в том числе вызванных изменениями климата и смещения на север ареалов распространения переносчиков инфекционных болезней.

Насыщенными информацией были выступления зарубежных гостей форума. Так, И. Томассен, директор по науке социального института гигиены труда Норвегии, представил результаты исследований ситуации в Арктике, связанные с загрязнениями стойкими органическими и неорганическими химическими соединениями почвы, воды, льда, организмов и растений Арктического региона. Профессор Шведской королевской академии наук Б. Эвенгард рассказала о влиянии климатических изменений на здоровье человека и нарастании эпидемиологических рисков, связанных с ними.

Директор Санкт-Петербургского НИИ эпидемиологии и микробиологии А. Тотолян остановился в выступлении на распространении клещевого вирусного энцефалита на северные регионы, а также на проблеме «северного» иммунодефицита, возникающего из-за природно-климатических условий жизни в северных широтах. Председатель комитета по здравоохранению и социальной политике Архангельского областного собрания депутатов С. Эммануилов обратил внимание на роль доступной медицины в создании привлекательных условий для жизнедеятельности человека в арктическом регионе. Он отметил, что процессы

оптимизации в здравоохранении страны далеко не в полной мере учитывают особенности организации оказания медицинской помощи в условиях отдаленных северных территорий.

В ходе дискуссии, в которой также участвовали представители Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Северного государственного медицинского университета, представители частного бизнеса, обсуждались различные аспекты сохранения здоровья местного населения с учётом климатических особенностей Арктики.

Было отмечено, что человек на Севере, в приарктических территориях, изначально находится в неблагоприятных условиях. Тем более что в последнее время в связи с изменением климата, появляются новые риски и угрозы для здоровья человека в Арктике. Решение задачи по формированию благоприятной среды обитания в Арктической зоне возможно лишь при условии системного изучения и управления гигиеническими и эпидемиологическими рисками, активного международного сотрудничества.

Тематическая сессия **«Арктика — территория здоровья»** была посвящена влиянию факторов окружающей среды Арктической зоны на здоровье населения, приоритетам развития здравоохранения в арктических регионах России на ближайшие годы, привлечению медицинских кадров для работы в приполярных территориях. Министр здравоохранения РФ В. Скворцова, отметила, что заболеваемость в арктических регионах сегодня намного выше, а продолжительность жизни на 6–7 лет меньше, чем в целом по стране. Основные проблемы сконцентрированы в первичном звене здравоохранения. Говоря о планах министерства, спикер сообщила, что в ближайшие годы будет обновлено медицинское оборудование в 28 самых нуждающихся населённых пунктах макрорегиона, создана и уже начинает работать специальная программа по санитарной авиации, разработаны программы экстренного реагирования по спутнику в случае возникновения ЧС в удаленных и малонаселенных районах.

Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д. Кобылкин рассказал о том, как на Ямале удаётся удерживать среднюю продолжительность жизни на уровне 72 лет. По его словам, в округе создана одна из лучших моделей профилактики заболеваний. Отделения профилактики работают в каждом муниципалитете. Особое внимание уделяется популяризации здорового образа жизни с учётом региональных особенностей. Так, функционирует передвижной мобильный консультационно-диагностический комплекс здоровья.

Ректор Северного государственного медицинского университета Л. Горбатова рассказала о подготовке медицинских специалистов для работы в арктическом регионе. Сегодня в университете обучается 4,5 тыс. студентов и 5,0 тыс. врачей повышают свою квалификацию. Университет ведёт научно-методическое сопровождение медицинских учреждений в регио-

нах и осуществляет международное сотрудничество, что позволяет внедрять передовые практики и обмениваться опытом. По словам ректора, для сокращения дефицита специалистов в Арктике нужно создать единую базу данных по укомплектованности медицинских учреждений, активизировать довузовскую подготовку абитуриентов, увеличить количество бюджетных мест в вузе. Кроме того, для закрепления кадров в Арктике необходимы дополнительные меры социального обеспечения молодых врачей.

Председатель правления Ассоциации медицинских обществ по качеству, руководитель Высшей школы организации и управления здравоохранением Г. Улумбекова сообщила о показателях здоровья населения в приарктических странах. По словам спикера, ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) в России на 8–10 лет ниже, чем в Скандинавии, а у мужчин ниже на 10–13 лет. На ОПЖ влияют доходы населения, образ жизни, экология и система здравоохранения, в том числе, объёмов финансирования. По мнению выступающего, для улучшения ситуации необходимо увеличить государственное финансирование системы здравоохранения, обеспеченность лекарствами амбулаторий, повысить доступность медицинской помощи на местах, в том числе через систему фельдшерско-акушерских пунктов.

Руководитель Федерального медико-биологического агентства В. Уйба осветил работу агентства по медицинскому сопровождению работников Северного морского пути. Основная задача специализированного здравоохранения — это продление долголетия профессиональных работников, которые связаны с особо опасными и вредными условиями труда, численность которых составляет порядка 10,0 млн. человек. Одна из задач агентства связана с медицинским обеспечением атомного подводного и надводного флота при его эксплуатации и утилизации. По словам докладчика, с 2010 г. в Архангельске ведётся работа по созданию Центра ядерной медицины.

Участники дискуссии отметили важность учёта национальных, региональных и демографических факторов при организации системы оказания медицинской помощи населению. Высказано предложение разработать согласованную концепцию охраны здоровья жителей Заполярья. Спикеры считают необходимым внедрять системы профилактики, мониторинга и специальные программы по сохранению здоровья, в том числе, создать центры морской медицины.

Вопросы сохранения культурно-исторического наследия Севера, современная культурная и духовная жизнь в арктических территориях, направления и механизмы развития туристической отрасли в Арктике обсуждались на сессии **«Арктика — территория истории, культуры и туризма»**. Руководитель Федерального агентства по делам национальностей И.

Баринов рассказал о том, что делается на федеральном и региональном уровне по поддержке коренных народов Севера. Он особо подчеркнул, что необходимо укреплять духовно-нравственное единство коренных народов, содействовать сохранению традиционного образа жизни. Президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России Г. Ледков подчеркнул, что одна из важнейших задач — органично вписать современные технологии в традиционный уклад коренных народов. Необходимо, чтобы молодёжь осознанно делала выбор в пользу традиционного образа жизни.

По словам председателя комитета Госдумы по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Н. Харитонов, предметом особого внимания законодателей является регулирование развития отдалённых арктических территорий, на которых проживают коренные малочисленные народы.

Старшее должностное лицо от Канады в Арктическом совете Э. Леклэр рассказала о внимании, которое уделяется в её стране комфортной жизни коренных народов, например, вопросам их психического здоровья. Она отметила, что растёт интерес молодёжи коренных народов к своей национальной культуре.

Президент Международного арктического научного комитета С. Барр отметила противоречивую роль туризма для арктических территорий. С одной стороны, он является стимулом развития для коренных народов, помогает сохранять духовное наследие, а с другой стороны, туризм увеличивает антропогенную нагрузку на территорию и даже приводит к исчезновению культурно-исторических ценностей.

Епископ Нарьян-Марский и Мезенский Иаков в своём выступлении сделал упор на историю духовного освоения Русского Севера. Он отметил, что Россия имеет уникальнейший опыт осмысленной, духовной, созидательной жизни в сложнейших природно-климатических условиях. Духовное наследие Русской Арктики, по его мнению, необходимо оберегать и развивать.

Тему духовного освоения продолжил директор благотворительного фонда культурных и социально значимых инициатив имени святого праведного воина Феодора Ушакова И. Николаев. Он рассказал о проекте «Северный духовный путь», который нацелен на комплексное исследование духовного наследия Арктики и формирование паломнических маршрутов в Арктической зоне России.

Глава Федерального агентства по туризму О. Сафонов заявил, что туризм для Арктической зоны России имеет особое значение. Он позволяет иностранным жителям и соотечественникам открыть Арктику, является средством межнационального общения. Большой по-

тенциал есть у экологического и промышленного туризма. По словам Сафонова, только на территории Архангельской области есть космодром, судостроительные заводы, алмазные месторождения, которые интересны различным категориям туристов. Кроме того, глава агентства видит перспективу в развитии туризма по Северному морскому пути.

В целом, участники сессии были единодушны в том, что культурно-историческое наследие региона необходимо оберегать и развивать, в том числе, грамотно используя туристические возможности территории.

Самые актуальные для жителей Арктической зоны России проблемы обсуждались на **Форуме арктических муниципалитетов**. Данное мероприятие прошло на полях Международного форума по инициативе Ассоциации «Арктические муниципалитеты». Обсудить социально-экономические проблемы северных территорий собрались муниципалы из всех арктических регионов России, представители региональных и федеральных органов власти.

В приветственных словах гостей форума, в том числе, представителя президента России по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике А. Чилингарова, прозвучала мысль о том, что формирование арктической политики России невозможно без участия представителей поселений и районов. Арктические муниципальные образования являются основой Арктической зоны страны и нуждаются во всесторонней поддержке.

В ходе форума представители арктических муниципалитетов обсудили вопросы транспортной доступности поселений, ресурсообеспечения муниципальных образований, развития предпринимательства и туризма в Арктической зоне РФ, подготовки кадров и привлечение молодёжи в арктические регионы и другие.

По итогам форума была принята резолюция³, которая содержит более 20 пунктов, касающихся различных вопросов развития арктических муниципалитетов. В ней предложено ускорить внесение в Государственную Думу проекта ФЗ «**О развитии Арктической зоны Российской Федерации**», включить в состав Государственной комиссии по вопросам развития Арктики представителей арктических муниципалитетов, разработать и внедрить меры по удержанию и привлечению молодых специалистов, стимулированию предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ. Участники Форума высказались за включение в законодательство об АЗ РФ положений, устанавливающих порядок гарантий и компенсаций для лиц, проживающих на территории АЗ РФ. Также признано необходимым при формировании нормативной базы о создании опорных зон АЗ РФ предусмотреть ставки налогообложения,

³ Главы арктических муниципалитетов просят ускорить разработку закона об АЗРФ. URL: <https://region29.ru/2017/03/29/58db70862817ca063b00834d.html> (дата обращения: 06.04.2017).

сопоставимые со ставками налогообложения для резидентов территорий опережающего развития, а также механизмы гарантирования бюджетной обеспеченности муниципальных образований. Участники поддержали проекты по развитию транспортной инфраструктуры макрорегиона, включая строительство железнодорожной магистрали «Белкомур» и железной дороги Воркута — Усть-Кара, а также меры по развитию образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования макрорегиона.

В целом, форум стал важным этапом обсуждения вопросов, связанных с жизнедеятельностью на арктических территориях с участием представителей федеральной и региональной власти, бизнеса, научно-образовательного сообщества, как России, так и зарубежных стран. Следующий форум по решению Правительства РФ пройдёт в 2019 г. также в Архангельске.

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

Авторы, аннотации, ключевые слова

Authors, abstracts, keywords

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА
ECONOMICS AND POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE**Синица А.Л.** Рождаемость на Европейском Севере России в 1990–2015 гг.**Arseniy L. Sinita** Fertility in the European part of the Russian North in 1990–2015

Аннотация. На основе данных Росстата в статье рассматривается динамика изменения системы показателей, характеризующих уровень рождаемости в регионах Европейского Севера России (в том числе, выделяя городскую и сельскую местности). Для проведения анализа использовались общенаучные и специальные демографические методы. В ходе работы было выявлено, что к 1999 г. число рождений в регионах Европейского Севера России сильно снизилось, но к 2015 г. показатели рождаемости улучшились, хотя рождаемость постарела. При этом рождаемость в регионах Европейского Севера России в целом выше среднего по России уровня, но воспроизводство населения является суженным уже достаточно долго. Наконец, различия между городской и сельской местностями большие. В отношении последней можно предполагать существование определённых проблем, связанных со сбором информации.

Ключевые слова: *рождаемость, показатели рождаемости, Европейский Север России, дифференциация регионов*

Abstract. Based on the Federal State Statistics Service data, the article examines the dynamics of changes in the system of indicators characterizing the birth rate in the regions of the European North of Russia (including urban and rural areas). General and special demographic methods were used for the analysis. In the course of the work it was revealed that by 1999 the number of births in the regions of the European North of Russia had greatly decreased, but by 2015 fertility rates had improved, although the birth rate had worsened. At the same time, the birth rate in the regions of the European North of Russia in general is higher than the average for Russia, but the reproduction of the population has been narrowed for quite a long time already. Finally, the differences between the urban and rural areas are large. In relation to the latter, it is possible to assume the existence of certain problems related to the collection of information.

Keywords: *fertility, fertility indicators, European North of Russia, regional differentiation*

Сүлейманова О.А. Переезд на новое место жительства: к проблеме семантизации вещей в современной культуре (на материалах Кольского Заполярья)

Olesya A. Suleymanova Moving to a new place of residence: the item semantization in modern culture (on materials of the Kola Polar region)

Аннотация. Статья посвящена изучению смыслов и функций семейных вещей в процессе переезда на новое место жительства современными горожанами Кольского Севера. Смена места жительства всегда сопряжена с прерыванием устоявшегося быта и привычного размещения вещей. Выявлено, что в процессе переезда предметная среда семьи переорганизуется и трансформируется полностью или частично, что приводит к ускоренному переозначиванию отдельных её элементов и изменению статуса вещей.

Ключевые слова: *адаптация, быт, вещь, жилище, Кольский Север, память, переезд, семантика*

Abstract. The article is devoted to the study of the meanings and functions of family things in the process of moving to a new place residence of modern citizens of the Kola North. The change of place of residence is always interfaced with the interruption of established life and the habitual placement of things. It is revealed that in the process of moving the subject environment of the family is reorganized and transformed completely or partially that leads to the accelerated change of meaning of its separate elements and change of the status of things.

Keywords: *adaptation, way of life, thing, dwelling, the Kola North, memory, moving, semantics*

Цветков А.Ю. Цели и стратегия развития территории (на примере Соловецкого архипелага)

Alexander Yu. Tsvetkov The objectives and strategy of the spatial development (using the Solovetsky archipelago as the example)

Аннотация. В данной статье изучены процессы целеполагания и разработки стратегии развития территории. Показано соотношение целей и стратегии, определена их роль в управлении территорией. На примере Соловецкого архипелага рассмотрен механизм проведения SWOT-анализа, выполнен анализ системы стратегических целей, представлена модель комплексной стратегии развития территории. Использованы методы морфологического и сравнительного анализа, синтеза, моделирования. Выявлена необходимость более полного соответствия миссии, целей и стратегии, а также их соответствие факторам внутренней и внешней среды развития территории. Обоснована важность разработки комплексной стратегии территории, направленной на её устойчивое развитие.

Ключевые слова: цели, целеполагание, стратегия развития территории, стратегическое управление, разработка стратегии, Соловецкий архипелаг

Abstract. This article is devoted to the objectives and working out of the strategy of the spatial development. The correlation of goals and strategies is shown, their role in the management of the territory is determined. Using the example of the Solovetsky Archipelago, the mechanism of conducting the SWOT analysis was reviewed, the system of strategic goals was analyzed, and a model for the integrated spatial development strategy was presented. Methods of morphological and comparative analysis, synthesis, and modeling were used. The necessity of more complete correspondence of the mission, goals and strategy, as well as their correspondence to the factors of the internal and external environment of the development of the territory was identified. The importance of working out of comprehensive strategy of the territory aimed at its sustainable development is substantiated.

Keywords: objectives, goals setting, strategy of the spatial development, strategic management, working out of the strategy, the Solovetsky archipelago

СААМЫ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СЕВЕРЕ THE SÁMI: SOME ASPECTS OF NORDIC RESEARCH

Нюссонен Ю., Лехтола В.-П. Введение. От расовых различий к возрождению народа: аспекты исследований саамов в Финляндии и Норвегии

Jukka Nyysönen, Veli-Pekka Lehtola Introduction. From depictions of race to revitalizing a people: aspects of research on the Sámi in Finland and Norway

Аннотация. В этом специальном разделе в журнале «Арктика и Север» известные и молодые учёные из Финляндии и Норвегии рассматривают тему народа саами, начиная с эпохи «лаппологии» и до эпохи «исследований саамов». Статьи охватывают историю исследований, историографию и историю науки. Тематически статьи охватывают подробные обзоры исторической эволюции и трансформации «лаппологии» в их национальных условиях и более узконаправленные статьи отдельных учёных, а также статью о саамской историографии с методологической поддержкой. В двух статьях основное внимание уделяется генезису более чувствительных в культурном отношении исследований саамов.

Ключевые слова: саамы, исследование саамов, лопари, лаппология

Abstract. In this special section of journal “Arctic and North” renowned and younger scholars from Finland and Norway take on the topic research on Sámi, from the era of “Lappology” to the era of “Sámi research”. The focus in the articles varies between research history, historiography and history of science. Thematically, the articles range from longer overviews of the historical evolution and transformation of “Lappology” in their national settings and more focused articles on single scholars, as well as an article on Sámi historiography with methodological grip. Two articles focus on the genesis of more culturally sensitive Sámi research.

Keywords: Sami, Sami research, Lapps, lappology

Килли Р. Лопарей ценят за выносливость: исследования саамов в самом северном пасторате финской Лапландии

Ritva Kylli “The Lapps are used like camels in distant lands”: Sámi research in the northernmost parsonage of Finnish Lapland

Аннотация. Андерс Анделин был финским священником, который занимался саамскими исследованиями в самом северном пасторате Финляндии в 1850-х гг. Его работы не были исключительными, так как жители европейских сельских пасторатов XIX в. также проводили множество исследований по этой теме. Сам Анделин был этнографом-любителем, историком, археологом, метеорологом, географом, естествоиспытателем, лингвистом и топонимистом. Как исследователь саамов он занимал промежуточное положение между старыми и новыми научными традициями: середина XIX в. считается поворотным моментом в истории академических исследований в Финляндии. До этого времени исследователи собирали фольклор, исторические источники, растения и данные метеорологических наблюдений. В 1850-х гг. акцент сместился от сбора и систематизации материала к более аналитическим и экспериментальным исследованиям. Анделин публиковал свои труды в научных журналах, собирал много подробной информации о саамском народе, поскольку саамы считались примитивным народом, близком к вымиранию. Представители духовенства, приезжающие в Лапландию, рассматривали саамские земли через призму необходимости их культивирования. Их интересовали статистические данные для обоснования необходимости развития сельского хозяйства в Лапландии.

Ключевые слова: 1800-е гг., Андерс Анделин, финская Лапландия, исследования саамов, саамы

Лехтола В.-П. Исчезающие саамы, прогресс в действии: финская лаппология и представления о саамах в обществе в начале XX в.

Veli-Pekka Lehtola Vanishing Lapps, progress in action. Finnish lappology and representations of the Sámi in publicity in the early 20th century

Аннотация. В статье рассматриваются представления о саамах в финских исследованиях в 1920 и 1930-х гг. Роль расовых исследований в финской лаппологии была кратковременной, в то время как доминирующая научная сфера интересов, финно-угорское исследование, имела свои собственные иерархии относительно саамов в междисциплинарной области от лингвистики до фольклористики и этнологии. Этому направлению противостояло антропологическое или культурно-географическое положение, подчёркивающее культурную адаптацию к окружающей среде как руководящую силу, формирующую саамские общества. Помимо чисто научных знаний, в статье рассматривается обширная область других саамских описаний: от путеводителей до газет-

Abstract. Anders Andelin was a Finnish clergyman who engaged in Sámi research in the northernmost parsonage of Finland in the 1850s. His efforts were not exceptional, as the residents of 19th century European rural parsonages practiced a lot of research. Andelin himself was an amateur ethnographer, historian, archaeologist, meteorologist, geographer, natural scientist, linguist, and toponymist. He was, as a Sámi researcher, between old and new scientific traditions: The middle of the nineteenth century has been regarded as a turning point in the history of academic research in Finland. Until then, researchers collected folklore, historical sources, plants, and meteorological observations. Around the 1850s the focus shifted from collecting and listing towards more analytical and experimental research. Andelin published his writings in scientific journals but also compiled a lot of detailed information related to the Sámi people, as the Sámi were thought to be a primitive people heading towards extinction. The clergymen who came to Lapland also viewed the Sámi lands through the lens of cultivation. They gathered statistics, which could be used to justify the need for the efforts of agriculture in Lapland.

Keywords: 1800s, Anders Andelin, Finnish Lapland, Sami research, Sami

Abstract. The article examines how the representations of the Sámi were constructed in Finnish studies on Sámi in 1920 and 1930s. The role of racial studies in the Finnish lappology remained a short-period influence, while the dominant scientific field of interest, the Finno-Ugric research, had its own hierarchies concerning the Sámi, implied in the multi-disciplinary field from linguistics to folkloristics and ethnology. This branch was challenged by the human anthropological or cultural geographical position, emphasizing the cultural adaptation to the environment as the guiding force formulating Sámi societies. Besides purely scientific knowledge, the article studies the extensive field of other Sámi descriptions, which spanned from travel guides to newspaper articles. It suggests that this mixture of

ных статей. Предполагается, что эта смесь научных и политических данных вместе со стереотипными представлениями о саамах формирует контекст плохой репутации лаппологии среди более поздних исследователей.

Ключевые слова: финская лаппология, финно-угорское исследование, человеческая антропология, представления о саамах

Хансен Л.И. О саамской историографии

Lars Ivar Hansen Perspectives on Sámi historiography

Аннотация. Статья посвящена истории саамов и историческим методам. В реляционном контексте рассматриваются основные результаты и центральные аспекты истории саамов. Какие последствия — как в отношении методологии, так и стилей повествования — эти аспекты имели и должны были иметь для процессов проведения исследований и составления истории саамов? Основное внимание уделяется политике в истории саамов и её исследовании. Рассматриваются вопросы, кому «разрешено» составлять историю саамов и выбирать способ проведения исследований с целью удовлетворения различных социально-культурных потребностей саамов. Рассматривается история саамов в целом и возможности реализации более ограниченных усилий по представлению сведений о саамских культурных практиках, их традициях и опыте отношений с другими народами. В заключение представлены методологические подходы и рекомендации по истории саамов с упоминанием ряда источников.

Ключевые слова: историография, история саамов, реляционный подход, методология

Нюссонен Ю. Вэйне Таннер и дискурс о расовых различиях

Jukka Nyysönen Väinö Tanner and the discourse on racial difference

Аннотация. Статья посвящена менее известному аспекту исследований скольт-саамов, проведённому Вейнё Таннером, — его идеям о скольт-саамах с точки зрения расовых исследований. Рассматривается место Таннера в научной области расовой теории и дискурсивные ресурсы, на которые он полагался. Одним из вдохновляющих современных дискурсов был финский гигиенический дискурс и улучшение здоровья нации, к которому склонялся Таннер. Он рассматривал аспекты более агрессивного евгенического дискурса, сформулированного его этническими сверстниками, финскими шведами, но дискурс об их расовом превосходстве был непригодным, учитывая круг вопросов в его книге, призванных поднять позицию скольт-саамов в расовых

scientific and political interests together with stereotypical representations of the Sámi forms the context for the poor reputation of lappology among the later researchers.

Keywords: Finnish lappology, Finno-Ugric research, human anthropology, representations of the Sami

Abstract. The article focuses on Sámi history and historical methods. The main results and central aspects of Sámi history, in its relational context, are gone through. What effects and consequences — regarding both methodology and narrative styles — these aspects have had, and ought to have, for the processes of doing research on and writing Sámi history? The focus is on the politics of Sámi history and research. The issues, who is “allowed” to write Sámi history and the way Sami research is demanded to stand in the service of different societal-cultural needs of the Sami is dealt with. This expectation of applicability concerns Sámi history in general, and the more delimited efforts of presenting situated accounts of Sámi cultural practices, traditions and experience with relations to other folk groups. Finally, methodological considerations and recommendations of Sámi history are presented, in which a number of methodological competences and in-depth usage of numerous source categories are called for.

Keywords: historiography, Sami history, relational approach, methodology

Abstract. The article charts a previously lesser-known aspect of research on the Skolt Sámi by Väinö Tanner — his ideas on the Skolt Sámi as a race. Tanner’s place in the scholarly field of racial theorizing and the discursive resources on which he relied are examined. One inspiring contemporaneous discourse was the Finnish hygienic discourse and the improvement of the nation’s health, towards which Tanner leaned. He reproduced aspects of the more aggressive eugenic discourse articulated by his ethnic peers, the Finland-Swedes, but the discourse on their racial superiority was unusable, given the agenda of his book, to elevate the Skolt Sámi in the racial hierarchies. The economic organization of society was decisive for Tanner, rather than race, making him a social evolutionist.

иерархиях. Экономическая организация общества была решающей для Таннера, в отличие от расового вопроса, что сделало его социальным эволюционистом.

Ключевые слова: Вайне Таннер, расовые исследования, исследования саамов, скольт-саамы

Keywords: Väinö Tanner, research on race, studies on Sami, the Skolt Sami

Ландсем Л.И. Исследование меньшинств: между наукой и политикой

Lena Ingilæ Landsem Research into minorities: between science and politics

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь между наукой и политикой в исследованиях меньшинств в период с 1979 до середины 1980-х гг. в Университете Тромсё. На исследование оказали влияние различные условия того времени, такие как политические события и приоритеты и идеологические потоки в академических кругах. Три фактора повлияли на выбор темы, приоритетов и подходов к исследованиям меньшинств в Северной Норвегии. Первым фактором было возведение дамбы на реке Алта-Каутокеино, затем борьба за права саамов и политические изменения в отношении саамского населения в Норвегии. Каковы были последствия этой политики для исследований в академической среде в Северной Норвегии? Вторым фактором стала исследовательская программа, проводимая Норвежским общим научно-исследовательским советом (NAVF). Анализ соответствующих тем и тематических областей в исследованиях меньшинств осуществляется на основе этой исследовательской программы. Наконец, будут использоваться методологические и исследовательские политические дискуссии по эмпирическим и этическим позициям, которые были значимы в 1980-х гг. Только ли саамы или также исследователи, принадлежащие к этническому большинству, имели право проводить исследования саамов? Источниками явились внутренние документы, отчёты, научные статьи и устные сведения из UiT.

Ключевые слова: слова: исследование меньшинств, исследовательская политика, Университет Тромсё, исследования саамов и квен

Abstract. The article examines the interplay between science and politics in minority-research in the period 1979 to mid-1980s at the University of Tromsø. Research was influenced by different conditions at the time, such as political events and policy priorities and ideological of streams in academia. Three factors influenced the choice of theme, priorities and approaches to minority-research in North Norway. The first factor was the damming of the Alta-Kautokeino river, followed by Sámi rights struggle and political changes towards the Sámi population in Norway. What consequences did the political case for the research for the academic environment in the Northern Norway? The second factor was the research-program run by the Norwegian general scientific Research (NAVF). An analysis on the relevant themes and focus areas within minority-research is undertaken on basis of the research program. Finally I will use the methodological and research political discussions on emic and etic research positions that took place in the 1980s. Was it the Sámi themselves, or also the researchers belonging to the majority that had the right to pursue research on the Sámi? Sources consist of internal documents, reports, research papers and oral sources from the UiT.

Keywords: research on minorities, research politics, University of Tromsø, Sami and Kven research

ОБЗОРЫ. REVIEWS

Каторин И.В. Международный диалог о человеке в Арктике: тема развития человеческого капитала на Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога»

Igor V. Katorin International dialogue about people in the Arctic: the topic of development of the human capital at the International Arctic forum "Arctic: Territory of Dialogue"

Аннотация. Прошедший в конце марта 2017 г. в Архангельске Международный арктический форум «Арктика — территория диалога» стал одним из самых представительных мероприятий, по-

Abstract. The International Arctic Forum "Arctic — Territory of Dialogue", held at the end of March 2017 in Arkhangelsk, has become one of the most representative events devoted to the Arctic issues in

свящённых арктической проблематике, проведённых на территории России за последние годы. Деловая программа мероприятия включала в себя пленарное заседание с участием Президентов России, Финляндии, Исландии, а также 13 тематических сессий. Тема форума «Человек в Арктике» наиболее активно обсуждалась на четырёх тематических сессиях, а также на специальном мероприятии — Форуме арктических муниципалитетов. В статье представлены основные результаты дискуссии участников мероприятия на сессиях «Арктика — территория профессионалов», «Арктика — территория истории, культуры и туризма», «Арктика — территория здоровья», «Арктика — территория благоприятной среды обитания», а также на форуме арктических муниципалитетов.

Ключевые слова: международный арктический форум, человек в Арктике, человеческий капитал, международное сотрудничество, Арктическая зона России, арктические муниципалитеты, Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, САФУ

Russia in recent years. The business program of the event included a plenary session with the participation of the Presidents of Russia, Finland, Iceland, as well as 13 thematic sessions. The theme of the forum “People in the Arctic” was most actively discussed at four thematic sessions, as well as at the special event — the Forum of the Arctic Municipalities. The article presents the main results of the discussion of the participants of the event at the sessions “The Arctic is the territory of professionals”, “The Arctic is the Territory of History, Culture and Tourism”, “The Arctic is the Territory of Health”, “The Arctic is a Territory of a Favorable Life Environment”, and also at the Forum of the Arctic Municipalities.

Keywords: the International Arctic forum, People in the Arctic, human capital, international cooperation, the Russian Arctic zone, the Arctic municipalities, Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, NArFU

Редакционный совет журнала «Арктика и Север»
Editorial board of “Arctic and North” journal

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukachev (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Петров Андрей Николаевич, PhD (география), адъюнкт-профессор (доцент) кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдаленных и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет
12. Дрегалю Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления САФУ имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
13. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, директор Арктического центра стратегических исследований САФУ имени М.В. Ломоносова.
14. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург). Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).

16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Арктика и Север» САФУ имени М.В. Ломоносова. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, директор ФГБУН «Институт проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Российской академии наук» (ИППЭС КНЦ РАН).
19. Селин Владимир Степанович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты). Заслуженный экономист России.
20. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет
21. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения и международных отношений САФУ имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
22. Титова Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», профессор САФУ имени М.В. Ломоносова.
23. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления САФУ имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
24. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт» (Санкт-Петербург).

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

28 апреля 2017 года

Выходные данные. Output data**АРКТИКА и СЕВЕР**

DOI 10.17238/issn2221-2698.2017.27

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна.

Ответственный секретарь — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Санталова Елена Валентиновна. E-mail: santalova2008@yandex.ru

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: e.shepelev@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://narfu.ru/aan> — 29.06.2017

ARCTIC and NORTH

DOI 10.17238/issn2221-2698.2017.27

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.

Executive secretary — Shepelev E.A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Editor — Grosheva T.E. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Art editor (English version) — Santalova E.V. E-mail: santalova2008@yandex.ru

Placement on the webpage by E.A. Shepelev

Registration certificate El № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: “Arctic and North” journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: e.shepelev@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://narfu.ru/aan> on 29.06.2017